

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ **ВОКРУГ СВЕТА**

**№3(9)
1962**

СКАТЕЛЬ

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

Загораются и гаснут сигнальные лампы, пульсируют стрелки приборов. Дежурный оператор включает турбореактивный двигатель...

Установка, которую вы видите на этой обложке, не имеет никакого отношения ни к освоению космического пространства, ни к проникновению в таинственные недра земли. Это гигантская зерносушилка, спроектированная Украинским научно-исследовательским проектным институтом. Ее основная часть — турбореактивный двигатель. Мощный поток теплого воздуха, нагнетаемый двигателем, позволяет при помощи специальных приспособлений высушивать в сутки несколько вагонов кукурузного зерна.

Художник А. Гусев изобразил на обложке деталь этого сельскохозяйственного комбината. Общий вид зерносушилки — на нижнем рисунке.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

СКАТЕЛЬ

№ 3 (9) 1962

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

*Приключенческая повесть
о молодых геологах*

ЗАВТРА НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

**ИНДУСТРИЯ — СЕЛЬСКОМУ
ХОЗЯЙСТВУ**

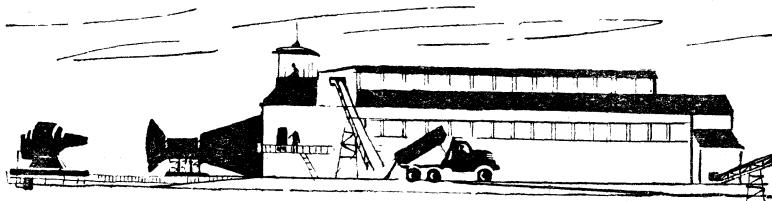
КТО СОЗДАЛ ВТОРУЮ ЛУНУ?

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Фантастическая повесть

Венера, вам слово!

Леонид Борисов: **НОВЫЕ
ГЛАВЫ ОБ АЛЕКСАНДРЕ
ГРИНЕ**

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Научно-фантастическая повесть

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

1

— Это у нас рассказывали, бывало, по вечерам, — сказал Сенцов.
— Да, по вечерам... — отозвался Раин со вздохом.
Вечеров они давно не видели.

2

Рисунки А. Гусева, В. Немухина

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов. Там можно было запросто встать и пойти гулять по улицам, не надевая скафандров.

3

Там оставалось и многое другое, имя чему было — Земля. Странное дело: с расстояния в семьдесят миллионов километров должна была, верно, показаться совсем незначительной родная планета, давно уже превратившаяся в яркую звездочку, неотличимую от других. Но получалось иначе — Земля отсюда становилась гораздо больше, сильнее, роднее до невозможности. И каждое воспоминание о ней — дороже дорогого.

2

— Так вот, — продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. — Баранцева вы все, конечно, помните — ну, заведующий сектором астронавигации института? В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей — чтобы получше разобрались в психике курсантов. И вот подходит очередь Баранцева...

Он остановился на полуслове. Звук, мягкий и печальный, зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колот уши. Мигнули голубые плафоны. Затем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

— Быть по местам! — отчетливо сказал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. — Через десять минут — поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта — прямо перед его креслом — микрофону, нажал клавишу, раздельно продиктовал:

— Двадцать — сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал ему только что выданную печатающим устройством ленту. Сенцов, прищурившись, назвал цифры координат корабля в пространстве.

— Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Всё.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгибе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть всех: не нужно ли успокоить, ободрить товарищей перед трудным участком пути?

Высокий широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно некосмических габаритов, как шутили товарищи, сидел, погружившись в размышления, машинально пригладывая рукой редящие волосы. Он казался глыбой, позаимствовавшей спокойствие и невозмутимость у своих счетно-решающих устройств, и никто, кроме, пожалуй, Сенцова, не знал о той боязни пространства, от которой Калве еще не успел окончательно излечиться. Калве не подведет. Так...

Рядом с ним откинулся в кресле Раинн. Глаза его были полузакрыты, словно бы его занимал вовсе не полет, а некоторые особенности спектра звезды RR Лиры, подмеченные при наблюдении именно отсюда, из пространства, свобод-ного от атмосферных помех. Невысокий, худой — известный астроном и одновременно штурман, или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, он на первый взгляд казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала их со всех сторон. Но Сенцов, не первый рейс уже проводивший с Раинным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло), знал, что на ученого можно положиться во всем.

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе, а ведет себя, как старый звездолетчик. Пока, правда, выдержки не хватает. Вот и сейчас...

Действительно, Азаров не мог вынести столь долгого молчания, беспокойно заерзал в кресле.

— Вот... — сказал он. — И это называется человек вышел в космос. А если рассудить — в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем.

Сенцов пожал плечами. Калве (он был латыш) неторопливо — чтобы не ошибиться в русской грамматике — ответил:

— Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас. Люди выполняют свои задачи, машины — свои. Так мне кажется...

— А мне не кажется! — сердито сказал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков (с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу), заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

— И вообще, — запальчиво продолжал он, — бросьте вы так носиться с вашими машинами! Вы-то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов. А мы — пилоты, и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Да если...

Сенцов не стал вслушиваться в очередной бесполезный спор о том, кто старше: космическое яйцо или курица. Главное было ясно: ребята в порядке. Повернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Двести шестидесятый день полета подходил к концу. Сказывалось напряжение небывалого по продолжительности рейса. Не хватало ощущения скорости, которое всегда дает известный подъем духа; корабль, казалось, просто висел в пространстве. Однако покой этот был обманчив, и напряжение от него только возрастало: вокруг был космос, еще неизвестный, неисследованный и мало ли что тающий в своих черных глубинах.

Повысилась раздражительность. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за девять месяцев всем осточертело. Для полуторогодового пребывания (а именно столько должно было продлиться путе-

шествие) корабль оказался явно тесноват. Или это только казалось? Нестерпимо хотелось иногда выйти, освободиться, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или каюты, в которой они отдыхали.

Полет был разведывательным. Проверялась возможность облететь Марс без длительной, более чем на год, остановки на круговой орбите. И сейчас полет входил в решающую фазу: на расстоянии тридцати тысяч километров предстояло обогнуть Марс. Поэтому так внимательно и вглядывался в лица товарищей Сенцов.

Его, как и всех остальных, собственно, беспокоил не сам поворот. Тревожило другое. Их ракета была не первым кораблем, ушедшим с Земли к Марсу. Несколько раз посылали сюда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передача информации прерывалась. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

У них пока все шло нормально. Но ведь что-то происходило с теми ракетами, и вряд ли это была всего лишь случайность... Происходило... Что же? Что?.. Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, сбившими своим притяжением ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недостаток топлива? По расчетам, его должно было хватить.

Во время полета они беседовали об этом не раз и не два. Оставалось поверить в существование каких-то мощных магнитных полей, в решающую минуту то ли создававших помехи для работы электронных штурманов, то ли вообще выводивших их из строя. Возможно, что машины начинали отдавать неправильные распоряжения, и корабли падали на Марс или уходили безвозвратно в пространство.

Чтобы разрешить, наконец, загадку, на этот раз и летели люди. Они могли в нужный момент взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Метеорную защиту усилили. Ракете был придан космический разведчик.

Все это делало ракету практически неуязвимой — неуязвимой, насколько это вообще возможно в космосе. Но неизвестная, и от этого еще более пугающая, опасность, наверно, все же подстерегала их где-то впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Раинн, закрыв глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись. И хотя все три пилота поочередно несли восьмичасовую вахту — один из них неотлучно находился у пульта, — людям оставалось лишь с завистью поглядывать на опломбированные, закрытые множеством предохранителей, рычаги.

Занятие было не из самых приятных. Подчас и у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль

на Марс. Но он настойчиво отгонял эти мысли: все будет в свое время.

Так он успокоил себя и сейчас. Глаза же его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты.

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть — о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

— Ну... — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой — волосы взвились и встали дыбом («Беда с прическами при невесомости!» — мельком усмехнулся Сенцов). Оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху; отворил дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому: каждый раз он ради развлечения избирал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт. — он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительными шагами, словно и не было никакой невесомости, — на прощанье махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитоскопу — так назывался новейший бортовой телескоп, непрерывно записывавший все, что попадало в поле его зрения, на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим — чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, — вошел Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном. Сенцов потянул носом воздух, усмехнулся. Коробов опустился в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его взгляд, улыбнулся.

— Чистую рубаху надел... — сказал он весело, как бы показывая самым тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдышать, ни о чем не думая, пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать — ни о чем не думать, — он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, словно потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами. Сенцов покосился на него, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Косые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. На миг оба пилота испытали легкое головокружение.

Марс висел перед ними кровавым ятаганом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может —

даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километрах от ракеты светилась Аэрия, темнели Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбался.

Вот так выглядит победа — красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки!

В кресле рядом заворочался Коробов. Вздохнул. Негромко сказал:

— Обидно все-таки... Ползем чуть не год, а лет через пятьдесят-сто люди будут сюда добираться за день. Ну, за три дня... Мы с тобой, знаешь, кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на крыльях. Притом пращурьы наши, в дубовых челноках, — они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для этого поколения, сколько для будущих. Ты скажешь — так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмехнутся ли: «Летали тут когда-то на тихоходах!» Удастся ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: «Нет, не зря старики жгли топливо!»

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов человек трезвой логики. А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей.

Но было уже некогда. Почему-то желание такого вот душевного разговора приходит всегда именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов ничего ему не ответил, впившись взглядом в стрелку хронометра.

— Последние минуты... — сказал он негромко. И ему показалось вдруг, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

— Может, пустим разведчика? — словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

— Рано, пожалуй... — ответил Сенцов. — Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится?.. — И решительно заключил: — Выпустим только при явной опасности.

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во

мраке уголек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортовой экран — там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце. И вдруг оно погасло — сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

Мгновенно на нескольких шкалах стрелки разом качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко застало — это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи вспыхнул красный огонек.

Ракета вошла в теневой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты. Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

— Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателям. Повернул. И словно не свет, а звук включил он — сразу пронзительным, прерывистым ревом захлебнулись sireны радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы — и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завять на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы, и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно — быстрее даже, чем подумал: «Вот оно — то самое!..» — понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с околосветовой скоростью частицы, вонзаясь в металл оболочки, порождали ливень опасного рентгеновского излучения.

Он бросил взгляд на приборы. Да, оно проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

— Ну, что же они там? — крикнул Сенцов и резко кинул тело вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали — на курсовом экране сверкнула яркая вспышка пламени. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка — космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать-сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие костюмы... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах. Что насылает космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой опасности.

Наконец трянуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась. Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, переключивали газовые

рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона — так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять самому управление. Сердце властно требовало: действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов. И уж, конечно, не уважение к параграфу инструкции удержало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно перемалывая что-то... Но вот ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом. Сигналы тревоги стали ослабевать, багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба. Коробов разжал противно задрожавшие руки.

— Вот это встреча... — сказал он невнятно. — Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесполезно было гадать: из каких глубин вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем? Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не хлебнешь ледяной воды. Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другая группа автоматов, которой не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключила экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: ракета заметно приблизилась к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим, не надеясь на автоматы.

— Ну, — сказал Сенцов, — вот и дождались. Вот тебе и особая необходимость, при которой, как гласят правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Соберика всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы теребили застежку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой вычислителя успокоительно гудело, звякало, на панелях мирно вспыхивали многочисленные цветные огоньки.

— Машина в порядке, — сказал Калве, не оборачиваясь.

Он выслушал задание — рассчитать поворот. Согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти, левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от планеты. Затем он надел наушники справочника — в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Потом вошли встревоженные Азаров и Раин — их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу: ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу. Теперь все четверо, быстро поворачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им казалось, что прошло очень много времени, пока машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, пожевал губами. Подумал. Сказал:

— Орбита нестабильна. При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало, что ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда, медленно, по пологой спирали, но корабль все же падал на Марс.

Это никого особенно не смутило — в их власти было включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Прозвенело. Калве нажал клавиш — машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве, казалось, ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз. Повернулся к товарищам — на лице его, казалось, остались только глаза.

— По данным расчета, — сказал он медленно, — в этих обстоятельствах мы... как это? Мы невозможны выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива. Из баков последней ступени — так здесь сказано... Мы падаем на Марс.

3

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов, как всем вдруг показалось, стало угрожающе громким.

Калве сидел уронив руки — из-за отсутствия тяжести они нелепо торчали в воздухе. Остальные кто сидел, кто стоял, откинувшись, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип крепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно (словно это и было самое главное сейчас) следивший за его полетом, сказал:

— А почему беспорядок? Всем быть на местах...

...В первую минуту никто из них не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: «Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты!..» Калве, пожав плечами, ответил: «Так есть». И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь все расселись по креслам, и Сенцов сказал:

— Ну, погоревали — хватит.

— Собственно говоря, — сказал Калве, — я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет, где именно горючее — в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигателя?

Азаров пожал плечами, выражая этим свое молчаливое презрение по поводу незнания самых элементарных технических истин. Коробов спокойно ответил:

— Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени — только топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

— Ну и что? — спросил Калве.

— А то, что расход топлива последней ступени на этом этапе полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

— Остальное мне понятно, — сказал Калве. — Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива ниже нормы. Он не блокировал двигателя, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

— Да, — сказал Азаров. — Но теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

— Вздор! — сказал Сенцов. — Но решать надо быстро.

— Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, — серьезно сказал Коробов. — Премия — экскурсия по маршруту Марс — Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил:

— Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не приходило, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

— Ну, так мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели от удовольствия. Он подошел к программному устройству; несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух... Машина не отвечала долго — за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, пробежал его глазами и протянул Сенцову.

Тот минут пять изучал ленту. Все напряженно следили за его лицом, почти физически ощущая, как корабль все приближается и приближается к поверхности Марса. Но вот Сенцов поднял глаза. Сказал:

— Ну, вот так-то... не мудрствуя лукаво. Выход вполне разумный. Поскольку количество топлива, нужное нам, зависит от массы корабля и дозаправиться мы не можем, значит остается только одно, что машина и предлагает: уменьшить массу...

Пилоты переглянулись. Чтобы принять такое решение, не нужно обладать электронной логикой, и тем не менее никто из них не додумался. Это объяснялось просто: каждый из них воспринимал ракету как живой организм, у которого нельзя отнять какую-то, пусть даже самую малую часть без того, чтобы не нарушить точной и согласованной работы всех органов. Для машины же корабль был всего лишь комплексом деталей — важных и менее необходимых.

Для людей это предложение в первую секунду выглядело таким же нелепым, как если бы кто-нибудь из них предложил бегуну, чтобы увеличить скорость, расстаться с рукой, или с желудком, или с печенью. Но аналогия была лишь внешней, и машина напомнила им об этом.

— Что ж, — сказал Коробов, — это выход. Надо только разобратся, без чего мы можем обойтись.

— И как это осуществить технически, — добавил Азаров. — Тут надо выходить в пространство...

Стали подсчитывать. Только Раин не участвовал в работе — он надел наушники справочника и что-то вычислял на листке бумаги, изредка поглядывая на хронометр.

Утешительного было мало. Если даже пожертвовать аккумуляторным резервом (восемьсот килограммов), резервом воды (полторы тонны), кое-какими приборами (об этом говорилось вполголоса, чтобы не услышал Раин), то получалось всего две с половиной тонны, а нужно было сбросить гораздо больше.

Пилоты пригорюнились. Раин продолжал что-то высчитывать, поднимая изредка глаза к потолку.

Потом все три пилота разом взглянули друг на друга, одновременно открыли рты, будто хотели что-то сказать, и одновременно же закрыли. Тогда Сенцов, засмеявшись, сказал Азарову:

— Ну, Витя, давай ты...

— Вторая ступень! — сказал Азаров, блестя глазами.

— Вторая ступень! — подтвердил Коробов. — А топливо из ее баков — его осталось немного — перекачаем в баки первой ступени — именно туда, где у нас недостача.

— А как перекачать? — спросил Сенцов.

— Да очень просто! — торопливо объяснил Коробов только что возникшую идею. — Демонтируем один компрессор, расчалим тросами на оболочке ракеты...

Сенцов оглядел обоих, потом перевел взгляд на экран: что такое притяжение какого-нибудь там Марса по сравнению с такими вот ребятами! Вслух же сказал самым обычным голосом:

— Что ж, верно. Только есть одна опасность: если во время работы корабль снова подвергнется какой-нибудь атаке — ну, хотя бы метеорной, то, понимаете, сами... Двигатели сработают, а это гибель для всякого, кто окажется вблизи. Мы ведь не можем отключить автоматику метеорной защиты...

— Другого выхода нет, — сказал Азаров.

— Почему же нет? Есть, — спокойно, не оглянувшись, ответил Раин. — Вот он... Мы сейчас приближаемся к орбите Деймоса — внешнего спутника Марса. Я тут подсчитал... Через час с небольшим — тут точные цифры — он нас нагонит. На Деймос можно сесть. Там можно работать спокойнее. А взлететь с него несложно...

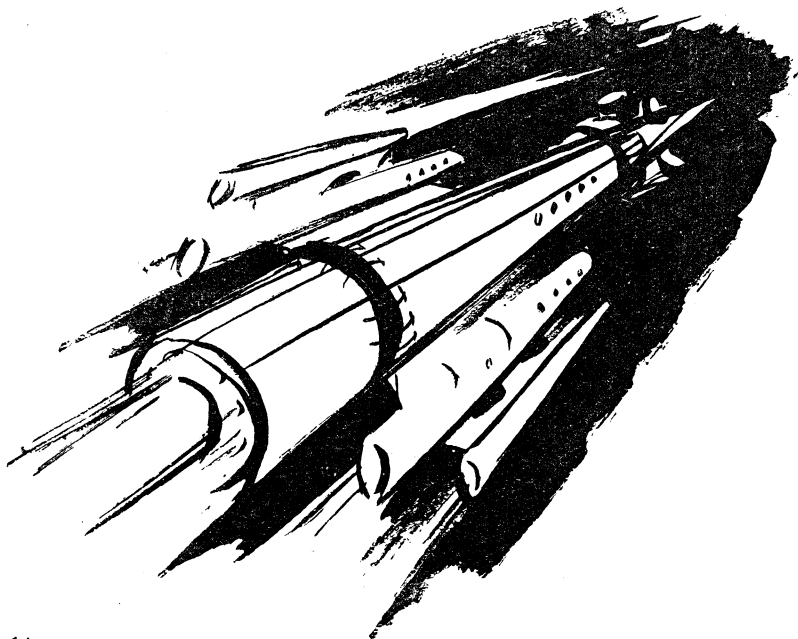
Все оживились. Все-таки будет почва под ногами, демонтаж пойдет гораздо быстрее.

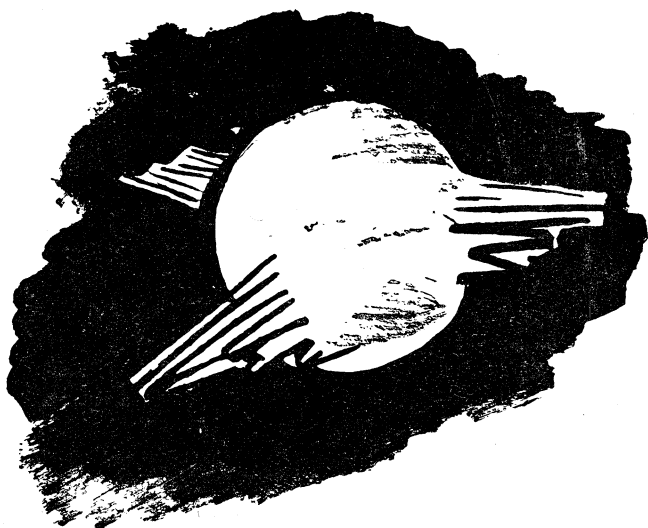
— А заодно, — Сенцов улыбнулся, и улыбки прошли по лицам остальных, — посмотрим, что же это за спутник Марса... Ну, вот и всё. Прощу курс.

Раин и Калве вновь надели наушники. Калве включил вычислитель. Сенцов, секунду помедлив, сорвал пломбы с рычагов автономного управления, отвел предохранители, кивнул Коробову.

— Давай акт!

Нагнувшись над микрофоном, Коробов стал отдельно диктовать: «Сего числа... ввиду особой необходимости... зна-

чительное отклонение от курса...» Не спускавший глаз с хронометра Раин сказал:

— Еще сорок шесть минут точно.

— Крепить всё! — скомандовал Сенцов. — Готовиться к посадке!

Работы по подготовке к посадке заняли более получаса: пришлось привести в посадочное положение большинство приборов, в особенности астрономических. Закончив, снова собрались в рубке, заняли места по взлетно-посадочному расписанию. Сенцов, повернув кресло, проверил, хорошо ли пристегнулись. Он чувствовал себя, как спринтер перед стартом: учащенно билось сердце, сознание стало предельно ясным, каждое движение было рассчитано заранее.

Он повернулся к пульту, и тогда Раин кивнул ему: «Пора!»

— Внимание! — громко сказал Сенцов.

Предостерегающе завывли сирены локаторов — где-то зади нащупали они невидимую во тьме поверхность Деймоса. Сенцов нажал рычаг — все кресла поднялись, обнажив блестящие стальные цилиндры противоперегрузочных устройств. Затем, мальчишески подмигнув сам себе, он твердо положил руку на красную рукоятку пуска, плавно потянул... Корабль, вздрогнув, начал прибавлять ход.

Задуманный маневр был достаточно сложен. Предстояло выйти на орбиту Деймоса, оказаться впереди него и, сохраняя ход несколько меньший, чем орбитальная скорость

спутника Марса, позволить ему догнать себя. Тем самым не было бы истрачено ни грамма топлива из баков тормозных двигателей.

Спутник неслышно скользил по своей орбите, изображение его на экранах все выросло. Сенцов включил рули, и ракета изменила направление движения так плавно, что никто почти не почувствовал заметного ускорения. Да, Сенцов был артист — это все знали. Калве уже рассчитал точку встречи. Маленькая планетка догоняла корабль.

Сенцов чуть увеличил ход, чтобы скорость сближения уменьшилась до предела. Цилиндры амортизаторов медленно двинулись. Тела заметно отяжелели. Чья-то парившая под потолком тетрадь бабочкой снижалась на пол...

В нескольких километрах от Деймоса, когда скорости корабля и спутника почти уравнились, Сенцов выключил двигатель. Откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, сказал:

— Ну, вот. Теперь полчаса посидим, и...

Потом, когда они пытались вспомнить, как это случилось, все признались, что подумалось им в эту минуту одно и то же: Деймосу надоело смотреть на бегущий перед ним корабль, и он решил взять его в руки и рассмотреть поближе. Впрочем, сомнительно, что именно так представлялись им события в тот момент, когда, словно притянутый могучим механизмом, корабль стремительно рванулся кормой вперед — к спутнику. Все вздрогнули в креслах. Сенцов неуловимо-быстрым движением снова включил двигатель, чтобы смягчить посадку. Но Деймос надвигался все ближе и ближе и гораздо скорее, чем хотелось бы любому из них. Надвигалась катастрофа...

Тогда Сенцов, чисто инстинктивно, решил ускользнуть в сторону с орбиты спутника и включил рули. Но темная грозда была уже рядом.

Тряхнуло так, что взвизгнули амортизаторы. Заскрежело... Казалось, ракету волоком тащили по острым камням... Сенцов рывком выключил рули, и скрежет затих. Неожиданно погас экран заднего обзора. Ракета замерла на месте. Сенцов торопливо закреплял предохранители... Внезапно ракета снова дрогнула, стала медленно наклоняться, опуская нос. Никто в рубке не произнес ни слова — расставив локти, чтобы не швыряло в креслах, не мигая, смотрели на экраны, словно оттуда и должно было прийти что-то — спасение или гибель... Только Сенцов поднял было руку, крикнул «Держись!..» — Калве подумалось: сейчас ракету швырнет куда-то в пропасть. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть последней минуты. Но даже на такое движение не оставалось сил...

4

Ничего страшного не произошло: наклонившись, ракета остановилась — замерла под углом градусов в шестьдесят к уже явно ощутимой теперь горизонтали. Все медленно приходило в себя; Калве неудержимо зевал, Азаров поти-

рал ушибленный локоть. Пытались сообразить, что же именно произошло. Сенцов мрачно подвел итоги:

— Ну, сегодня переживаний, кажется, — за весь полет сразу.

В рубке царила некоторая растерянность. Так, наверное, чувствуют себя потерпевшие кораблекрушение, выбравшись на твердую почву необитаемого острова: и радуются и в то же время понимают, что ничто хорошее их, по всей видимости, впереди не ждет...

Наконец Коробов поднялся, кивнул Азарову — оба ушли проверять рабочие помещения и двигатели, лазить по тесным закоулкам вокруг компрессоров и камеры сгорания. Калве присел на корточки перед вычислителем, начал осматривать его. Сенцов приказал выключить лишнее освещение, все локаторы и электростатическое поле метеорной защиты.

— А если?.. — спросил Раин.

— А если — все равно не спасешься, — ответил Сенцов.

Раин кивнул, словно совершенно успокоенный ответом, и стал переключать экраны на телеприемник заднего обзора. Они не оживали: очевидно, на корме были повреждения.

Коробов и Азаров вскоре вернулись, вытирая измазанные руки. Коротко доложили. При первом беглом осмотре все оказалось в порядке, прокрутить же компрессоры вхолостую они не решились: потребуется слишком большой расход электричества. Кое-где испортилось освещение, но это уже мелочь.

Внимательно изучавший приборы Сенцов выслушал все доклады. Кивнул, как будто бы даже равнодушно. Потом повернулся к Раину:

— Сильное магнитное поле — странно... Да и гравитация больше теоретической, если память не изменила...

— Не исключено, что спутник состоит из сверхтяжелых пород. Или...

— Или? — быстро спросил Сенцов.

— Ничего... — замаялся Раин. — Нет, конечно, ничего... Просто очень интересный случай...

— А посадка? — спросил Сенцов? — Тоже породы?

— Для гипотез — не время... Посадка? И ты всего лишь человек. Неточное движение...

— В общем, — не утерпел Коробов, — тут некоторые жаловались на недостаток приключений... — Он подмигнул Сенцову, похлопал по плечу Раина. — Вот вам приключение по первому разряду. Администрация не жалеет затрат...

Азаров покосился на него, что-то проворчал. Больше никто не сказал ни слова — все смотрели на командира. Он молчал, как всем показалось, слишком долго... Было ясно, что придется выйти из корабля, и на лице Азарова было написано такое откровенное желание поскорее выбраться наружу, что Сенцов пожалел его больше остальных, потому что знал: именно Азарову придется остаться. Выходить следовало более осторожным, да к тому же Азаров незаменим для связи.

Нельзя, по соображениям безопасности, выходить и Калве. Хозяин кибернетических устройств, он должен дежурить возле них. Ожидать в ракете предстояло и Коробову — опытный пилот-космонавт, он в случае чего примет командование.

— Наружу выйдем я и Раин, — проговорил Сенцов. — Спутники — по его специальности, — добавил он, хотя мог ничего не объяснять. — Остальным — дежурить по аварийному расписанию. Исправить освещение, наладить быт, держать с нами связь...

— В общем культурно развлекаться, — буркнул Коробов.

Азаров не сказал ничего, лишь гневно взглянул из-под бровей, поднялся и подсел к рации малой связи.

— Не унывайте, — утешил Сенцов. — Успеете... Работать все будут: это могу гарантировать. Мы только разведка...

Опять-таки он мог ничего не объяснять, но ему почему-то хотелось их утешить, оставить успокоенными. «Как перед смертью», — сердито подумал он.

Из стенных шкафов достали два скафандра. Сенцову и Раину помогли одеться. В скафандрах оба выглядели одинаково толстыми, большими. Прозрачные спереди шлемы сделали их существами, принадлежащими тому, наружному миру. Проверили кислород, систему регенерации. Сенцов подул в микрофон шлема, проговорил раздельно: «Раз, два, три, четыре...» То же сделал и Раин. Потом они, прощально подняв руки, направились к двери. Калве и Коробов провожали их к выходу.

Стальная, в десять миллиметров, дверь закрылась за ними. Прижимавшие ее рычаги, сверкнув голубоватым металлом, холодно лязгнув, упали на место. Прошла минута, и Коробов увидел, как стрелка манометра стремительно прыгнула вниз: гидравлика и давление воздуха в камере выжали прикипевшую к гнезду крышку входного люка.

Трое остались в ракете... Азаров сидел у рации, по временам негромко спрашивал: «Ну, как там? Как?» Со связью творилось что-то непонятное: голоса Сенцова и Раина слышались глухо, словно космонавты уже успели отойти далеко от ракеты или же между ними и кораблем была какая-то экранирующая преграда.

Время от времени слышимость вообще пропадала, как будто над поверхностью спутника бушевала магнитная буря. Стрелки магнитометров судорожно дергались. Магнитная буря на поверхности ничтожного камня, неприкаянно мотающегося в пустоте? Здравый смысл Азарова никак с этим согласиться не мог, но приборы упрямо показывали свое. А тут еще Калве не давал покоя...

— Скажи Сенцову, пусть в первую очередь осмотрит солнечные батареи, — повторил Калве уже в третий раз.

Азаров, наконец, понял, чего он хочет, кивнул. Действительно, без источников энергии им придется плохо.

Прибавив мощность, он начал вызывать в микрофон. Наконец голос Сенцова, как сквозь подушку, ответил: «Ба-

тарен? Да ладно — подожди ты там со своими батареями...» Азаров пожал плечами. Потом в наушниках кто-то забормотал. Можно было разобрать только, что это голос Раина. Сенцов воскликнул ему в ответ: «Не может быть!»

Азаров торопливо переключил прием с телефонов на динамик, чтобы было слышно всем, и нетерпеливо закричал в микрофон: «Ну, что там? Да ну же, отвечайте!» Но голоса делались все неразборчивее. Вошедший из коридора Коробов остановился у двери — он услышал, как из динамика донеслось раинское: «Смотри, смотри!..» На этом связь окончательно прервалась. Только густое фоновое гудение доносилось из динамика.

Азаров стремительно протянул руку — усилить напряжение, и в этот момент все трое почувствовали, как дрогнул и стал ускользать из-под ног покатый пол рубки...

5

В выходном отсеке Сенцов и Раин на миг задержались. Двигаться в скафандрах показалось непривычно тяжело. Раин почувствовал капли пота на лбу, а стереть их было нельзя, хотя астроном и попробовал, вытягивая шею, дотянуться лбом до верхней непрозрачной части шлема.

Сенцов отодвинул один за другим два предохранителя. Секунду внимательно смотрел на Раина. Тот кивнул. Тогда Сенцов ладонью нажал красную большую пуговицу на щитке.

Какое-то мгновение казалось, что люк вообще не открывается; потом он со вздохом уступил. Последнее, что они услышали через выведенные на внешнюю сторону шлемов микрофоны, был короткий свист рванувшегося из отсека воздуха. Затем наступила странная, невесомая тишина. Еле слышные шумы в наушниках раций заставляли морщиться, словно от грохота поезда.

Люк оказался почти над головой, однако здесь это не играло роли. Чуть присев и резко оттолкнувшись ногами, Сенцов взлетел вверх. Сел, придерживаясь за борт. За ним таким же образом последовал Раин и тоже задержался на краю люка.

Секунд десять они парили так, оглядываясь, но после яркого света в ракете разобрать что-либо вокруг было трудно: Марс прятался где-то за близким горизонтом.

А прямо перед ними — перед ними была вселенная... Они видели ее такую впервые; это не было звездное небо Земли. Здесь вселенная обнимала их со всех сторон. Они были в самом центре ее, лицом к лицу, наедине с нею. Медленно, едва уловимо она вращалась вокруг них, поражающая обилием звезд, невиданным на Земле. Их не застилала атмосфера; они сияли так ярко, не мерцая, что от их неистового света, казалось, нельзя будет больше никогда и никуда укрыться. И это было совсем не то зрелище, что в телескопе, потому что велико ли поле зрения и самого большого телескопа? За кажущейся неподвижностью светил

угадывалось стремительное движение. Далекие галактики пламенели, как застывшие взрывы. Казалось, до них можно было дотянуться — выпрямленная рука здесь простиралась во вселенную, не встречая никаких преград.

Раин вздохнул глубоко. Дрожь восторга заторопила сердце, глаза ломило от этой красоты, и Раин еще раз поразился в душе, что из всех возможных в жизни путей он избрал звездный.

Отгоняя чары вселенной, Сенцов тряхнул головой. Смирив глазами расстояние, прыгнул; медленно, как падают во сне, опустился на поверхность Деймоса. Раин прыгнул за ним, чуть помедлив — чтобы не обогнать Сенцова и дать ему возможность первым войти в неведомый мир, как и подобало капитану.

Постояли, пока глаза не начали привыкать к темноте. Потом Раин нагнулся, присел на корточки.

— Порода какая-то странная... Коренная, разумеется, но...

Достав из зажима на поясе так называемый универсальный инструмент, он попробовал вырубить кусочек грунта. Но даже электрическое долото оказалось бессильным: то ли с непривычки работать в скафандре, то ли по другой причине, ничего у Раина не получилось. Сверхтвердый сплав долота даже не поцарапал темную поверхность планеты.

Раин пожал плечами, задумчиво убрал инструмент. Провел перчаткой по тому месту шлема, которое закрывало лоб, и сказал, почему-то перейдя на «вы» — так бывало с ним в минуты размышлений:

— Странно... Вы обратили внимание — грунт, я бы сказал, гладкий и, по всему судя, с большой отражательной способностью. С точки зрения минералогии — это нонсенс... Даже лед — ну, лед, пожалуй... Но эта твердость, а?

Но Сенцов его не слушал. Бурча что-то под нос, он отошел на несколько шагов, ступая осторожно, словно по горячим камням. Отсюда лучше было видно место, где опустилась ракета, — та скала, на которой она лежала.

— И все-таки эта посадка... — сказал он. — Ума не приложу!.. Ведь не первый же день в конце концов я за пультом! Пытаюсь вспомнить — нет, ни у кого не было ничего подобного, и никакая теория таких случаев не предсказывает. А факт налицо. А факты, как известно, дают начало новым теориям...

Он снова начал гудеть что-то под нос. Раин, подойдя к нему, сказал:

— Да, как это вам удалось посадить корабль на вершину такой скалы — не понимаю!.. Это даже не искусство, это что-то сверхъестественное. И смотрите, как ракета легла на склон — хоть сейчас взлетай... Очень удачно, очень...

— Взлетать хорошо, слетать плохо... — мрачно проговорил Сенцов.

— А вообще-то любопытно... На Земле это приняли бы за результат выветривания...

Но ветра здесь быть, конечно, не могло, да и никакой

ветер не смог бы так обработать поверхность планеты, чтобы придать скале форму эстакады, устремленной вверх под углом градусов в шестьдесят. И Раин судорожно схватил Сенцова за руку — перчатка скользнула по твердому пластику скафандра: он понял, что это не могло быть простым капризом природы.

Наверное, и Сенцов почувствовал то же самое. Он торпливо повернул выключатель; вспыхнул голубоватым светом укрепленный на шлеме небольшой, но сильный прожектор. От него не протянулось привычного светового луча — здесь не было ни воздуха, ни пыли, и лишь где-то вдалеке, в пустоте сверкнула серебряным блеском крохотная пылинка — исчезающе малый, но самостоятельный мир.

В свете прожектора Сенцов увидел поднимавшиеся из-за близкого горизонта вершины еще двух таких же странных эстакад. И наклон у них был одинаков — у всех в одну и ту же сторону...

Сенцов, экономя энергию, выключил прожектор. И сейчас же Раин, приподнимаясь на цыпочки, словно для того, чтобы высокий Сенцов лучше услышал его шепот (хотя разговор велся по радио), пробормотал:

— Это же... Ты понимаешь? Это же...

Оба опустились на колени, принялись внимательно рассматривать поверхность под ногами. На этот раз включил прожектор Раин. Оба тотчас же зажмурились, глаза их наполнились слезами: прожектор, казалось, отражался в зеркале и бил прямо в лицо.

— Действительно, альbedo — примерно ноль семь, — сказал Сенцов. — И поверхность чистая, нет никакой пыли. Значит — защита? Наведенное поле? А выводы?

Раин, не отвечая, поднялся с колен, движения его были торжественны. Он выключил прожектор (сразу все вокруг утонуло в непроглядном мраке), откашлялся, словно на кафедре перед лекцией. Слишком велико, слишком необозримо по значению и последствиям было то, что раскрылось перед ними. Но в этот самый момент Сенцов сердито сказал:

— Вот и верь вам, корифеям, после этого!.. Вы же с пеной у рта доказываете, что спутники Марса естественные образования!

Раин не защищался. Он просто протянул Сенцову руку, и перчатки скафандров сомкнулись в рукопожатии. Не отпуская руки астронома, Сенцов сказал — по голосу чувствовалось, что он улыбается:

— Вот так-то!.. Теперь начинается проясняться и история с нашей посадкой. Раз спутник искусственный, значит...

— Значит, на нем есть хозяева! — сказал Раин, счастливо блестя повлажневшими глазами. — Они увидели нас, посадили... Встреча с иным Разумом, ты понимаешь? Подумать только, мы могли пройти в каких-нибудь семи тысячах километрах и ничего не узнать! А еще говорят, что не бывает везенья...

Они были счастливы в этот момент. В самом деле, как иначе назвать встречу с Разумом, обитавшим, как оказа-

лось, совсем по соседству с их родиной. По расчетам, события этого следовало ждать еще поколениям, а их, оказывается, отделяли от него лишь часы или даже минуты...

Не разнимая рук и не сознавая даже, что они делают, оба торопливо зашагали вперед по гладкой поверхности. Это был чисто инстинктивный порыв, в котором не участвовал разум, а подталкивало вперед лишь подсознательное желание скорей, как можно скорей встретить разумных братьев, творцов и создателей этой искусственной планеты. Они почти бежали, забыв о необходимости соизмерять движения с небольшой силой тяжести и высоко подскакивая от этого при каждом шаге.

Так они пробежали метров пятьдесят, и возвышение, на котором лежала ракета, стало уже отодвигаться к горизонту. Тогда Сенцов внезапно остановился.

— Постой!.. — сказал он. — Куда это мы вдруг помчались?

— Как это куда? — изумленно спросил Раин, тоже останавливаясь.

Потом внезапно рассмеялся.

— Да, действительно — помчались!.. — весело проговорил он.

Сенцов нахмурился, сердито засопел. Ему стало стыдно за такое легкомыслие. — побежали, как мальчишки.

Тут к ним из наушников и донесся голос Азарова, напоминавший о батареях. Сенцов разозлился еще больше: сколько минут потеряно на какую-то беготню! Разведчики, называется!..

Оба быстро пошли назад, к ракете. Стараясь не отстать от Сенцова, Раин размышлял о том, как лучше включить в обследование спутника весь экипаж. Ну, одного Сенцов, конечно, непременно оставит на дежурстве, но остальные-то могут выйти из корабля. Раз спутник искусственный — значит, встреча с его хозяевами состоится. И чем больше людей выйдет за пределы ракеты, тем больше шансов скорее отыскать если не самих хозяев, то хотя бы ведущий к ним ход, если они по какой-то причине сами не хотят выйти из внутренних помещений. Придется как-то продумать способы переговоров, передачи хотя бы основных понятий, установления какого-то общего языка, чтобы возвратиться на Землю не с пустыми руками, а с грузом тех знаний, которые космонавты смогут почерпнуть у хозяев этого мира — очевидно, превосходящих людей, во всяком случае, по уровню технических знаний; Раин судил так потому, что на Земле еще не умели монтировать в пространстве такие гигантские спутники. Разобраться во всем было так интересно, не говоря уже о том, что надо было получить ответ на вопрос, почему такие близкие соседи до сих пор не навестили Землю, что Раин поймал себя на мысли: «А неплохо было бы здесь задержаться подольше...» И даже восторженно помотал головой, подумав о том, какую бурю поднимет их открытие среди ученых всего мира — да только ли среди ученых!

— Да ты что, уснул, что ли? — в этот момент Сенцов хлопнул его по плечу.

— А? Нет. Я слушаю, как же, — сказал Раин. — Я вполне согласен...

Сенцов усмехнулся, начал терпеливо повторять:

— Сначала осмотрим корму. Ее, наверное, здорово по-растрясло. Конечно, может быть, и не стоило в последний момент включать рули... — Последнее замечание далось Сенцову не очень легко. — Потом — солнечные батареи. И в зависимости от результатов составим план работ. Если никаких серьезных повреждений нет, возьмемся за перекачку топлива.

Они подошли к корме и снова поразились строгим геометрическим формам сооружения, на которое опирался корабль. Поверхность планетки поблескивала у них под ногами, кое-где в ней отражались даже звезды. Но это был не металл, а, скорее, какая-то пластмасса или даже керамика.

Однако изучать ее сейчас было некогда. Сенцова все больше беспокоили частые перерывы связи с ракетой, хотя они стояли совсем рядом с ней — только на несколько метров ниже. Следовало скорее возвращаться к товарищам.

Но как попасть обратно в ракету? Ее корма нависала над ними, упираясь амортизаторами в покатый выступ странной эстакады. Один из амортизаторов, кажется, был основательно покалечен. Но это неважно — все равно ведь основную ступень ракеты придется отбросить, оставить здесь.

Пока Сенцов ломал голову, как по гладкой вертикальной поверхности взобраться наверх к ракете, а если просто прыгнуть, то за что же уцепиться, Раин, видно, думал совсем о другом.

— Тут бы неплохо поставить телескоп, — мечтательно сказал он. — Хотя бы и без магнитного устройства: лучших условий для наблюдений Марса и не придумать.

Сенцов хмуро ответил:

— Подождать придется с телескопами... Похоже, что... — и вдруг вскрикнул, схватил товарища за плечо: — Смотри, смотри!..

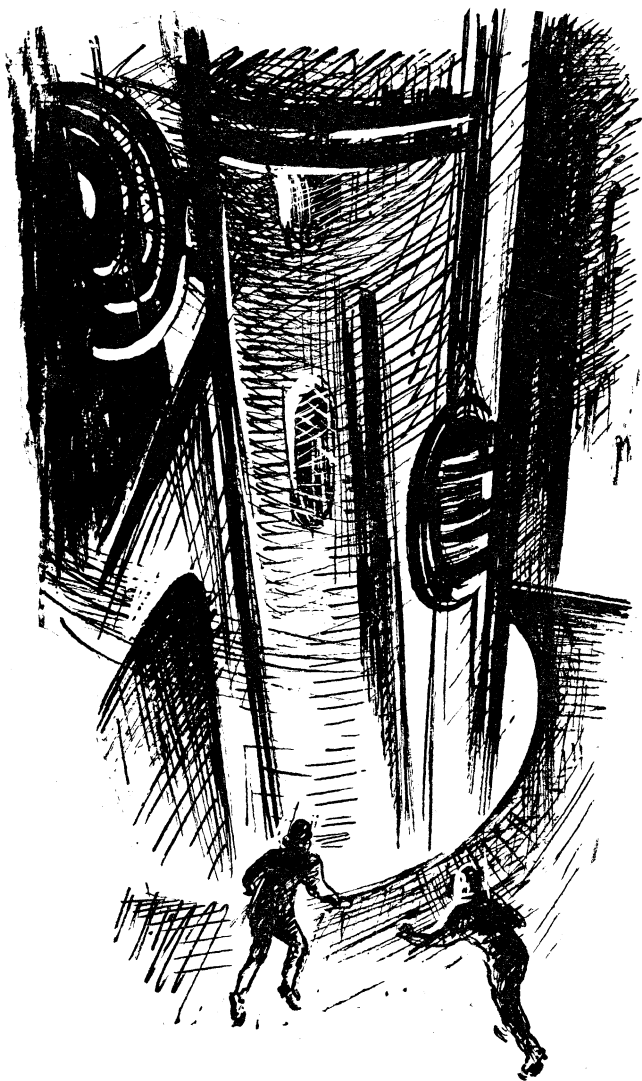
Гладкая поверхность внезапно задрожала под ногами. Ракета дернулась и медленно заскользила по эстакаде кормой вперед, как бы погружаясь в тот самый выступ, на который только что опиралась. Металлический борт корабля тускло блеснул в луче прожектора. Еще мгновение — и ракета исчезла, провалилась куда-то внутрь планетки. Эстакада была пуста...

6

Ракета скользила бесконечно долго — казалось, проваливалась к самому центру спутника. Однако это не было падением: скорость не возрастала. Похоже было, что какой-то механизм опускал их...

Внезапно ракета остановилась. Сидевший у рации Азаров попытался встать на ноги, но непонятное скольжение на-

чалось снова. Коробов смотрел на циферблат хронометра; секундная стрелка так медленно перескакивала от деления к делению, словно каждый раз ей приходилось подолгу собираться с силами. «Как в агонии...» — подумал Коробов. И в этот миг ракета остановилась окончательно.

— Семнадцать секунд... — ровным голосом сказал Коробов и на какую-то долю мгновения пожалел, что спуск закончился. Теперь надо было принимать решение, а Сенцова не было рядом.

— Зачем это они? — спросил Калве растерянно.

— Кто? — спросил Коробов и тут же понял его мысль. — Ты думаешь?.. — И вдруг вытянул руку, призывая к тишине.

Все прислушались. Было явственно слышно, как кто-то постукивает, скребется, трется о металлическую броню ракеты. Впечатление было такое — и всем сразу припомнилось это, — будто вдоль ракеты ходит осмотрщик, постукивает молотком по оболочке, как по вагонным колесам, и что-то деловито бормочет.

Одновременно экраны начали светлеть, словно за бортом ракеты занималась слабая заря. В ее свете стали смутно видны какие-то вогнутые поверхности, непонятные аппараты, приборы... Мимо одного из экранов промелькнула округлая тень, сейчас же послышались шорохи со стороны левого борта. Азаров с шумом выдохнул воздух.

Но Коробов уже полностью овладел собой. Обстановка требовала действий быстрых и решительных, и он готов был действовать.

— Внимание! — сказал он, быть может, чуточку громче, чем следовало. — Искусственный спутник... Сейчас мы встретимся с ними. Как понимаете, церемониал таких встреч пока еще не разработан, но в общих чертах задача ясна: достойно представить свою планету... В любом случае мы немедленно принимаем меры к розыску оставшихся на поверхности товарищей, если их еще не доставили сюда. Помните, что как бы они там ни выглядели, встречаемся мы с друзьями: у них не может быть никаких причин враждебно отнестись к существам с иной планеты, к братьям по Разуму. Встречать их будем у люка... Слышите? — прервал он сам себя. — Опять стучатся...

— Одному надо остаться в ракете, — сказал Калве и сделал шаг по направлению к шкафу со скафандрами.

— Я пойду, Игнатьич! — сказал Азаров. — Хоть теперь-то...

— Нет, — ответил Коробов. — Минуточку! — оборвал он собравшегося что-то возразить Азарова. — Для дискуссии будет отведено специальное время... впоследствии. Пока твоя задача — наладить связь с нашими, и не терять связи с нами, если мы будем вынуждены выйти из ракеты.

Азаров замотал головой; но покорно отошел к рации, сел, начал что-то лихорадочно чертить на листке бумаги. Коробов оглядел рубку, сложил стопочкой на откидном столике рабочие тетради, рукавом смахнул с матово блестящего пульта какую-то пылинку, еще раз оглядел все критическим взглядом.

— Ну, пошли...

Быстро надели скафандры, проверили кислород, связь. Калве сказал:

— Захватим по запасному баллону... на всякий случай.

— И аптечку возьми... тоже на всякий случай, — ответил Коробов.

Калве мысленно усмехнулся: видимо, полной уверенности относительно благополучного исхода встречи у пилота все же не было...

Вышли в тамбур. Постояли, пока вокруг них бушевало ультрафиолетовое излучение: такой душ полагалось принимать всякий раз при выходе и входе, чтобы не вынести и не занести в ракету ни одного микроба.

Люк открывался медленно. Наконец над их головами засветился, замерцал серым рассеянным светом выход. Они не услышали свиста, с каким воздух из тамбура должен был стремительно вырваться в пустоту.

— Какая-то атмосфера здесь, значит, есть... — сказал Коробов. — Ну, да оно и понятно: раз есть живые...

Он неотрывно глядел на отверстие люка, откуда должны были показаться эти живые. Они медлили. Прошла минута, вторая, третья, а ни одно живое существо так и не появилось. Коробов усмехнулся, сказал:

— Да, смельчаками их не назовешь... Ну что же, покажем пример...

Он вылез наружу, огляделся. Ракета наклонно лежала на длинной, чуть вогнутой платформе, один край ее — с той стороны, где находился люк, — они могли рассмотреть во всех подробностях. Двумя уцелевшими кормовыми амортизаторами ракета, очевидно, во что-то упиралась. Стучавшие в оболочку куда-то скрылись — никого не было видно, но вылезшему вслед за пилотом Калве все время казалось, что он чувствует чей-то пристальный, неотступный, тяжелый взгляд.

— Что же, прыгнем? — спросил Коробов. — Невысоко, метра три до пола...

— А обратно?

— Обрато нас будет четверо, справимся, посадим друг друга, — сказал Коробов уверенно, как будто не впервые приходилось ему разыскивать друзей на чужих искусственных спутниках.

Осторожно, придерживаясь за люк, они спрыгнули на край платформы.

— Тяготение порядка одной пятой земного, — прикинул Калве.

— Значит, искусственная гравитация для марсиан не проблема, — ответил Коробов. — Вот чему бы научиться...

Подойдя к краю платформы и еще раз оглядевшись в надежде увидеть хоть одно живое существо, они спрыгнули на пол. Осторожно ступая, отошли от ракеты на несколько шагов. Калве глянул на часы, потом — на абсолютный термометр.

— Двести семьдесят восемь — значит, пять по Цельсию... Давление — триста.

— Что ж, приемлемо, пока мы в скафандрах, — спокойно откликнулся Коробов. — Но куда же мы в конце концов попали? Где гостеприимное население? Где оркестр, цветы?

Они находились в большом, похожем на ангар зале. Внешняя широкая стена его, в которую упиралась эстакада с лежащей на ней ракетой, была чуть выгнута наружу, противоположная, узкая, казалась выпуклой, словно обе были выстроены по дугам концентрических окружностей. Плавно, без углов стены переходили в высокий потолок.

Вдоль стен этого огромного зала, который эстакада с ракетой делила точно пополам, возвышались какие-то машины или приборы неизвестного назначения; форма их была, видно, хорошо продумана, точно выверена, хотя и казалась непривычной для земного глаза: много острых углов, вогнутых поверхностей, нависающих, выдающихся плоскостей. Но все они создавали впечатление стройной системы, объединенной общим замыслом и стилем. Коробов привык по внешнему виду машины судить об общем уровне технической культуры, и похоже, здесь этот уровень был достаточно высок.

Отовсюду дружелюбно — или это так казалось? — подмигивали разноцветные огоньки. Вдоль стен тянулись трубы и кабели со множеством ответвлений, вентиляй, патрубков, непонятных грибообразных отростков, блестевших голубым блеском наконечников, экранов с нервно пульсирующими огоньками. Разреженная атмосфера доносила легкий гул. Но никого не было видно, никто так и не захотел показаться людям. Очевидно, хозяева предпочитали наблюдать за гостями откуда-нибудь из укрытия.

— А проводочка у них наружная, — сказал Коробов. — У нас такого безобразия бы не допустили.

Калве кивнул. Он не удивился замечанию Коробова: и у него самого было такое чувство, словно это не на другой планете находились они, а просто на каком-то вполне земном заводе, хотя и неизвестного назначения. Здесь ничто не тяготило таинственным, потусторонним. Наоборот, хотя многое для них и оставалось пока непонятным, но в принципе было схоже с тем, что оставили они на Земле. Хотя бы вон та машина, определенно напоминавшая формой автомобиль, только почему-то перевернутый вверх колесами, и, конечно, это был вовсе не автомобиль — просто воспринимался именно так по земным ассоциациям. Над этим стоило поразмыслить. Но для размышлений сейчас не было времени.

Калве вздохнул, вспомнив о земных лабораториях, об «умной» тишине вычислительного центра, в которой было так приятно думать... Но Коробов уже зашагал по залу.

— Ну, раз хозяева не показываются, мы их ждать не станем. Надо самим искать ход на поверхность: наших здесь, судя по всему, еще нет, значит они остались наверху. Один ход наверняка есть — там, где прошла ракета.

— Но нам его не откроют, — возразил Калве.

— Может, и открыли бы, если им объяснить, — с досадой сказал Коробов. — Да объяснять-то некому, вот беда!..

— Поищем другой, — сказал Калве. — Мне кажется... по-моему, в том конце зала — видишь, не по оси эстакады, а правее — какая-то ниша в стене.

Оба торопливо пересекли зал. Действительно, это было похоже на выход. Только как его открыть, было совершенно непонятно. На двери — вернее, на пластине, перегоравшей нишу, — не было ни намека на рукоятку или на замочную скважину.

— Да, эти самые местные жители... — сердито начал Коробов.

— Вот они! — прервал его Калве.

7

В длинном коридоре тусклым сероватым светом горели светильники, покрытые слоем пыли. Они сами зажигались перед идущими и гасли, оставшись позади.

Почему-то Раину пришли на память монументальные пирамиды фараонов с их скрытыми потайными переходами. Там так же, наверное, археологов давили стены таинственной неизвестностью. Но это ведь на Земле, а тут...

Они шли торопливо, внимательно оглядываясь по сторонам. Было пройдено около сотни метров, а коридор все не кончался, по-прежнему уводил их все дальше — прямой, без единой двери, без единой детали, которая нарушала бы однообразие. Казалось, он шел совершенно горизонтально, хотя в этом необычном мире вряд ли можно было целиком доверять своим ощущениям. Лампочки индикаторов радиоактивности слабо тлели в шлемах скафандров, напоминая о постоянном небольшом излучении.

Полчаса тому назад, на поверхности, когда лежавшая, казалось, неизбежно ракета вдруг скользнула вниз и так непонятно исчезла, оставив их одних в пустоте, им сгоряча показалось, что все кончено. И в самом деле, не пробиваться же сквозь материал, который сталь даже не царапала!

Несколько секунд они сидели молча, мысленно прощаясь со всем, что было дорого в жизни. Раин подумал, что если бы не Сенцов рядом (слышно было, как он яростно, шепотом выругался), то от такого полного, абсолютного одиночества посреди вселенной в пору было завывать, глядя на звезды.

Но как-то сразу, одновременно оба обнаружили, что как бы там ни было, умирать они все же не собираются. Тогда Раин сердито сказал:

— Вот они, ваши ракеты... Допрыгались!..

— А ракеты тут при чем? — зарычал Сенцов и, махнув рукой, полез на эстакаду.

— Зачем им понадобилось втягивать ракету, не понимаю! — бурчал он.

— Они могли и не заметить, что кто-то вышел из нее.

— Нечего сказать — хорошо у них тогда организовано наблюдение! — совсем рассердился Сенцов. — За такие вещи с работы снимают...

Они с трудом нашли запиравшую вход пластину — так плотно, почти без швов легла она обратно на место, проглотив ракету. Поднять ее нечего было и думать: она весила, верно, даже в этом мире уменьшенной тяжести мно-

гие тонны. Повозившись около нее минут пять, космонавты поняли, что это совершенно бесполезно.

— Давай-ка думать быстрее, — сказал Сенцов. — Кислорода у нас осталось примерно на час. Длительные прогулки вне ракеты программой нашего полета не предусмотрены. Это нас научит в будущем... — Он не окончил фразы, махнул рукой. — В общем будем искать, пока хватит дыхания.

— Во всех романах всегда не хватало кислорода, — сказал Раин.

— Ничего удивительного, — откликнулся Сенцов. — Много ли входит в такой вот баллончик?

— Да, — согласился Раин, распрямляя усталую спину. — А вес их чувствуешь даже здесь...

Сенцов ничего не ответил и начал спускаться с эстакады.

— Боюсь, чтобы ребята там чего-нибудь не натворили, — сказал он уже снизу. — Они же обязательно кинутся нас разыскивать. Вступят еще в конфликт с этими, наделают дел...

Раин только зажмурил глаза — такой родной показалась ему в этот миг опостылевшая рубка корабля, тесная жилая каютка.

Посоветовавшись, они решили разойтись и искать вход, описывая круги, постепенно захватывая все большую площадь. Сенцов сразу двинулся вправо. Раин пошел в другую сторону, в обход эстакады.

Пролезая под выступом платформы, он низко пригнулся, и в глаза ему бросилась какая-то светлая полоса, будто белыми нанесенная на более темную поверхность спутника. Раин внимательно осмотрел полосу. Нет, это была не краска, это был металл — металлическая дорожка сантиметров десяти шириной, проложенная по оболочке, вернее — в ней, так, что она ни на миллиметр не выдавалась над поверхностью. Металл тускло отсвечивал серебром.

Раину пришло в голову, что эта металлическая лента, назначение которой было непонятно, могла привести к ходу вовнутрь, по крайней мере идти по ней было вернее, чем бродить наугад.

Раин замигал прожектором, подзывая Сенцова.

— Есть? — спросил тот, поспешив к товарищу.

Оба двинулись вдоль металлической полосы. Не прошли они и тридцати метров, полоса внезапно оборвалась. Космонавты переглянулись в растерянности.

И в этот миг они почувствовали, как площадка под их ногами начинает медленно опускаться. Словно лифт, она уносила их в недра искусственной планеты.

Но вот площадка плавно остановилась. Сразу загорелся бледный свет. Друзьям он показался ослепительным. Раин не смог скрыть торжествующей улыбки: выбрались!.. Сенцов сказал возбужденно:

— Слышишь, шипит? Воздух...

Люк над их головами закрылся.

Небольшое квадратное помещение, в котором они оказались, на первый взгляд не имело дверей. Но не успели

они об этом подумать, как одна из стен стала медленно, словно нехотя подниматься.

— Приглашают... — сказал Сенцов.

— Что ж, согласимся... — в тон ему ответил Раин.

Но приглашала разве что сама дверь. За ней никого не оказалось. Просто открылся вот этот коридор, по которому они шли уже несколько минут, следуя за убегающей все дальше металлической полосой.

...Пройдя еще метров двадцать, Сенцов сказал:

— Похоже, что он никогда не кончится. Ты сориентировался, в какую сторону мы идем? Я, когда спускались, посмотрел: полоса шла левее по сравнению с направлением на эстакаду.

— Сейчас подсчитаем... — сказал Раин. — Форму спутника примем за шарообразную. Расстояние между соседними эстакадами я определяю примерно в двести метров. Прямая видимость была...

Раин умолк, погрузившись на ходу в вычисления. Потом сказал:

— Если я верно рассчитал, коридор идет строго в радиальном направлении. Иными словами, к центру спутника. Это, кстати, говорит о том, что аппараты, наводящие поле искусственной гравитации, расположены не в центре планеты. По логике, где-то мы должны будем обнаружить и поперечные ходы. Значит, пока все в порядке.

— В порядке-то в порядке, — сказал Сенцов, — а вот радиоактивность здесь повышена. Не идем ли мы куда-нибудь прямо в дьявольскую кухню? К тому же не похоже, чтобы здесь часто ходили: очень уж пыли много...

Действительно, тонкий слой пыли лежал на полу, покрывая стены.

— Что ж, — сказал Раин. — Свернем, как только представится возможность. Сворачивать надо вправо: ракета должна находиться именно в этом направлении.

— Интересно, что там у них такое...

— Очевидно, какое-то подобие хранилища или ангара.

— Ну, уж и подобие... — усмехнулся Сенцов. — Какое же тут подобие? Тут настоящее, нам еще поучиться. Ох, уж этот великопланетный шовинизм!..

Раин засмеялся, хотел что-то ответить — и в этот момент увидел нечто, заставившее его бегом броситься вперед.

— Вот! — Он остановился перед нишей в правой стене коридора. — Не здесь ли ход в сторону?

Сенцов торопливо подошел, осмотрелся. Такая же ниша виднелась и на прогивоположной стороне коридора. Но он двинулся дальше, в глубь спутника.

— А лента-то уходит туда... — пробормотал он. — Очень интересно, что там может быть?..

С минуту они стояли на месте, раздумывая. Но так хотелось побольше узнать — уже сейчас, в самом начале — о скрытых здесь тайнах, что оба разом тронулись с места — снова дальше вперед, по коридору — и уже через две минуты уперлись в наглухо перегоравившую его стену.

— Должна открываться, — уверенно сказал Сенцов, пойдя к самой преграде.

Тотчас же лампочка индикатора в его шлеме запылала заметно ярче. Сенцов отпрянул, нервно провел рукой по скафандру, как бы отряхиваясь.

— Так и есть, чертова кухня, — сказал Раин. — Ладно, сюда мы еще заглянем...

Вернулись к нишам. Раин включил прожектор. Под слоем пыли угадывалась невысокая ступенька.

Не раздумывая, он наступил на нее ногой. Под полом что-то чуть слышно щелкнуло, стена беззвучно, медленно поднялась, уползла вверх. За ней оказалась — на расстоянии двух метров — вторая такая же дверь.

— Рискнем! — сказал Сенцов.

Они вошли в этот своеобразный тамбур. Поднявшаяся ранее плита осторожно, словно опасаясь их задеть, опустилась. И как только она коснулась порога, тотчас же поднялась внутренняя.

За ней снова был коридор, на этот раз поуже. Точно так же вспыхивали и гасли лампы...

Раин пробормотал строку из Багрицкого: «Коридоры в коридоры, в коридорах — двери...»

— Дверей-то как раз и нет, — сказал Сенцов. — Разъем, ничего... Вспомни что-нибудь поинтереснее.

— Я так... — смущенно ответил Раин. — А заметь, любопытно: коридор изгибается влево. Значит, наши рассуждения были правильны.

— Ну, вот и дошли, — сказал Сенцов и остановился перед нишей уже знакомого вида. Уверенно нажал на ступеньку.

И здесь дверь была с блокировкой — двойная.

— Seriously построено, — сказал Сенцов. — А где же наши?

За дверью была темнота. Но вот замигало — сначала робко, потом все более уверенно. И, наконец, сероватый мерцающий свет, словно светился сам воздух, озарил внутренность огромного зала, разделенного пополам наклонной эстакадой.

На ней ничего не было.

Они постояли несколько секунд, скрывая разочарование. Потом Сенцов (он все беспокойнее поглядывал на часы и на кислородный манометр) поторопил:

— Пошли дальше.

...Снова коридор, двери и зал, залитый сероватым светом, и посреди него эстакада. Сенцов торжествующе сказал:

— А вот здесь уже кое-что интересное!

— Я же говорил, что они находятся поблизости... — пробормотал Раин.

Широкими шагами оба направились вперед, высоко подлетая над полом, пока Сенцов не сказал:

— Ну, а теперь-то чего мы так торопимся?

На эстакаде, видимая смутно, как сквозь туман, лежала ракета. Они подходили к ней неторопливо, точно возвращаясь с дачной прогулки.

Сенцов проворчал:

— Никаких работ не ведется... Что они, спят, что ли? Ну, дождется у меня Коробов!..

Раин покачал головой: тут что-то было не так, от Коробова трудно было ожидать такой нераспорядительности.

— И рация выключена, не отвечают, — сказал он. — Возможно, увлеклись внутренним ремонтом. Мало ли что могло случиться. А вдруг ребята пострадали?

— Или их там уже нет, — мрачно сказал Сенцов, убыстряя шаг.

Раин взглянул на часы. Кислорода оставалось на двадцать с небольшим минут.

Внезапно Сенцов так резко остановился, что даже качнулся вперед — если бы не присоски на подошвах, он наверняка бы упал. Раин с разбегу чуть не налетел на него. Сенцов негромко сказал:

— Посмотри-ка внимательно: это наша ракета?

Да, теперь они видели уже отчетливо, что ракета, лежащая на эстакаде, была создана не на Земле.

Как будто ничем особенным не отличались обводы этой чужой ракеты, они были даже, кажется, не очень красивы, но вряд ли и хороший рисовальщик смог бы сразу воспроизвести их на бумаге.

Этот корабль казался порождением самого пространства, в котором он скользил свободно и радостно. Это сразу чувствовалось даже при беглом взгляде на его длинное тело (оно было раза в полтора длиннее ~~их~~ корабля), хотя некоторые линии и выглядели непривычно для земного глаза. Но они были наверняка обусловлены какими-то требованиями пространства, пока непонятными людям, как не были им понятны в тридцатых годах этого века необычные законы дельтовидного крыла.

Сенцову подумалось, что такой корабль идет неуклонно, словно луч света, пронзая поля гравитации, как игла — мешковину.

— Это не наш корабль, — сказал Раин, подтверждая теперь уже очевидную истину.

Сенцов немного покашлял, глухо ответил:

— Да, красота какая... Ничего не попишешь — придется возвращаться. Тут пусто, никто и не заходил: каждый след отпечатался бы в пыли.

— Они наверняка в следующем отсеке, — сказал Раин. — Мы идем правильно.

Оба повернули к выходу. Раин с тревогой заметил, что двигался Сенцов уже не с такой легкостью, как раньше, и тяжелое дыхание его отдавалось в наушниках грозным шумом. Ясно: силач Сенцов первым должен исчерпать запас кислорода, ему уже трудно дышать...

Словно прочитав мысли товарища, Сенцов глухо сказал: «Ну, только не отставать...» — и с заметным усилием зашагал быстрее.

В момент, когда до двери оставалось шага два, свет в зале внезапно погас, непроглядная темнота окружила их. Инстинктивно оба включили прожекторы. Раин первым нажал

на ступеньку — дверь на это никак не реагировала. Тогда за ним со злостью топнул по ступеньке и Сенцов. Чувствовалось, как площадка свободно оседает под ногами, где-то под ней едва слышно в разреженной атмосфере щелкали переключатели, но дверь не открывалась.

Сенцов обессиленно опустил на пол, хрипло сказал:

— Ну, теперь, кажется, влипли основательно...

Помолчал. Потом, словно эти слова показались ему недостаточно ясными, добавил:

— Подвела автоматика... Правильно ее критиковал Азаров.

— Автоматы автоматами, а мы — люди, нам положено быть умнее, — откликнулся Раин.

— Что ж, — с трудом проговорил Сенцов после долгой паузы, — остается одно: осмотреть ракету.

Раин удивленно посмотрел на него и вдруг понял: в ракете может быть кислород, если только она не автоматическая или телеуправляемая. Если только в ней летели живые существа, то дышать они должны были кислородом — во всяком случае, за это было девять шансов из десяти. Вдруг хоть аварийный запас его остался в резервуарах!

Подтащив товарища к эстакаде, Раин начал карабкаться по скользким отвесным балкам. Несколько раз он срывался и едва не порвал скафандр. Но в конце концов все же вскарабкался на платформу.

Теперь надо было найти люк: ведь должен же был экипаж как-то входить в ракету. Она не могла быть автоматической. Ее совершенные формы убеждали Раина, что только для людей (так Раин для простоты называл про себя строителей спутника) должна быть она создана.

Он полз и полз вдоль ракеты, а люка все не было. Конечно, вход мог находиться и на другой стороне. Успеет ли он добраться до него? Раин и сам уже начинал задыхаться, а Сенцов, верно, совсем плох. Что он там бормотал насчет люка, пока Раин пристраивал его у подножья эстакады?

Раин полз и шарил рукой по обшивке корабля, а она была все такой же гладкой — никаких следов от ударов микрометеоритов, ни одной царапины — идеально полированная сплошная поверхность. Но ведь люк должен быть! И не может он закрываться, входя в пазы с точностью до микрона.

Он совсем уже пришел к выводу, что люка ему не найти, когда слабеющие пальцы его нащупали какую-то неровность, щель или трещину. Люк? Он повел пальцами по этой едва заметной бороздке. Она уходила вверх, потом, плавно изгибаясь, поворачивала направо. Сомнений не было — это, конечно, люк, только закрытый наглухо.

Раин навалился на него всем телом, стучал по обшивке кулаками, топтался на платформе, пытаясь привести в действие автоматический запор. Все было тщетно: люк не открывался!

Совсем обессилев, Раин лег возле него и закрыл глаза. В скафандре тепло, кислород еще сочился из баллона — последние капли, наверное...

И тут он вспомнил о Сенцове: как тот тяжело дышал и все поворачивал, поворачивал кран, пытаясь сбегать кислород.

Сенцов там, внизу, наверное, ждал. Надо было спуститься к нему — до конца быть вместе...

Он собрал последние силы и пополз. Но не к Сенцову, а вперед, все дальше вдоль гладкого борта ракеты.

Он вспомнил, о чем именно сказал Сенцов: что люк надо искать в носовой части. Тайно для самого Раина где-то в глубине его мозга все время велся подсчет расстояния, пройденного им, и потраченных на это минут. И этот подсчет говорил, что попавшийся ему люк находился чуть ли не на самой корме корабля, где могли располагаться лишь двигатели, запасы топлива, энергетические устройства.

Рабочие же помещения, не говоря уже о жилых, должны быть где-то дальше. Конечно, у автомобиля мотор можно устанавливать где угодно — хоть спереди, хоть сзади; у межпланетного же корабля, который неизбежно должен быть ракетой, двигатель мог помещаться только в кормовой части, какой бы там планете ни принадлежал корабль. Сенцов-то это понял сразу. Как он там, Сенцов?..

Раин полз, полз, почти теряя сознание, рука его больше не скользила по борту ракеты. Что-то притягивало Раина, как магнит, и ему понадобилось собрать все силы, чтобы понять: неведомо когда вспыхнувший впереди красный огонек был этим магнитом, и к нему-то полз Раин. Он даже не удивился огоньку, как и своей уверенности, что люк должен быть где-то возле него.

Люк был здесь, где горел красный огонек, а рядом с ним были три небольших углубления, расположенных треугольником. Как будто заранее зная, что именно надо делать, Раин вложил в углубления три пальца — и очерченный едва заметной бороздкой кусок обшивки стал втягиваться внутрь корабля. Засветился неправильной формы четырехугольник с закругленными углами — вход в ракету.

Раин перевалился через порог люка. Лицо его исказила гримаса. Каждый удар сердца болью отдавался в висках. Он вполз в просторное квадратное помещение. Четыре изогнутых рычага, распрямляясь, снова вжали крышку люка в обшивку. На стенах частым, прерывистым блеском замигали огоньки. Они мигали долго. Раин зачарованно смотрел на них, не зная, что делать дальше.

Послышалось тихое шипение. Раин скосил глаза на барометр — поднять руку к глазам не было сил. Прибор показывал, что давление увеличивается. Если даже камера, в которой находился Раин, продувалась сейчас не кислородом, а каким-нибудь ядовитым газом, выбирать не приходилось...

Стрелка барометра ползла все дальше. Раин услышал что-то хриплое, затухающее дыхание, едва понял, что это так дышит он сам, и сорвал крышку шлема...

(Продолжение следует)

НАД ЧЕРНЫМ МОРЕМ —

ДВЕ ЛУНЫ

Над вершиной горы взошла вторая луна.

Не думайте, что это строчка из фантастического рассказа: сотрудники Горьковского радиофизического института действительно создали такое чудо и... укрепили новую луну на громаде горы Ай-Петри, в Крыму.

Правда, никто из жителей Ялты, например, не видит в ночном небе еще один лунный диск, потому что искусственное ночное светило — металлический диск, репродуцирующий настоящую Луну, — окрашено в глубокий черный цвет.

«Но какое же это светило. — снажете вы, — если оно не светит?» В том-то и дело, что «светит» — ученым. Да еще как! С помощью искусственной луны астрономы проникают в тайны Луны настоящей. В этом, пожалуй, и заключается главное чудо.

Ученые давно стремились разгадать, как на Луне появились горы, кратеры, «моря» — в результате действия вулканов или метеоритов? Какова поверхность Луны? Какие минералы входят в состав лунных пород?

Радиоастрономия помогла установить, что лунные породы обладают невысокой теплопроводностью. Многие зарубежные исследователи пришли к выводу, что космонавт на Луне встретит многометровый слой пыли. Но вывод оказался поспешным.

Советский ученый, доктор физико-математических наук В. Троицкий и его сотрудники из Горьковского радиотехнического института решили с помощью радиоволн основательно прозондировать поверхность Луны. И они «прощупали» ее на глубину до шести метров. Что же оказалось? Что с каждым метром глубины температура растет примерно на полтора градуса! Не находится ли в центре Луны горячее ядро?

Пока ясно только, что ее поверхностный слой не может состоять из крепких скальных пород, покрытых пылью: «радиозонды» встречали на пути породу почти однородную по строению, плотности, теплопроводности.

Каким образом было сделано это открытие? Нам придется вернуться к искусственной луне над Ялтой. Металлический диск, укрепленный на горе, обдает точно известным радиоизлучением. Ученые сравнивают его с радиоизлучением Луны на разных волнах. Благодаря этим наблюдениям они сумели определить дневную температуру различных слоев под лунной поверхностью!

Расчеты на электронно-вычислительных машинах показали, что плотность лунного вещества в два раза меньше плотности воды, а теплопроводность в 20—40 раз выше той, что предполагалась раньше, по материалам оптических наблюдений. А это, по мнению большинства исследователей, означает, что лунное вещество твердое и пористое и, возможно, находится в несколько раздробленном состоянии.

Сравнение теплопроводности лунных и земных пород показывает, что лунное вещество богато кварцем и состоит из минералов типа гранита, диорита. И вот что интересно: не обнаружены значительные следы метеорного вещества, которое, если следовать теории метеорного происхождения лунного рельефа, должно находиться там в изобилии.

Исследования продолжаются, и, возможно, вторая луна позволит нашим ученым сделать новые важные открытия.

СЕРДЦЕ НЕ ОСТАНОВИТСЯ...

Люди невольно оборачивались, услышав тревожную сирену. Загорались зеленые огни светофоров. Машина «Скорой помощи» мчалась по улицам города — в хирургическую клинику...

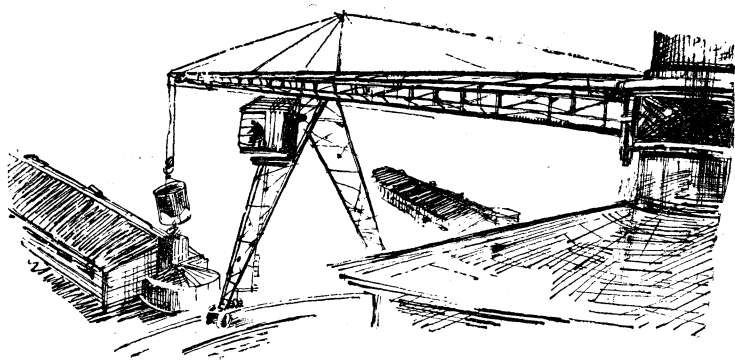
Больной был совсем плох, он то и дело терял сознание. Врач тут же, в машине, прослушивал его сердце. Оно билось все медленнее... Врач знал, что этот человек уже перенес инфаркт. Его сердце после болезни не работало нормально, сократилось не 70—75 раз в минуту, а вдвое меньше. Теперь же...

В клинике больного снова прослушали: пять ударов в минуту. Ясно, что наступает смерть. Диагноз — полная поперечная блокада. Сколько раз в таких случаях врачи опускали руки! Перестает биться сердце — сделать ничего нельзя...

Но что это? В руках хирурга появляется прибор, похожий на миниатюрный полупроводниковый приемник. От прибора тянутся два электрода. Хирург пришивает их... к мышце умирающего сердца. Передвинут рычажок на приборе, установлен против цифры 60. И сердце начинает сокращаться ровно 60 раз в минуту! Человек будет жить. И прибор — его называют электростимулятором — стал теперь как бы частью его организма.

То, о чем здесь рассказано, не фантастика. Электростимулятор недавно спас жизни 44-летнего слесаря из Тулы Михаила Щербачева и 68-летнего Василия Мухортых. Сделано это чудо в хирургической клинике 2-го Московского медицинского института.

Теперь конструкторы настолько уменьшили размеры стимулятора, что его можно не носить в кармане, а вшивать под кожу больного.

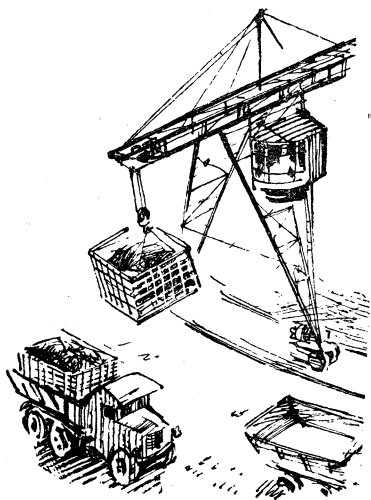

КОНСТРУКТОРЫ

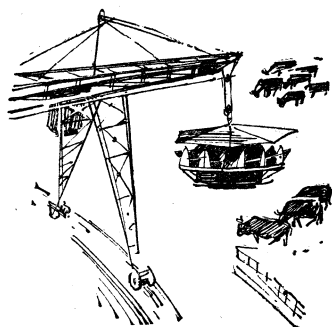
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

«Сейчас в колхозе «Памяти Ильича» в Крымском районе Краснодарского края мы строим крупнейшую в стране комплексную ферму на тысячу коров и 500 телят по проекту инженера И. И. Тесленко. Он не только хороший организатор, он настоящий ученый. Правильно говорил Н. С. Хрущев, что давно пора пересмотреть смехотворные диссертации, — на этом мы тоже сэкономим немалые государственные средства. Если бы все наши ученые занимались такими же актуальными проблемами, как Тесленко, какая была бы польза!»

Н. КИРИЕНКОВА,
ученый-зоотехник

«На ферме тружусь тринадцать лет. Из них два последних года работал на «елочке». Что можно сказать о ней? «Елочка» — дело хорошее, но доильный конвейер — новый шаг вперед. Работать на нем куда

П. ПОНОМАРЕВ

НА ФЕРМАХ

легче. Идешь в доильный зал, как на завод. На передвижной «елочке» 150 коров мы доили два часа. А на доильном конвейере — 200 коров за час. Сейчас у нас в гурте 300 коров, конвейер может обслужить в два раза больше».

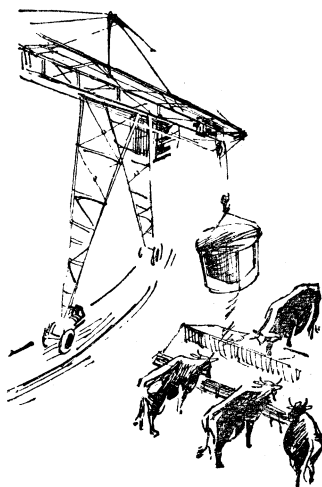
Н. ЛЮСОВ, бригадир Краснополянского совхоза Омской области

«Нас сейчас уже нельзя назвать доярками в старом понятии. Мы мало чем отличаемся от индустриального рабочего. Трудимся в светлом, чистом и просторном зале семь часов в день. Вы спрашиваете, какого мы мнения о новой установке (карусели). Скажу коротко: это то, что нам нужно».

А. МАЛЫГИНА,
доярка совхоза
«Красный Октябрь»
Омской области

МАШИНА И ФИЗИОЛОГИЯ

Утром, когда вы покупаете в магазине молоко, вряд ли кто из вас задумывается над

тем, как оно добывается. Именно добывается. И процесс этой добычи имеет свои тонкости, как, скажем, добыча угля или производство синтетических волокон. Есть и существенное отличие. В одном случае мы имеем дело с машинами и только с машинами, а в другом — с животными и машинами.

Это придает свои особенности поискам конструкторов, которые заняты механизацией животноводства и, в частности, процесса доения. Они должны знать физиологию.

Судите сами.

Можно увеличить обороты токарного станка, можно ускорить движение конвейера, можно изменить конфигурацию резца и поднять съём металла. Но нельзя, например, заставить человека отдернуть руку от горячего стакана быстрее, чем это предусмотрено природой: скоростью прохождения возбуждения по нервам и ответной реакцией. Вот и конструкторы, работающие на фермах, должны задумываться не только над решением чисто технических вопросов, но и знать, например, о том, что коровы начинают молокоотдачу не скорее, чем через тридцать-сорок секунд после подмывания вымени, — оно-то и обуславливает рефлекс.

Сам по себе рефлекс молокоотдачи действует тоже определенное время. Для его продления необходимо совершить насилие над животным — вызвать рефлекс повторно. А если и при повторном припуске молока его не успеть отобрать полностью, то это вызывает затормаживание секреторной деятельности животного. Если такие вещи допустить не однажды, то снижается удоимость, а в дальнейшем — запуск. Иными словами, корова перестает давать молоко.

Так уж устроена корова.

И посмотрите, как тесно связаны с ее «устройством» поиски конструкторов, занимающихся механизацией доения, — одним из важнейших вопросов внедрения машин в животноводство.

Создание и применение доильных аппаратов было первым шагом в решении этого вопроса. Но только первым... Почему?

При стойловом механическом доении доярка переходит от коровы к корове и переносит аппарат. На перестановку аппарата затрачивается около 1—1,5 минуты. Часто доярка идет, пока коровы полностью отдадут молоко. Интервал от момента вызова рефлекса до отдачи молока у животных, готовых к доению, увеличивается до 3—4 минут. А здесь уместно будет сказать, что самая интенсивная отдача молока у животного происходит именно в первые 3—4 минуты после вызова рефлекса. Затем, если корова не додоилась, ее додают вручную. Выходит, затормаживание рефлекса происходит дважды...

Вот почему появилась на фермах установка «елочка». На этой установке животные во время доения стоят между ее

косо расположенными «ветвями». Путь доярки от одной коровы к другой значительно сокращается. А поскольку у «елочки» две стороны, то пока на одной животные выдаиваются, на другую загоняются новые. В результате не простаивают ни доярки, ни аппараты, ни коровы. В этом большое преимущество «елочки». Опыт показал, что при таком усовершенствованном доении желательнее, чтобы животные были подобраны по ряду признаков: продуктивности, скорости молокоотдачи и другим. Те, что выдаиваются за 3—5 минут, должны входить в «елочку» вместе, а отдельно от них — те, которые отдают молоко за большее время. Иначе перестановка одних аппаратов происходит вовремя, а других задерживается в отдельных случаях до 4—5 минут, что ведет к снижению надоев.

Конечно, «елочки» более совершенный метод доения, чем прежний способ.

Однако поиски конструкторов идут дальше: они стремятся создать такую машину, чтобы она сама исключала вероятность недооя по причинам физиологическим. Иными словами, чтобы сама машина соблюдала все необходимые условия доения с большой точностью.

У всякого читающего эти строки, естественно, возникает вопрос: а почему это автор печется о физиологии? Может быть, он по профессии ветврач или зоотехник?

Нет. Просто инженер, и причем до недавнего времени не занимавшийся животноводством, если не считать давнишнего, с детства, знакомства с коровами, если не считать, что это давнишнее знакомство началось с вывочки, которую мне устроила мать.

Вывочка, как ни странно, имела прямое отношение к физиологии молокоотдачи. Правда, моя мама не была знакома с научной терминологией. И наказание проводилось самым что ни на есть примитивным способом, а именно — ручным. Влетело мне за то, что я гонял корову через бурьяны. Животина занозила себе вымя и едва совсем не перестала доиться.

На этом мои практические познания в животноводстве исчерпались, пока почти пятьдесят лет спустя я снова не столкнулся с ними.

По роду своей деятельности наше конструкторское бюро занимается ходовыми частями: моторами, шасси. И в Омск меня пригласили для консультации: конструировалась передвижная доильная установка. В это время и произошла моя встреча с Иваном Ивановичем Тесленко, создателем так называемой «карусели» — новой замечательной доильной установки.

Тесленко был еще студентом-дипломантом Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства, когда в этом учебном заведении стали разрабатывать тему «Автоматизированная молочная линия». Среди десятков студенческих проектов работа Тесленко была отмечена как лучшая. Больше того, по его проекту в станице Киевской Крымского района Краснодарского края построили стационарную доильную установку.

Это и была «карусель». В стационарных условиях, при фермах, установка выполняла почти все требования доения животных.

Представьте себе большой круглый зал. Вдоль стен его медленно движется круговой помост. На этот конвейер — скорость его движения до четверти метра в секунду — через каждые 10—18 секунд входит корова. Животных встречают две доярки.

Полный оборот конвейер совершает за 6 минут. Корова за это время успевает съесть порцию корма и выдоиться.

Кроме доярок, конвейер обслуживает один механик-тракторист. Три человека могут обеспечить выдаивание 200—250 коров в час.

В Омске Иван Иванович Тесленко не просто построил такой же, как в Киевской, конвейер, а значительно усовершенствовал его. Конструкция стала проще и надежней. А главное — расход металла на установку уменьшился, и стоимость снизилась вдвое.

Когда этот доильный конвейер вступил в строй, в Краснополянский совхоз стали приезжать делегации. Ехали животноводы и механизаторы, чтобы перенять опыт. «Карусель» получила широкое признание.

«ЕЛОЧКА» НА КОЛЕСАХ»

А перед группой инженеров конструкторского бюро, организованного при Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства, была поставлена такая задача — создать передвижной молочный комбайн, в котором бы коровы выдаивались по всем правилам зоотехники и физиологии и который можно было бы использовать в разных условиях: и при стойловом и при лагерном содержании скота, на таежных, степных, горных и высокогорных пастбищах.

С применением передвижного конвейера производительность труда животноводов возросла бы в десять-двенадцать раз по сравнению с ручным доением и в пять-шесть раз — с современным уровнем механизации.

Нужное конструкторское решение было найдено, когда мы соединили тесленковскую «карусель» с «елочкой».

Этот передвижной доильный агрегат представляет собой металлическую платформу диаметром не более шести метров, смонтированную на оси обыкновенной пары автомобильных колес. Мелкими ажурными перегородками разделен на одиннадцать станков, оборудованных кормушками и кронштейнами для подвески доильных стаканов. Внутри установка имеет бак для молока, а сверху — брезентовый тент для защиты от дождя и жаркого солнца. Весит весь агрегат две с половиной тонны. В движение приводится трактором «Бе-

ларусь». Агрегат этот рассчитан для обслуживания 300 коров.

Какие возможности открывает «круговая елочка»? Прежде всего новая доильная установка может служить и пристройкой к любому уже существующему коровнику, ферме и быть вывезена в лагерь на пастбища в любой, даже труднодоступный, район. Перевозится «круговая елочка» трактором.

«Круговая елочка» удобна и для дальних отгонных пастбищ, которые сейчас не используются под выпасы молочного скота. Оттуда очень трудно вывозить продукцию, особенно летом. Но передвижной «круговой елочке» можно придать маслодельно-сыроваренный цех. Он размещается под шатром установки. Обслужить маслодельно-сыроваренный цех могут один оператор и один механик.

На заводах Омска изготовлены опытные образцы передвижного доильного агрегата. Прошлым летом они были испытаны в Октябрьском совхозе. Первый из них обслуживал 240 коров, второй — 176. Каждый пропускал за час 80—90 коров.

«КОМПЛЕКС 101» И БАШЕННЫЙ КРАН

Но, создав несколько вариантов стационарных и передвижных доильных установок, мы оказались перед фактом: комплексной механизации животноводческой фермы все-таки не получилось...

Выходило так. Попадая на «круговую елочку», корова как бы шагала в современность, но выходила снова на скотный двор, оборудованный отнюдь не современно. Ведь уборка навоза занимает четверть времени в процессе труда животновода, четверть приходится на кормление, и только вторая половина времени — доение.

Конечно, конструкторы позаботились о том, чтобы механизировать процессы кормления и уборки. По существующим нормативам ферму на тысячу коров должны обслуживать 101 машина или механизм — так называемый «комплекс 101».

Это 10 коров на одну машину или механизм! Если учесть, что средняя мощность современных двигателей, применяемых в механизации животноводства, достигает нескольких лошадиных сил, то в том же среднем исчислении на каждую корову придется едва ли не по лошадиной силе. А если к этому добавить, что машины и механизмы обслуживаются людьми, то в среднем на 20 коров придется по одному рабочему!

Что и говорить, механизация есть, но и влетает она в копеечку. Все эти расходы на механизмы и обслуживающий персонал повышают себестоимость молока.

Стали мы думать о комплексном решении проблемы механизации фермы на тысячу голов скота и вспомнили, как

в настоящее время... строятся дома. Они собираются прямо «с колес»: устанавливается подъемный башенный кран, панелевозы доставляют готовые панели, а сварщик, сборщик и мастер возводят здание. Весит четырехэтажный жилой дом немногим более 5 тысяч тонн. Собирают его на месте месяц-два.

А сколько кормов требует ферма на тысячу голов в год? Каждой корове нужно 60 килограммов в день — значит, в год примерно 22 тонны. Но коров — тысяча. Выходит, только кормов на ферму за год нужно около 22 тысяч тонн! Это вес почти четырех жилых домов — таких, о которых мы говорили.

Как тут было не подумать о подъемном кране?

Сейчас корма заготавливаются осенью. Их возят с полей к силосным башням, ямам, курганам. Корма укладываются, утрамбовываются. Это тоже делают разные машины. Затем зимой по мере надобности корма везут к коровникам. От коровника надо убирать навоз. Его везут на поля.

Сколько при этом затрачивается труда!

Мы видели другую картину...

Силосная башня. В центре ее, внутри, стоит подъемный кран. Он вращается на 360°. Вокруг него животноводческие постройки. Машины подвозят кукурузный силос и прочие корма, кран сгружает их, укладывает, утрамбовывает, делая все это с помощью уже имеющихся в производстве механизмов.

И еще. Кран может не только укладывать корма, но и раздавать их, разносить по коровникам или кормовым площадкам на выгульных дворах. Коровники-то рядом! Если ферма на тысячу голов, то потребуются четыре помещения, в которых разместятся по 250 животных.

Значит, размах стрелы крана должен равняться, ну, скажем, 50 метрам. Такие краны вполне реальны, особенно если посредине стрелы поставить опору с растяжкой, где разместится будка крановщика.

Кроме всего прочего, кран будет переносить от одного коровника к другому «круговую елочку». Кстати: какой смысл иметь их четыре, если по режиму работы достаточно и одной?

Между силосной башней и коровниками разместятся прогулочные загоны для скота. Очищать загоны и коровники от навоза можно маленьким бульдозером или малолитражным снегоочистителем, а потом вывозить его на поля.

Это в зимнее время. Летом кран демонтируется и отправляется вместе со скотом в лагерь. Там размещение производственных помещений такое же, как на зимних фермах. Та же схема кормления, те же загоны. Но вместо коровников — выгоны. А животные получают, кроме силоса, зеленую подкормку, так как на выпасах их держать невыгодно: примерно половину трав они не съедают, а вытаптывают.

Заманчива такая картина? Очень! Ведь если сейчас на фермах требуется до 100 машин и механизмов, то в дан-

ном случае почти 70 процентов машинного парка, занятого на перевозке кормов, освобождается. Естественно, что уменьшается и обслуживающий персонал фермы. Тысячу коров сможет обслуживать бригада из шести человек в смену. Уплотняется рабочий день доярки да и механизаторов: «круговая елочка»-то одна!

Мы рассказали об одном из возможных путей механизации животноводческой фермы; естественно, что другие конструкторы будут искать и найдут другие, может быть лучшие, более рациональные принципы решения этой проблемы.

* * *

Все это не просто мечты инженеров: тем, кто захочет посмотреть такую ферму, не придется долго ждать. Приезжайте через год в Михайловское, научный центр Министерства сельского хозяйства СССР, что создается под Москвой, и посмотрите.

«А где же будущее?» — спросит читатель. Что ж, можно ответить и на этот вопрос. Ведь, начиная разговор, мы и не обещали говорить о будущем отдаленном. Мы вели беседу о завтрашнем дне, о механизации животноводства в наши дни, о проблемах, которые жизнь выдвинула сегодня.

И если сегодня создана хорошая и нужная машина, то ей жить и завтра.

Литературная запись **Н. КОРОТЕЕВА**

ЗАЖГИТЕ ОГНИ В ОКЕАНЕ

Приключенческая повесть

Рисунки П. Павлинова

Снаружи, на улице — самый обычный день. Вякают испуганные пешеходами машины, динамик рассказывает о международном положении, дизельной дробью сыплет за углом бульдозер. За углом ломают старый дом.

Я укладываю рюкзак. Круглолицее веснушчатое племя нашего коридора наблюдает за мной пятью парами глаз. Наверное, пацаны переживают сейчас мучительное раздвоение личности. Им бы надо быть там, на улице, смотреть, как падают старые стены, но они сидят и смотрят, как я укладываю рюкзак. Такое бывает только раз в год. Пара свитеров, бинокль, фотоаппарат.

— Шрврбрмр, — загадочно шепчут пацаны.

Мне очень жаль, что я не могу разобрать их шепот. Видимо, я вошел уже в скучную категорию взрослых людей и забыл тайну шестилетнего диалекта.

Три пачки патронов, финка, книги. Рев дизеля ползет все выше и выше. В мир входит грохот. Стена упала. Печально дребезжат оконные стекла. Клокотанье бульдозера как бы завершает первый кадр сумасшедшего предотъездного дня. Я затягиваю рюкзак, хватаю список взятых вещей и бегу по лестнице. Список можно будет проверить в метро.

Кадр второй. Кабинет шефа. Последние инструкции.

— Я хотел бы еще раз заострить ваше внимание на отдельных аспектах задачи... В случае прямых находок оруденения... Киноварь как поисковый критерий... Надеюсь, все будет хорошо, — заключает в конце концов шеф.

Мишка, Виктор и я сидим сейчас с руководителем, как равные с равным. Сегодня день прощания. Карты, колонки, тисненое золото академических фолиантов забивают стол перед нами. Из книжных шкафов, с карт, из рукописных ворохов бумаги тихо выглядывают идеи. Это мир большой науки, устоявшийся в запахе табака и темном отсвете дерева.

— Так и не пришлось, — грустно вздыхает шеф. — Не добрался... — Мы смотрим туда, где римский меч Чукотского полуострова рассекает два океана... — Пораскидал здоровье.

— Еще побываете, — бодро говорит Виктор.

— Что такое геолог? Невероятная помесь между ученым и выючным животным, — иронизирует шеф.

Я знаю, что сейчас он перейдет на проблему малой авиации, вертолет-малютка, надежные вездеходы и т. д. Мечты запертого в кабинете бродяги. Черт, мне немного стыдно, что я совсем не мечтаю об этих грядущих в бензиновом запахе временах. Оптимизм молодости, наверное, слишком явно светится на наших лицах. Шеф вдруг замолкает.

— Счастливо!

Счастливо! Это слово провожает нас по коридорам. Даже в комнате снабженцев, где среди папиросного дыма и телефонных звонков потрачены километры наших нервов, сегодня царит всепрощение. Счастливо!

Мы суетимся по каким-то несущественным и очень нужным делам. Втроем у нас получается неплохо. Виктор, наш ученый интеллект-начальник, дает теоретические разработки, Мишка бьет напролом, я стараюсь объединять силу и коварство. Сверкают очки Виктора, капельки пота выступают на его благородном герцогском носу. Мишкины плечища и соломенная шевелюра возникают и исчезают в волнах пространства. Фигаро здесь, Фигаро там. Суматоха закручивается. Я слышу вой летящего мимо нас времени. Потом становится тихо. Все! Уложены выючные ящики. Пожаты десятки рук. Все девицы получили по прощальной шоколадке. Оформлены документы. Проверены, проверены, проверены десятки списков. Институт уже пуст. Завтра утром мы улетаем.

Вечер. Май шуршит автомобильными шинами. Фонари свесили прозрачные головы. Запахи бензина и асфальта. Этот кадр дня уходит тихо, как лошадиная повозка на современной улице. Немного грустно. Я не знаю, кто тут виноват: московская весна или предотъездный минор. У меня последняя ритуальная встреча: Сергей Сергееч, чудак-человек, ждет меня в чинной квартире на Солянке. Сергей Сергееч астроном, профессор, я геолог, почти мальчишка по сравнению с ним, у нас чуть странноватая дружба. Я уверен, он стал астрономом только затем, чтобы открыть новую землю. Было такое страшное для юности время, когда люди вдруг поняли, что неоткрытых островов больше нет. Сергей Сергееч пошел искать свою мечту в астрономию.

— Простудитесь, — сказал я, когда мы стояли в подъезде. Сегодня он провожает меня до самого подъезда.

— А знаешь, чем человеческое время отличается от математического? — говорит Сергей Сергееч. — От времени уравнений Ньютона? Оно необратимо. Жизнь — это как стрела, выпущенная в волны времени. Стрела летит только один раз. Она должна лететь прямо.

— Иногда не мешает перебросить руль, чтобы не врезаться в стенку, — отшучиваюсь я. — И не стоит, говорят, ехать на красный свет.

Ленка уже показалась на углу. Ей надоело ждать — я опаздываю минут на двадцать.

— Счастливо, землепроходец, — говорит Сергей Сергееч. — Иди и поменьше думай о красном свете. — Он так и остался стоять в подъезде. Седой бобриск белеет в темноте.

Я шагнул навстречу улице, фонарям и Ленке, но в глазах как-то все еще стояли темные худые щеки, ласковая усмешка, чуть печальный взгляд. «Астрономы — это бродяги вселенной. Да здравствуют неоткрытые земли и седые романтики, что ищут их!» — подумал я. Потом все это кончилось. Остались только Ленка и наши шаги.

...Мы подходим к дому нарочно медленно. В окне свет, значит ребята уже собрались. Я неожиданно вздрагиваю. Обрушенные стены старого здания с отсветами уцелевших стекол вдруг взрываются в памяти каким-то ужасным забытым кошмаром. На одну секунду. «Тук, тук, тук», — безмятежно выстукивают Ленкины «гвоздики». Она идет чуть впереди, тоненькая, строгая, светлая копна волос плывет на темном фоне стен. Человеческое время необратимо. Иногда хорошо, что это именно так.

...Смех скатывается по лестнице нам навстречу. Кто-то «рубит» аккорды на гитаре. Ребята, подруги ребят пришли сказать нам «счастливо»...

...У костра, в маршруте, в самолете,
Когда спишь, если даже тонешь, если заживо горишь,
Помни...

Песня, смех и возгласы встречают нас в дверях.

«Уа-уонг-уонг-уа», — земля поворачивается под нами в монотонном реве моторов. Мы летим, как неуспевшие разориться магараджи: в собственном самолете. Самолет зафрахтован экспедицией до бухты Провидения. Там база, там снова снабженцы и отделы кадров, там люди. Для настоящей экспедиции нам не хватает трех-четырех рабочих.

Мы летим на Чукотку. Голубые ниточки тундровых рек, темный камень на сопках ждут нас.

В это лето, в это обычное лето... Шлиховые лотки, ленты маршрутов ждут нас. Я думаю о минералах. Они очень похожи на людей. У них есть племена. У них есть дети и кладбища. Минералы не живут на одном месте. Они кочуют по рекам и горным склонам, они заселяют новые страны и покидают старые города. Металлы — пленники минералов. Чтобы узнать дороги рабов, мы ищем дороги хозяев.

Мы будем делать металлогеническую карту. Цветные кружочки элементов лягут на ее листы. Кружочков много, они образуют тревожный хаос. В кабинетах сидят ученые дяди и ищут в этом хаосе ясную, как апельсин, логику науки.

Голубые ниточки тундровых рек, скалы и пятна озер.

Наш путь пойдет по тем местам, где условные значки на карте стоят нерешительной стайкой. Они не знают, сойтись им или разбежаться. Мы посланы разведчиками в загадочную страну.

Этой зимой в коридорных спорах всплыло магическое слово «мидий». Тот самый мидий, из-за которого ломает голову товарищ из Госплана. Современная индустрия капризна, как избалованный ребенок. Она уже не может жевать один черный хлеб угля и железа. Ей нужны индустриальные пирожные. Нужен мидий.

Этот загадочный элемент обрушился на нас в неожиданном романтическом блеске. Два образца с миридолитом, в котором содержится мидий. Две очень разные человеческие судьбы.

«Боум-боум-боум...» Тысячи лошадиных сил беснуются за иллюминаторами. Милая, милая старушка планета проходит под нами. Приткнулась где-то в уголке Галактики и крутится себе. Очень ей хочется показаться большой, вот почему несколько дней будет добираться наш самолет до Чукотки.

Из пилотской кабины выглянул, весь кожаный, командир корабля. Посмотрел, подмигнул, усмехнулся. В беспорядочной куче лежат наши рюкзаки, ружья. Торчит рыжая шерсть спальных мешков. Компактными накладными лежат в наших карманах сотни килограммов еще не полученного груза. Задумался Виктор, улыбается Мишка. За грохотом не разобрать его слов. Наверное, вспомнил что-нибудь смешное мой друг Мишка.

Забудь про неон и асфальт, забудь про сирень в электричках. Здесь пока еще снег и люди в унтах и шапках. Дорожный калейдоскоп завладел нами. Виктор с Мишкой ведут какую-то интеллектуальную беседу, я смотрю в иллюминатор на синюю снеговую равнину. Волосатые предки оставили нам крохотную жилку кочевника. Спасибо им за это. Я сегодня авиакочевник.

— Я такого соплей с ног шибу, а он уже смысл жизни, видите ли, понял. Пьют водочку, толкуют о неуловимых ритмах бытия.

«Смешно сказать, — думаю я, — есть страны, которые за день на «Москвиче» проедешь».

Ширмы облаков прячут снега под нами. Север щедро кидает навстречу километры. Тысячи километров.

— Ты зря так. Он хороший одинокий писатель. Как костер на асфальтированной площади.

— Иногда из-за пепла не видно дров.

...Минуты, часы, дни! Мы ждем погоду в каких-то крохотных аэропортах.

Древняя Азия смотрит на нас глазами упряжных оленей. Бронированный в меха застенчивый ненец приехал в факторию.

Еще перелет. Синеглазая, из сентиментального фарфора вылепленная девулька чистенько жует оленину за соседним столиком. Ах, не шутите вы, столичные насмешники! Это вам не парк культуры. Ах, мои глаза? Просто орган зрения, не больше. Да, учительница. Да, первый год. А у меня здесь мама. Отчего я не мама или не первоклассник? А в сторонке ревниво притопывает носком унта полярный Отелло. Такой мороз, а Отелло в фуражке с «крабо́м». Не терзайся, гидрограф, мы всего-навсего пассажиры.

Мы идем к своему самолету в очарованном синими миражами пространстве.

Снова грохот моторов.

Земля, лента побережья. Самолет глотает эту ленту, как цирковой фокусник. Где-то здесь погиб Прончищев... Где-то здесь наши ребята нашли месторождение. Эх, Колька Вакин, ходячая гипотеза мироздания. Наш одноклассник Колька. Видит ли он наш самолет? Жаль, нет остановки.

Север, север... В Крестах Нижних нас встречает делегация собак. Ездовые псы имеют благородное доверие к человеку. Подходит к тебе такое мохнатое, с ласковыми глазами, чучело. Сует между коленей прохладный нос, жарко подышит в ладонь и, по-английски, не попрощавшись, бежит дальше. Прощай навсегда, «мохнатый братишка».

Вынырнувший откуда-то из Гренландии облачный фронт откидывает нас к югу. Наш обходный маневр не удастся. Двое суток мы считаем мачты радиостанций в таежном поселке и помогаем одному хмурому мужичку делать челнок из тополевого ствола. Он кормит нас мороженой рыбой и чаем. Твердит, что челнок мы ему испортили.

В конце концов старушке планете надоедает казаться большой. Наш многострадальный «Ил» ныряет вниз между острыми вершинами сопки.

Что такое фиорд

Надо же, оказывается, бухта Провидения считается самым удобным местом в мире для стоянки кораблей. Самая! Удобная! В мире! Бухта! «Правда, если не считать фактор льда», — добавляет капитан Г. П. Никитенко. Портовые аборигены Рио-де-Жанейро, Золотого Рога, Петропавловска-Камчатского и десятка других «самых удобных» бухт наверняка облегченно вздохнули при последних его словах. Мы стоим на палубе крохотного пароходика. Этот мышонок среди кораблей — наш будущий транспорт. Г. П. Никитенко — наш капитан. «Если, конечно, не считать фактор льда». Лед забивает бухту Эммы, бухту Всадник, бухту Хед — все, что вместе называется бухтой Провидения.

Ах, металлогения, милая наша наука! Лед и джунгли на твоём

пути. Для полноты комплекта нам нужны трое-четверо рабочих. Наши вопли гаснут в административных джунглях.

— Ждите! Будут!

— Когда?

— Неизвестно.

Дни бегут, как капли из умывальника. С утра до вечера и с вечера до полуночи мы сидим в крохотной, как сундук, комнатушке. Мы режем коричневые планшеты топографических карт на четвертушки и клеим их на картон. Чтобы не изорвались раньше времени, когда мы сотни раз будем вынимать их из полевых сумок в дождь, снег и ветер. Когда будем сидеть над ними в палатке при свечке. Когда будем бить ими комаров и собственные сомнения. Листы, сложенные вместе, образуют петлю. Петля начинается у «самой удобной» в мире бухты» и идет на запад до бухты Преображения. Тоже самой удобной. Оттуда мы пойдем тракторами на север. Двести километров. На реке Эргувеем трактор повернет обратно, мы будем замыкать петлю через перевал Трех Топографов, через озеро с таинственным именем Асонг-Кюель, через мыс Могила Охотника, через речку Курумкуваам, через много других ручьев, речек и перевалов.

— Скорей бы!

— Ждите!

Бои местного значения со снабженцами проходят с переменным успехом. Во всяком случае, я верю, что есть люди, которые смогут продать холодильник на полюсе, валенки — племени банту и лодку в центре Сахары.

Сегодня вечером мы шагаем в кино. Впервые со дня нашего приезда перестал идти снег. Туман уполз куда-то на восток, к острову Святого Лаврентия. Дикая, в сердитых скалах Колдун-гора придвинулась к поселку. Рядом с ней ласковым увалом приткнулась Пионерская сопка. Белокурая девушка продает в ларьке винтовки, сапоги, торбаса. Длинная нарта прислонена у забора. Уложив головы на лапы, дремлют собаки. В порту на той стороне бухты старательно машет рукой подъемный кран. Розовый вечерний отсвет лежит на темном льду. Тепло.

— «Ты знаешь, далеко-далеко, на озере Чад, изысканный бродит жираф», — сказал Виктор. — Хорошие стихи. Трогают струны сердца.

— Это в тебе мешанство хнычет, — отвечает Мишка. — Ох, озеро Чад, ах, караван верблюдов! Выпьем, друзья, за бригантину и звезды тропиков. Затасканная шансонетка от романтики. Уй, ненавижу!

Мимо быстро проходит стайка девушек. Одна девица смеется, какой-то пижон при плаще, видимо, говорит ей смешное.

— А сакс в это время вступает: та-ляб-ди-та, — доносится оттуда.

— Эй, а ударник в это время как? Синкопами, да? — кричит им вслед Мишка.

Пижон не принимает вызова.

Мы выходим из кино немного в ошалелом состоянии. Нам не хочется идти домой — в ту самую комнатуху, где воздух спрессован тревожным грузом ожидания. Светлая рука полярного вечера накрыла поселок. Где-то за бухтой Эммы басит ка-терок. Наверное, злится на лед и тоскует по свежему ветру. У деревянного причала стоит тот самый пижон в плаще, которого мы встретили по дороге в кино. Он смотрит на ту сторону, за лед, где черная тень горы прячет порталные краны.

Мишка вдруг отошел от нас. Я не знаю, о чем говорили они с пижоном, но потом они оба зашагали к нам.

— Вот, — сказал Мишка Виктору. — Кадр номер один. — Виктор прокашлялся. Кадр номер один стоял перед нами. Поднятый воротник плаща. От шнурков на туфлях до прически все тщательно было подогнано под среднеевропейский стандарт. Только глаза у него были не среднеевропейские. Черт, хорошие такие глаза, как у младшего братишки, что любит читать Майн-Рида.

— Он знает, что такое фиорд, — сказал Мишка.

— Залив с отвесными стенами, врезанный в сушу. Как бухта Провидения. Это фиорд.

— «Справочная книга полярника» С. Д. Лаппо, год издания 1945, — добавляет Мишка. — Так?

— Так, — смущенно ответил пижон.

— Ладно, — сказал Виктор. Он снова кашлянул. — В общем завтра. Заходи, значит, завтра. Только у нас на саксе играть не надо. Мы, понимаешь, не из джаза.

— Меня зовут Лешка, — сказал парень. — Я знаю в общем, куда заходить. А про сакс это не я, это Юрка рассказывал.

Мы шагаем домой через спящий поселок. В сумерках Виктор кажется немного излишне стройным. Широкоплечий, благодушный, веселый покоритель людских сердец, Мишка шагает сбоку.

— Где ты его зацпил? — спрашивает Виктор. — Он хоть совершеннолетний?

— Зрелый, аттестованный, — отвечает Мишка. — Папа с мамой в отпуск уехали, а он тут аттестуется.

Валька

«Принять рабочего Алексея Чернева в ...скую партию с оплатой по тарифной сетке номер один». Сегодня прибывает самолет с вербованными. Один из них будет наш. Конечно, мы пошли встречать этот самолет. Из самолета выходили хмурые дяди в телогрейках, веселые малые в кепочках и шелковых белых кашне. Кирзовые сапоги, ботинки, у одного даже лаковые туфли, в каких гуляют по сцене конференсье. Какой же будет наш? Может, вон тот, в кепке-пуговке, или тот, с сундуком-чемоданником?

Все же мы не угадали «своего». Да и не мудрено, обычный такой, не очень заметный парнишка. Он сует нам без всякой субординации ладошку, подкупает ухмылкой на конопатой физиономии.

— Валентин, — представляется он. — Можно Валька.

Детдом, пять классов, потом ремесленное, потом завод — вот и вся биография.

— Детдом — это как понять? — деликатно осведомился Виктор.

— Через трудколонию за хулиганство. Отец — на фронте, мать — потом тоже, а я был еще глупый, — скучно добавил Валька.

Он осматривает горизонт, потом осведомляется насчет аванса.

Желанный северный ветер накатывается с Ледовитого океана.

Он приносит холод и дождь. На берегах бухты появились таблички: «По льду не ходить. Опасно».

Мы встретили Г. П. Никитенко в портовой столовой. Капитан торопливо жевал отбивную.

— Разводим пары, — сказал он. — Это выносной ветер.

...Мы вышли на улицу. Туман, ветер и дождь как-то странно уживались вместе.

— Пора перебраться на борт, — сказал Виктор. Мы молчали. Сквозь ветер и гудки прорывались крики чаек. Хотелось закрыть глаза и слушать.

Трюм. Мы только что закончили погрузку. Груда ящиков и тюков лежит, как военная добыча победителей. Виктор последний раз проверяет списки. Мишка блаженно пускает кольца сигаретного дыма. Наверху все так же свистит упрямый ветер. Сверху появляется голова Г. П. Никитенко.

— Все! — кричит он. — Этой ночью будет все! — Голова исчезает.

— Дум-бам-ду-лу-ду, — вдруг «по-африкански» заводит Виктор. Он отбросил куда-то к чертям всякие списки и отчаянно колотит себя по животу.

Мы включаемся в этот концерт победителей. Мишка вскакивает.

— Вива Куба! — кричит он. Он пляшет какой-то немислимый танец. Весь мир — одна сверкающая Мишкина улыбка.

— Бочку рома!

— Кокосовые пальмы!

— Вива свобода!

— Смерть бюрократам!

Сверху падает рюкзак, потом спускаются длинные-длинные сапоги, потом небесного цвета штормовка. Где-то в этих деталях спрятан рабочий 5-го разряда Алексей Иванович Чернев.

— Здорово, пижон! — дружно гаркаем мы.

Пижон смущенно озирается.

По рыбам, по звездам проносит шаланду. «Тихий вперед», «Самый тихий». Ленивое крошево льда окружает нашего «Мышонка». Он осторожно, как человек, входящий в комнату, где спят, расталкивает их белые створки. Белые двери в неведомые приключения лета открывает нам пароходный нос.

Мы сидим на палубе. Зеленая вода Берингова моря плещется так близко, что ее можно достать рукой. Мишка с Виктором тихоноcko поют нашу, геологическую. Древняя эскимосская земля ползет справа по борту.

Ледяные поля, как заплаты на тугом животе моря. Скалы молча склоняют покорные лбы. Говорят, что родина не должна походить ни на какую другую землю. Я не эскимос, но я верю, что другой такой земли нет.

— Кто такие эскимосы? — спрашивает Валька.

— Передовой дозор человечества по дороге на север, — отвечает Виктор.

— Эх... земля, — тихо говорит Мишка.

Мы сидим молчаливые и торжественные. Мы ведь тоже человечество, мы тоже посылали авангард покорять эту землю. Локатор на мачте покручивает выпуклым затылком, шупает горизонт. Локатор на службе, ему не до сентиментов.

Коллекционер Григорий Отрепьев

Длиннорукий, длинноногий детина азартно кусает травинку. Это болевщик. Детина переживает выгрузку. Стрела «Мышонок» выкидывает грузы прямо на берег. Доски, балки, ящики с кирпичом, какие-то мешки. Вместе с нами «Мышонок» привез в поселок стройматериалы. На берегу гомон. Коренастые темнлицы женщины, зашитые в мех ребятишки, учительница и пара русских пожилых дяденек оттаскивают груз от воды. Мужчин в поселке нет. Они ушли на вельботах в море. Говорят, скоро пойдет морж.

Женщины спускают с плеч меховые комбинезоны. Блестят обнаженные торсы. По-птичьи гомонит меховая пацанва. Дяденьки делят приоритет в руководстве. Мы тоже таскаем подальше от берега свое и чужое. Детина молча приседает, размахивает руками, даже побряхтывает. Это очень добросовестный болевщик.

Часа через два мы делаем перекур. Детина подсаживается к нам. Все же мы единственные полноценные мужчины. Махра ведь требует солидного общества.

— Представитель ООН на Чукотке? — спрашивает с ехидцей Виктор.

— Не, я печник, — отвечает детина. — Печки чинил тут.

— Собственная фирма «Хабиб и Хабиб»? Как с дивидендами? — вмешивается в беседу Мишка.

-- Что?

-- Рубли, говорю, такие? — Мишка разводит руки.

— Куда там, — детина огорченно чешет затылок. — Еле дождался я этого парохода. Уплывать надо.

— У тебя книжка трудовая есть?

-- А как же!

Виктор долго листает книжку. Потом смеется.

— Коллекционер, — с уважением говорит он. — Полный увольнительный КЗОТ. Давай к нам, у нас нехватка...

— А условия... — начинает детина.

Тонкий посвист подвесных моторов доносится с моря. Описывая крутую дугу, в бухту входят вельботы. Горбатые от кухлянок фигуры охотников застыли в них. Мужчины спешат к пароходу. Никитенко, капитан Никитенко, друг колхозных посел-

ков, пришел первым рейсом. Если у берега появились моржи и он, значит началось лето.

— Ладно, начальник, — слышу я отягощенный мировой меланхолией голос. — Пиши меня в свою контору. Зовут Григорий, прозвище Отрепьев. Был, говорят, такой знаменитый междунациональный жулик. А кличка эта ко мне таким образом прилипла...

— Ладно, изольешь душу на досуге...

Так это начинается

Третьи сутки наши сани ползут, ползут на север. Распахивается тундра. Ложбины, забитые грязным снегом, темные увалы холмов, жестяные блюда озер. Грохот дизеля возвращается к нам с четырех сторон света. Коричневая жижа течет по гусеницам.

Так это начинается. Мы уходим с Мишкой в боковые маршруты. Здесь тундра, здесь нет обнажений, но мы уже входим в свой район. Виктор ведет «колонну».

За рычагами трактора Сан Саныч собственной персоной. Знаменитый человек. Был в энской части такой танкист Щепотков, потом демобилизовался, попал на Чукотку и стал Сан Санычем, без которого нет нормальной жизни здешнего колхоза. «Бог создал Сахару, потом подумал — и сделал верблюда», — говорят арабы. Шестой год уже водит Сан Саныч дизельного верблюда по заполярной Сахаре. О его зимних рейдах ходят легенды. «От той сопочки, что вроде кривая, до Игельхвеем». Маршрут прост и краток, как речь Цезаря перед сражением. Сан Саныч «делает» маршрут. Всего-то триста. Щелкают корреспондентские «книвы». Сан Саныч в кабине, Щепотков на гусенице, Щепотков перед радиатором. Но всегда в одиночку. Отчаянно подкачал с ростом известный человек Щепотков, уж лучше, товарищ корреспондент, без фона. Говорят, девушки пишут газетным героям, ну, а кто же напишет, если у героя всего сто пятьдесят семь? Женщины, женщины, радость и тоска полярных мужчин. Везет Сан Саныч геологов...

Так это начинается. Мотор глохнет на подъемах, лопается от перегрузки трос, мы вяжем его руками, ложимся под трактор в торфяную слизь.

Мы останавливаемся на несколько дней у встреченных речек. Я обучаю ребят мыть шлихи, Виктор и Мишка уходят в маршруты, Отрепьев заведует хозяйством.

Трактор уходит к следующей речке. Мы увозим с собой пакеты шлихов, варианты всевозможных проб. Это пока еще только сырье. Хитрые дяди в хитрых лабораториях ждут этих проб. Тогда это будут факты.

Эргувеем встает перед нами в серебре многочисленных проток. Река, о которой мечтали мы целую зиму. Здесь уже начинается наша настоящая работа. Мы шли сюда через московский асфальт, прощальные песни, тополевы челнок и завтраки с голубыми глазами в крохотных аэропортах. Сюда нас вели битвы с администрацией и мудрый капитан Г. П. Никитенко. Привет тебе, Эргувеем!

Так это начинается. Вспаханный след разворота, обрывки троа, исчезающий на юге гул — вот и все, что остается нам на

память о романтике тундры и дизеле Александра Александровича Щелотькова.

— Сашка, — говорю я ему вслед, — я вышлю тебе самый лучший московский коньяк, как только узнаю, что ты сфотографировался уже не один. Понимаешь? У нас не принято забывать обещания...

Выстрел и предсмертное хлопанье гусиных крыльев глушат далекий гул мотора. На сей раз Виктор «несет мясо в пещеру». Теперь мы остались одни на все лето. Так это начинается...

Я сижу вдвоем с потомком Лжедмитрия. Он сосет, как всегда, папироску, равнодушно поглядывает на мир серыми глазами.

— Ты думаешь, я жадный? — неожиданно говорит он. — Нет. Я просто свободный. Люблю, чтоб сразу и много. Понимаешь? Захочу, и уйду от вас без всякого расчета. Я длинноногий.

— Уходи, — говорю я.

— Э, нет! Я посмотрю, что вы за люди. Люблю я посмотреть на людей.

— Самостоятельность — первое дело, — солидно вставляет подошедший сзади Валька.

Силуэты на гребне

— Команчи на горизонте! — слышится утром отчаянный вопль. Мы лежим тихо, мы

знаем эти штучки. — Жалкие ленивые рабы! Сейчас я вытряхну вас из палатки, как прошлогодние трамвайные билеты.

Черт побрал бы этого Мишку. Теперь он не уймется.

— Ритм и темп нужны везде, от джаза до арифмометра, — приветствует он наши физиономии.

Мы вылезаем из спальных мешков каждый по-своему. Валька встает хмурый и серьезный, нехотя идет к ручью, моется и мрачно смотрит на наши потягивания. Валька по утрам сердит. Лжедмитрий просыпается бесшумно и быстро. Бормочет что-нибудь философское, закуривает, и он готов.

Бес энергии не дает нам покоя по утрам, и мы готовим завтрак всем скопом. Мы очень вежливы в такое время, мы говорим только на «вы» по утрам. Лешка презирает эту кухонную суматоху. Он появляется позднее всех и долго озирает окрестности. Окрестности — это очень интересно.

Мишка тащит плавниковые веточки для костра и осведомляется мимоходом:

— У тебя это чистоплюйство идейное или так просто, склонность?

— Вас и так четверо около одного котелка, — отшучивается Лешка.

— Конечно. И вообще на земле, кроме тебя, почти три миллиарда, верно?

Но это только мелкие стычки. Мы ведь не просто мальчишки на пикнике, мы на работе. Психоанализ не входит в наши обязанности, наше дело — собирать факты. Мы служим металлогении. Детсадики и тети, читающие Ушинского, остались далеко позади.

Дни идут, как цепочка альпинистов на гребне. У каждого дня альпиниста свой рюкзак. Солидная такая котомка с заботой. Сегодня мы уходим в трехдневку в сторону от Эргувеса. Вместе с керосином, примусами и прочей рухлядью весят наши мешки весьма основательно. Грустно, черт возьми, идти и думать, что от этого у некоторых к сорока годам вздуваются на ногах синие жилы и спина сутулится, как у боксера-тяжеловеса. Придут годы, когда мы тоже будем мечтать о вездеходах и индивидуальных чудо-вертолетах. Шаг — на кочку, два — между кочками. Хорошо бы разогнуться, глотнуть бы побольше всяких озонов. Шагай, шагай себе, дружище. Твой озон от тебя не уйдет. Много на свете озона.

Самолюбиво шагает Виктор. Он впереди, пот заливает очки. Но он шагает, идет и идет впереди.

Неспешно переставляет ноги Мишка. Рюкзак у него индивидуальный, полуторных размеров. Эх, в кино бы надо снимать таких парней! Показывать для примера тем, кто любит кушечные приключения, кто орет под водку песни Киплинга, кто играет «под Джека» в Сочи на пляже.

— Ха-хх, ха-хх, — дышит сзади Валька. Тоший, кривоногий, сердитый Валька.

Я оглядываюсь. Валька ловит взгляд, выжимает улыбку, чуть отстает. Теперь не слышно его дыхания.

Лжедмитрий. Этот, пожалуй, под пару Мишке. Только рюкзак у него нормальных размеров. Скучновато идет он сзади всех, лениво помахивает ведром с посудой.

Лешка чуть сбоку от меня. Комплекс его мыслей я знаю наизусть. Сесть бы на кочку, сдернуть бы с плеч лямки-вампирь. Но он скорее умрет, чем отстанет. Так уже положено по книгам.

Мы делаем привал. Лжедимитрий садится там, где застал его сигнал Виктора. Курит. Молчит Валька. Лешка неожиданно начинает посвистывать.

— Если кому тяжело, я могу забрать пару пачек, — предлагает он.

— Ладно, — говорит Мишка. — Договорились.

Все разыгрывается, как в фильме «про путешествия». Все же под конец его рюкзак мы несли по очереди.

Ужин. Наши ноги и спины сделаны из дерева. В голове серая каша усталости. Мы прямо-таки с животным наслаждением гоняем чай. В стороне маячит одинокая фигура. Это Лешка. Переживает позор. Он возвращается к пятому чайнику. У него лицо добродетели, попавшей в стаю отпетых разбойников.

— Ты бы, Леша, лучше в пираты шел, — безжалостно ехидничает Мишка. — Там только плавать, а ходить не надо.

— Опять же ром дают, — участливо вздыхает Виктор.

Мы с каждым днем все дальше уходим на север. Собирать факты — утомительное занятие. Вечерами мы просматриваем в лупу отмытые шлихи, намечаем на карте места будущих проб «по закону», «по смыслу», «по интуиции». Красные праздничные зернышки киновари, блестящие сульфиды, бурые зернышки касситерита мелькают под лупой.

Но нас сейчас не интересует киноварь. Она сбегает в реки из крохотных, совсем не промышленных месторождений, как доказали люди, работавшие до нас. Промышленная киноварь лежит на северо-западе, далеко за нашим районом.

Немного больше нас интересует касситерит, оловянный камень. С замиранием сердца ждем мы голубоватые полупрозрачные зернышки дертила, длинные палочки кармалина. Особенно если это будет редкий розовый кармалин.

Минералы дружат, как люди. Дертил и розовый кармалин — лучшие друзья миридолита, флюды, содержащей мидий.

Фиолетовые крапинки времени

Было время, о котором с восторгом читают и будут читать поколения романтиков. Вздурораженные двадцатые годы. Время отчаянно широких возможностей. Желашь — бери маузер, иди в чекисты, желашь — восстанавливай Черноморский флот, желашь — иди строить Шатуру или вышибать хлеб у кулаков.

Коля Лапин не сделал ни первого, ни второго, ни пятого. Коля Лапин учился на третьем курсе Горного института. Основное занятие до революции — учащийся, социальное происхождение — сын служащих.

В то время еще были «белые пятна». Самые настоящие «белые пятна» с еле намеченными пунктирами рек и горных хребтов. Это тоже был шанс для славы, места в истории и места под солнцем. Пряный запах славы кружил Коле Лапину голову.

Он учился на третьем курсе. В прославленных, еще Петром I основанных стенах шумели нервные пары в буденовках. В общежитии день и ночь зубрили рабфаковцы. Коля Лапин учился легко, как-никак гимназия. На третьем курсе ослепительный вихрь перспектив увел его из института. По договоренности с одним обаятельным джентльменом из Владивостока Коля Лапин уехал на Чукотку. Искать золотишко. Золото искали все: американцы, норвежцы, просто не имеющие ясной биографии люди. С Чукотки он не вернулся, исчез человек в переливатых миражах пустыни Счастливого Шанса. Может, махнул через пролив в Америку курить по-миллионерски сигары и искать свою фамилию в справочнике «Кто есть кто».

Вероятно, не стоило бы вспоминать о несбывшемся горном инженере Николае Лапине, если бы после него не осталось письмо. Писал человек с Чукотки знакомому по курсу, звал к себе в помощники. Письмо было цветистое: с экзотикой, с ницшеанской жилкой, с длинными описаниями природы. Где-то между стишками Надсона и просьбой передать привет Б. К. чувствительно писалось о розовых, как груди юных чукчанок, комках миридолита. Пустынный, но поэтический минерал, достойный, чтобы его упомянул золотискатель. Письмо сохранилось и вспомнилось лет через двадцать с лишком. Может быть, наш шеф вспомнил о нем на заседании коллегии министерства, когда ставился вопрос о мидии. Вспомнил и полез искать в старых ящиках, где лежали всякие бумажки и желтые потрепанные фотографии.

Было другое время, и был другой человек. Серго Кахидзе, веселый человек с Кавказа. «Белые пятна» таяли, как снег под апрельским солнцем. Серго любил солнце, но любил и снег. Может быть, поэтому он попал с экспедицией Союззолота на Чукотку. После Кахидзе остались карты и томики геологических отчетов. В отчетах, собственно, не было ни слова о миридолите. Кахидзе искал золото, уголь, нефть. Но, к счастью, Кахидзе был человек с Кавказа и, значит, немножко поэт.

В одном из отчетов, увлекшись сравнением мира живой и неживой природы, Кахидзе пишет о розовых и фиолетовых красках миридолита на фоне молочного кварца и о белых жилах этого кварца на темных склонах чукотских гор. Он писал о том, что со временем человек научится видеть и понимать газоны цветов-минералов, парки горных пород, хрупкие листья кристаллов, узловатые стволы жил. Он писал о том, что геология избавит от безработицы поэтов и художников, специализирующихся на природе. Кахидзе погиб в 1944 году. В его коллекциях нашли два образца с миридолитом.

Из ницшеанских строк кандидата в миллионеры, из поэмы-мечты инженер-лейтенанта саперных войск Кахидзе мы составили «круг наиболее достоверного места предполагаемых находок миридолита». Мишка после одного из прокуренных заседаний у меня в комнате сказал, что он разыщет хоть одну из консервных банок, брошенных в тридцать четвертом году Кахидзе, и сделает из нее кубок. «Для лучших минут жизни», — так сказал Мишка.

Наш маршрут пересекает «круг наиболее достоверного...». Поэтому мы думаем о миридолите. Времена сменились. Блестящий,

как ногти «роскошных блондинок», минерал стал нужен для сверхъемких аккумуляторов, для сплавов... если хотите, даже для производства кондиционированного воздуха.

Трагикомедии

В последний раз переходим вброд Эргувеем. Мы идем, растянувшись цепочкой. Впереди Мишка, за ним я, потом ребята, Виктор замыкает.

Где-то в горах на востоке прошли дожди. Вода Эргувеема сера, как солдатская шинель; тревожно взмахивают голыми ветками вырванные водой кусты. Мишка осторожно нащупывает брод. Даже ему вода доходит до паха.

— Иах!.. — тревожно раздается сзади.

Я оглядываюсь и вижу огромные суматошные глаза Лешки. Вальку сбило с ног.

Не помню, как уж мы выскочили на берег. Вальку несло уже по самой середине. Путаюсь в завязках тюков, мы гнались за ним по отмели. Черная точка головы исчезала в волнах.

— Эх, боги-черты, утонет парень! — крикнул кто-то.

Мишка бежал впереди, как невиданный яркий зверь-прыгун. Ковбойка пламенела на ветру.

«Боги-черты» на этот раз оплошали. Вальку прибило к берегу метров триста ниже. Мы догоняли его уж вплавь.

— На кой шерт мошились, — прошепелявил Валька. В зубах у него был ружейный ремень. Рюкзака не было.

Мы долго и облегченно смеялись. Коварный северный ветерок вздувал на коже пупырышки. Мы сидели на галечнике и выжимали одежду. Желтая вода Эргувеема спешила на юг. Вместе с ней спешил к югу и Валькин рюкзак с продуктами.

Было похоже, что придется застрять здесь на целый день. Чтобы не терять времени, Виктор один пошел искать бочку с продуктами, что была заброшена весной на самолете.

Постепенно все успокоились. Ветер и солнце сушили подмокшие вещички. Мы лежали, покуривали, разглядывали пейзаж. Хороший кругом пейзаж! Все маленькое. Коричневые прутьки березки лихо торчат на кочках, и небо, как старенькое одеяло, висит над этим миром, над нами.

«Квлг-квлг!..» — бормотали на речном дне камни. Лемминг выполз из-за кочки, недоверчиво посмотрел на нас бусинками глаз, потом зашуршал-забежал. Аккуратный был такой зверек, в коричневой добротной шубке. Какие-то неведомые нам тра-

винки увлеченно кивают другу другу головами на соседней кочке. «Да, вот она, жизнь! Контрасты», — подумал я.

— Так вот гибнут люди, — философски замечает Лжедмитрий.

— Если так, то хорошо, — сурово ответил Леха.

— Давайте, юноши, поживем еще, — предложил Мишка.

Что за зверь — манихеец?

Мы идем в светлом тумане ночи. Тревожно голгочет тундра. Видимо, ей плохо спится при таком свете. Километров за пятнадцать отсюда нас ждет Виктор. С ним кучи всяких вкусных вещей.

— Мы еще поживем, Валуха! — Мишкин голос гулок, как орудийный выстрел. На весь спящий полуостров раздается ночной стук гальки под сапогами.

Мы находим Виктора так же легко, как «под часами на Арбате в шесть». Он дремлет у потухшего костерка. На грязном лице ввалились щеки. Что-то неладно...

— Я не нашел бочки, — тихо говорит Виктор.

— Мы еще поживем, ребята, — машинально бормочет Мишка.

Мы ищем бочку два дня. Мы облазили десяток островков и проток. Бочки нет!

Мы тщательно сравниваем аэрофотоснимок, где она отмечена, с местностью. Черт разберется в этих протоках, рукавах, островах и старицах! Очень может быть, что ошибся тот человек, что раскидывал бочки зимой с самолета. Тогда был снег: угадай, какой под ним остров! Очень может быть, что ошибаемся мы. Бочки нет...

Следующий лабаз уже на озере Асонг-Кюэль. Туда дней десять работы. Если не будет туманов, если не будет дождей, если мы будем свирепы к работе, как бенгальские тигры...

Мы решаем рискнуть. Виктор закладывает отчаянной длины маршруты. Мы должны, не прервав работы, дойти за десять дней до Асонг-Кюэль.

— Вперед, тигры! — напутствует нас по утрам Виктор.

— Есть, начальник! — рычим мы.

Маленькие тундровые утки кормят нас. Есть такие существа под ненаучной кличкой «чеграши». Очень самоотверженные птицы. Гуси и зайцы всегда исчезают вместе с продуктами. Это ненадежный вид корма. Только «чеграши» плавают по осоковым озерам и ждут, когда мы убьем их на завтрак, обед и ужин.

На третий день Григорий Отрепьев изобрел новое блюдо: остатки муки пополам с прошлогодней брусникой. Имя ему — «Мечта гипертоника».

По утрам Мишка заботливо осматривает карабин и смазывает патроны. Чтоб не заело. Но олени и медведи старательно прячутся. Камни-дни один за другим срываются во вчерашнее.

Дальше — больше, дальше — меньше. Важно, чтоб дальше. Виньетки наших маршрутов кружком покрывают правобережье Эргувеема. Так создается металлогеническая карта.

Иногда «чеграши» исчезают. Мишка уходит тогда с карабином стрелять гагару. Очень трудно убить дробью эту неуязвимую птицу. Мы сидим у костра и кипятим воду. Грохает винтовочный выстрел. Мишка возвращается. Мы встречаем его без особого энтузиазма. Мясо гагары имеет вкус пропитанной рыбьим жиром автомобильной покрышки. Гагара варится два часа.

— Лучше баранины, — нерешительно говорит Валька.

— Конечно, лучше, — солидно говорит Лешка. Он отходит.

За кустом раздается странный звук. Кажется, так тошнит человека.

— Что такое образ настоящего мужчины в современной литературе? — ковыряя в зубах, вопрошает Мишка. — Отвечаю. Шрам на щеке, перебитый нос, каменная челюсть...

— Нейлоновые нервы, — добавляет Виктор.

— Желудок из кислотоупорной пластмассы, — доносится из за куста...

На пятый день мы входим в предгорья. Исчезают озера. Вместе с ними исчезают «чеграши» и даже гагары. Темные глыбы гор с дремотной хитрецей смотрят на нас. Синим далеким платком висит небо. По небу ходят самолетные рокоты. Летают куда-то по делам люди. А мы внизу. Мы маленькие. Меньше чем на два жалких метра торчим мы над землей.

Шестой день прошел. Мишка упрямо возится с патронами.

— Я скоро стану убежденным манихейцем¹, — ворчит он.

— Это что за звери — манихейцы?

— Люди, которые верят в закон максимального свинства.

— Хорошо бы сейчас свиню!.. — вздыхает Григорий.

Нет, мы не хотим быть манихейцами. И мы идем дальше.

¹ Манихейство — идеалистическое учение о существовании направленного зла в природе.

В ритме небесных сфер тихо покачиваются горы. Полярный день осторожно кладет пастельные краски. Иконописным золотом отгорают восходы и закаты. Великий музыкальный оформитель осторожно пробует звуки. Стук упавшего камня. Осторожное царапанье ветра. Оглушительный рев тишины.

Мы не люди, мы — автоматы. Кто вложил в нас перфорированную ленту программы? Со скрупулезной точностью мы продавливаем маршруты, делим по вечерам галеты. Надо очень много «объективных причин», чтобы выбить автомат из режима.

Одинокий вопль при луне

Семь дней позади. Ночь. Мы укладываемся спать. Лешка что-то пишет в измятой тетрадке. Я вижу, как Мишка осторожно заглядывает к нему через плечо. «Стихи», — беззвучно шепчет он мне. Ага! Стихи. Очень интересно! В этот раз мы дольше обычного возьмемся с записными книжками. Мы заполняем их прямо в мешках. Леха уснул. Мишка осторожно тянет у него из-под головы тетрадку. Мы переползаем ко входу.

Жизнь не бывает, как стол для пинг-понга.
Она — как горы, покрытые лесом...

Дальше стихи неразборчивы. Мы переворачиваем страничку. «...Люди на всей планете! Послушайте меня — я обращаюсь к вам. Нам очень тяжело сейчас... Зануда Валька утопил продукты. Но все равно я не сдамся. Человек должен уметь голодать, если он чего-то думает добиться в жизни.

Не так уж давно на севере Гренландии было найдено племя полярных эскимосов. Эти чудачки совершенно не имели связи с внешним миром и думали, что, кроме них, на земле людей нет. Один английский корреспондент писал, что полярные эскимосы могли питаться мхом и снегом. Ясно, что врал. Но в общем они здорово умели голодать.

Теперь я знаю, что это постигается тренировкой.

А Юрка умрет от зависти. Он умрет, когда узнает, что мы жили, как самые настоящие эскимосы. Те, древние.

Люди живут по-разному. Кто-то ходит сейчас в кино и жарится на пляжах. А мы ищем месторождение. Мы грязны и грубоваты. И черт его знает, когда мы увидим кино!

Ну и пусть! Пусть другие пьют томатный сок и ходят по театрам.

Зимой надо будет заняться гантелями и брюшным прессом. Брюшной пресс укрепляет желудок. Если хорошо потренироваться, то можно есть даже дерево. Дерево ведь органический продукт...»

— Одинокий вопль при луне, — шепчет мне Мишка.

— Только не надо, старина, подковырок, — говорю я.

— Не бойся. Я друг детишек. — Мишка осторожно кладет тетрадку на место.

Я засыпаю. Где-то в животе осторожно скребется голодный зверек. Ветер хлопает брезентом палатки. Как будто хлопают паруса. Мишка в шутку окрестил наш отряд фрегатом. Мне нра-

вится. Плывет наш фрегат по тундре и горным долинам. Только жаль, что на борту мало сухарей и солонины...

Утром Виктор делит маршруты. Мы смотрим, как ползет по карте кончик карандаша, как он пересекает ручьи, водоразделы и сухие русла предгорий. Нам очень хочется, чтобы маршрутная петля была короче. Карандаш неумолимо очерчивает километры. Мы берем в дорогу по куску утиного мяса. Остатки. Несколько пачек галет лежат неприкосновенным запасом. На всякий случай.

Мы расходимся без обычных шуток. В голове и теле болезненная невесомость. Стоят ясные, пропитанные солнцем дни.

Мыть шлихи — очень ответственное занятие. Давно уже канули в прошлое те времена, когда лоток был только принадлежностью золотоискателя. В наше время любой шлих — ценность. Его бережно прячут в мешочек, его изучают под микроскопом, его наносят на карты и записывают в каталоги. В каталогах нет ссылки на объективные причины. Это значит, что из шлиха нельзя сделать фальшивую монету.

Минералы похожи на людей. Они любят заключать союзы. Они заключают союз с твоей собственной спиной, и она ноет над лотком, как десять радикулитов. Ледяная вода горных ручьев тоже их союзник. Враждебно срываются камни на склонах. Даже сердце, твой собственный неразлучный приятель, сердце стучит пугающе глухо.

Ночь. Утро. Снова Виктор делит маршруты. Снова мы смотрим на карандашные острие. Мы видим перевал Трех Топографов. Но, спутанные веревками маршрутов, мы приближаемся к нему медленно, очень медленно... На земле есть только одно желанное место — это озеро Асонг-Кюэль.

„Мури Тагам“

«А-а-а!..» — кричал Гришка. Может быть, он не кричал, а говорил, но все равно в ушах стояло только одно сплошное «А-а-а!..».

На корабле был бунт. Боцман уже болтался на рее, и кованые матросские каблуки били в дверь капитанской каюты.

Бунт начался, когда Виктор объявил, что мы не пойдем сразу через перевал Трех Топографов, а уйдем километров на тридцать в сторону, потом вернемся. Так требует схема маршрутов. Все было тихо. Пять пачек галет и остатки муки в мешочке лежали на разостланном рюкзаке. Это был весь наличный запас бобов и бекона. Плюс в горах бегала несъеденная дичь. Плюс озеро Асонг-Кюэль в шестидесяти километрах.

Вначале все было тихо. Валька перешагнул через примус и сбил на землю котелок с «мечтой гипертоника». Розовато-серая каша полилась на землю. И тут-то Гришка начал свое «А-а-а!..». Может быть, кричали все сразу, я не знаю. Наверное, я тоже кричал. Валька ладошками собирал красную кашу с земли. Он клал ее в котелок прямо с землей и лишайниками. «Аааа!..» — шел крик.

Отрывисто лаяли мушкеты, помощник капитана лежал с перерезанным горлом.

— К чертям такое руководство! — выкрикнул Гришка.

Вой стоял в ушах, как от пикирующего самолета.

— Кто сказал «к чертям»? — Мишка, не вставая, вдруг дернул Отрепьева за пятки.

Он шлепнулся на изрядно отошавший зад и... смолк. Тишина упала на мир. Отрепьев шарил кругом побелевшими от истерики глазами. Было невыносимо тихо.

— Но вообще я считаю, — очень взрослым голосом начал Лешка. — Вообще я считаю, что надо вначале сходить на озеро за продуктами, а потом вернуться сюда.

— Помолчи, щенок, — сказал Мишка.

Леха смолк.

Виктор стоял у рюкзака с продуктами и смотрел. Вид у него был растерянный. Валька все еще собирал кашу.

— Кончили крик? — спросил Мишка. — Сейчас мы пойдем в сторону, как сказал Виктор. За истерику буду бить.

Мы шагали редкой цепочкой. Камни на склоне погрохатывали под ногами. Черный склон убегал под самое небо. Огромной анакондой лежал на юге Эргувеем. Оттуда шел теплый ветер.

— Человек! — крикнул Валька. Он вытянул руку.

Мы смотрели вверх. Черная палочка удивительно быстро прыгала метрах в шестистах от нас. Человек спускался сверху по темному днищу промоины. Мишка снял с плеча карабин. Два выстрела рванули воздух.

...Честное слово, мы пили чай с настоящим сахаром! Кусок вареной оленины лежал на ситцевой тряпочке. Мишка рассказывал о наших злоключениях. Темнолицый вежливый человечек кивал головой и тихо ахал. Шел человек из стада в поселок, повидать жену, подлечить какую-то штуку внутри. Не то аппендицит, не то почки. Узел через плечо, «малогулька», собственные ноги. Сто пятьдесят километров, потом столько же обратно. Я спросил, далеко ли стадо. Стадо было далеко.

Человечек снял с плеча узелок, развязал. Сахар и галеты легли аккуратно на землю.

— Впереди река, — сказал человечек. — Много дичи. В горах дичи мало.

Мы поставили еще котелок чая. Выпили.

— Мури тагам¹, — сказал человечек. — Я пошел. — Он прыгал вниз по склону легко, как танцуют через веревочку девочки-первоклашки. Темная голова пропала за обрывом.

— А имени-то и не спросили, — удивился Виктор.

— Может быть, встретимся, — пробормотал укрощенный пират Гришка.

Галеты и сахар лежали на траве. Виктор бережно клал их в рюкзак.

Металлогенический фрегат упрямо шел вперед. Подъем пиратского флага не состоялся. Команда глухо ворчала.

Я почему-то думал об инструкциях. Иногда в них есть диалектически продуманные пункты. По инструкции в нашем положении

¹ «Я пошел» (чукотск.).

нии мы могли бросить работу и идти к базе. Но вообще все отдавалось на наше усмотрение.

Если у меня будут когда-либо подчиненные и я захочу выжать из них все соки, я буду поручать работу на их усмотрение.

...Это был чертовски трудный переход. Наверное, потому, что мы все время шли вдоль склона. Вдоль склона ходить трудно. К вечеру пошел дождь. Это был беспутный чукотский дождик. Он сыпался сверху, с боков, даже снизу. Во встречных долинах свистел ветер. Долины походили на аэродинамические трубы. Кора лишайника на камнях разбухла. Казалось, что камни смазаны мылом. Мы по очереди расшибали колени. В конце концов это нам надоело.

— Делаем привал, — сказал Виктор.

Мы вынули карту и стали смотреть, где находимся. Ветер забегал из-за спины, и карта прыгала, как живая. До долины оставалось еще около пяти километров.

— Ни черта! — сказал Мишка. — Ни черта!..

И мы пошли дальше. Наверное, это было просто от отупения: кто-то сказал, что надо, и мы пошли. Пират Гришка шел и ругался вслух. Он закладывал отчаянные обороты речи. Лешка молчал.

«Жизнь — это, братцы, не стол для пинг-понга», —

Думал я, стоя на пляже Гонконга», —

вдруг запел Мишка. Он пел на мотив «Конная Буденного». Я видел, как вскинулся Лешка. Наверное, он думал, что ослышался. Даже Отрепьев перестал ругаться. Мишка пел что-то дальше. Ветер относил слова. Лешка нарочно держался рядом. Но Мишка ускорил шаг, и потому приходилось чуть не бежать за ним. Мне было тоже интересно, чем это кончится, и я тоже не отставал, а остальные не понимали, в чем дело, но тоже ускорили шаг. Так под залихватский мотив буденновской песни мы дошли до той самой долины.

Мы были совсем мокрые, поэтому раздеться пришлось прямо на улице, чтобы не мочить мешки. Мы лежали в мешках и жевали галеты. Есть не хотелось. Очевидно, от переутомления.

На палаточном брезенте ползли желтые пятна. Дождь шумел. Виктор спросил что-то у Мишки. Тот не ответил. Мишка уже спал. Засыпая, я слышал, как вздыхал и ворочался Григорий.

Где ты, Лукулл?!

Наверное, при подходе к озеру мы походили на группу подгагриков, вышедших на прогулку. От усталости кружилась голова. Мы подымались на гребень увала из последних сил. Мы боялись смотреть вперед: когда смотришь реже, расстояние сокращается быстрее.

— Озеро! — сказал кто-то.

Дальний конец озера взметнулся над гребнем увала, как голубой флаг надежды. Мы ускорили шаг. Увал тянулся нескончаемой пологой дорогой. Озеро все росло и росло. На вершине увала не было кочек. Мы почти бегом крошили покрытую мерзлотными медальонами тундру. Грохот сапог, тяжелое дыха-

ние и оглушительный стук сердца заполняли мир. Я подумал, что мы похожи на верблюдов, почуявших воду. Озеро упало перед нами в благородной стальной синеве. Асонг-Кюэль! Протяжно кричали кулики.

Бочку нашли быстро. Мы сидели около нее, как потерпевшие кораблекрушение, выкинутые, наконец, на берег. Бочку можно было потрогать руками. Очень редко удается трогать руками мечту... С коротким предсмертным писком садились на лицо комары. Дул легкий ветер. У берега торопливо бормотала вода.

...Огромная кастрюля стояла на примусе. Это была уже третья порция.

— Ну где же ты, Лукулл?! — ликующим голосом начал Мишка. — Где же ты, жирный бездельник, величайший гурман и обжора всех времен? Иди к нам! Мы покажем тебе, как едят настоящие люди!.. Хо-хо!.. — Мишка окинул взглядом кучу продуктов и в упоении схватился за голову.

Мы смотрели на него с застывшими улыбками. Мы все ближе и ближе придвигались к кастрюле. Примус ревел реактивным двигателем.

Великая радость бытия прихлопнула тундру. Как лада благодарственного молебна, уходил к небу табачный дым. Мы сидели молча. У нас были ввалившиеся щеки мыслителей. У нас были впады животы йогов. Даже после третьей кастрюли. Низкий торфяной берег убежал по меридиану. Зеленая оторочка осоки была как ресницы озерного глаза — озерного глаза земли. Желтые игрушечные гусята выплыли из травы, сбились в суматошную стайку. Мы лежали тихо. Гусята уплывали, как смешные кораблики детства. Тундра дышала с материнской нежностью. Мы были небритые, взрослые, счастливые дети тундры.

— В чем положительная сущность христианства? — с философским глубокомыслием спросил Мишка.

— В том, что был выдуман пост, — ответил я.

— Я в бога не верю, — сказал пират Гришка.

Он не знал, что был уже не первым безбожником на берегу озера Асонг-Кюэль.

Человек не верит в бога

Это было в далекое время «экзотической Арктики». Человек прокладывал узкую ленту маршрута на белом листе карты. Это был очень странный человек.

Шел тысяча девятьсот двенадцатый год. Европейские столицы задышали в невиданном ритме нового века. «Бал цветов» в Ницце, «Бал бриллиантов» в Париже. Газеты писали о железнодорожных концессиях и грандиозных биржевых аферах. В залитых непривычным электрическим светом гостиных царили бородатые ораторы.

— Прогресс! — восклицали ораторы. Блестели пенсне.

— Прогресс!

Странный человек с профессорской внешностью собирал экспедицию на Чукотку. Подальше от прогресса. Экспедиция была в составе одного лица. Императорское географическое общество не сочло возможным оказать поддержку ввиду странной цели

путешествия. Ее организатор был известен только в узких кругах университетских богословов.

«Наш век катится в какую-то ужасную пропасть, откуда нет возврата. Я хочу увидеть племена, которые еще не видели биржевых акций. Я хочу увидеть светлую молодость человечества. Может быть, тогда я узнаю, где и когда мы свернули с пути на дороге истории». Эти мрачные строчки были записаны на титульном листе экспедиционного дневника.

Ученый-богослов попал на Чукотку: Он пережил залитую спиртом полярную ночь на Анадыре, он наблюдал картину торговли с инородцами, он читал в сводках уездного начальства пронумерованные перечни вымерших стойбищ. Он видел тысячные стада оленей и бег пастухов по бугристой тундре. Он видел, как за два года создавались состояния, видел сифилис и туберкулез. На его глазах исчезали громадные стада китов в Беринговом море.

Богослов был упрям. Он поехал в глубь чукотской тундры. Он как палеонтолог искал окаменевшие останки прошлого человечества. Он не пишет, что видел в тундре, только в дневнике после нескольких чистых страничек была короткая фраза: «Бога нет. Я это знаю». Дальше снова шли чистые странички. На берегу заброшенного в неизвестные географические координаты озера у богослова сбежал каюр. Это была не простая история. В Анадыре никто не верил, что человек мог приехать из столицы просто так. Мираж «золотой лихорадки» уже докатился до Чукотки. Человек прожил на берегу озера всю весну, пока его не подобрали случайно зашедшие чукчи. Он дал этому озеру звучное якутское название Асонг-Кюэль. Он не дал ему классического имени Надежды, или Спасения, или имени кого-нибудь из близких, или имени кого-нибудь из сильных. Он назвал его звучным якутским словом. Почему? Это было его тайной.

Человек не вернулся в Петербург. Он вернулся уже в Петроград. Это было долгое возвращение через скитание по дорогам Америки, поденщину на фермах Флориды и католические церкви Франции. Человек вернулся, чтобы читать лекции по атеизму. Его лекции собирали тысячи слушателей в голодном Петрограде.

Обо всем этом мы узнали совершенно случайно из крохотной книжки, выпущенной издательством «Красный рабочий» в 1927 году. Мы искали в архивах и памяти знатоков происхождения якутского названия озера и натолкнулись на странную до невероятности человеческую судьбу.

— Сволочь был каюр! — резюмировал Валька.

— Стоило такого кругая из-за бога давать! — сплюнул Гришка.

— Раньше людям было гораздо труднее разобраться, — назидательно ответил Виктор.

Драмы

Гришка Отрепьев сбежал. Прямо удрал посреди ночи.

Утром Виктор нашел в палатке записку: «Не надо мне вашей зарплате, ребята. Жизнь эта не для меня. Сами ешьте гагару. Тундру я знаю, можете не искать. Пока. Григорий».

Мишка возится в палатке с продуктами.

— Продукты он взял? — спрашивает Виктор.

— Дней на пять, — глухо доносится из-за парусины.

Плоскость делится на триста шестьдесят градусов. По которому градусу двинулся Гришка? Бредет, бредет где-то сейчас одинокий человек неизвестно куда, неизвестно от чего...

А если он не выйдет к людям?

А если закружит тундра одинокого человека?

Виктор бесстрастен, как монгольский хан. Проклятый миридолит изматывает его душу. Мы это видим. Но сегодня не до миридолита. Гришка, Гришка!.. Разве нельзя было уйти открыто?

Что-то мешало тебе, Гришка, взглянуть в наши глаза перед уходом.

Виктор бесстрастен, как монгольский хан. Мы томительно долго собираемся в маршрут, мы тянем время. Что-то надо решить. Где-то бредет одинокий человек. Низкая пелена облаков нависла над серой равниной. Покрапывает дождик. Надо решать...

— В конце концов я не нанимал его через отдел кадров, — говорит Виктор.

А если тундра закружит человека?..

— В конце концов я геолог, а не воспитатель рвачей.

Манная крупа чукотского дождика серебрит наши волосы.

— Расходимся по маршрутам, — приказывает Виктор.

Расходимся, значит, по маршрутам. Металлогения требует жертв.

Мы с Лехой возвращаемся из маршрута первые. Потом приходит Мишка с Валентином. Рабочие кадры держат себя молчаливо. Виктора нет. Ночь потихоньку заглатывает тундру. Мы рвем крохотные кустики полярной березки. Они отчаянно цепляются за жизнь и за землю. Мишка поливает березку керосином, разводит костер. Дальше она уже горит сама. Мы сидим в неровном кругу пламени, темнота сжимает нас, как камера-одиночка.

Виктора нет...

Все, как по уговору, — ни слова о Гришке. Был человек — и вдруг исчез. Испарился.

Лохматое небо все ниже и ниже падает на костер. Немытыми стеклами синеют сквозь тучи прорывы. Одиноко вопит гагара.

— Клади больше, — говорит Мишка и снова уходит рвать березку. Он носит ее прямо охапками.

Костер среди тундры торчит, как одинокий маяк. Маяк в океане кочек. Виктор выплывает из темноты и устало садится у огня.

— Спасибо за костер, — говорит он. — Блуждал бы я, как лунатик.

— Я боюсь за того чудака, — сказал Мишка. — Неизвестно, что с ним может случиться. Надо выбраться до рации, вызвать самолет.

Виктор молчит. Выбраться до рации — это значит идти к югу залива, где стоянка охотников. Потом на их вельботе переплыть залив, поселок на той стороне. Десяток потерянных дней.

Виктор ничего не отвечает Мишке. После ужина мы молча вползаем в мешки. Одинокая фигура сидит у костра. Это Мишка. Сквозь сон я слышу, как снова уходит рвать березку. «Лю-

ди — родные братья букашек, — думаю я. — Их тоже тянет в темноте на огонь».

— Старина, — слышу я голос Виктора. — Разбуди меня, если проснешься рано. Сегодня мне не хватило времени в маршруте. — Хорошо.

Я вижу во сне Ленку. Она купается в каком-то странном фиолетовом море. Я вижу ее знакомое до каждой черточки тело. Мне хочется подойти к ней и поцеловать мокрые завитки волос на затылке, положить руку на тонкую спину. Но Ленка уплывает. «Очень ты боишься красного света!» — кричит она издали голосом Сергей Сергеевича. От этой чепухи я просыпаюсь. За палаткой голоса. Что за чертовщина?!

У костра сидят двое: Мишка и Лжедимитрий собственной персоной.

— Дура ты дура!.. — слышу я Мишкин голос. — Большой, длинноногий, но глупый до невозможности!

Они не замечают меня.

— Ну разве я не прав? — говорит Гришка. — За тыщу двести целковых такая мука! Без дома, без кино, голодуха... Даже рыба, говорят, понимает, где лучше.

— Что же вернулся?

— Ну, ты пойми. Я ведь тоже соображаю... Я сразу не ушел, держался тут поблизости. Думаю: «Пойдут искать. Надо будет объявиться». Не пошли. «Ах так?!» — думаю. — Наплевать вам на Гришку Отрепьева?» Решил в эту ночь уходить. Смотрю, костер. Ночь уже. Думаю: «Сидят сейчас у костра ребята и решают, какая это сволочь Гришка. Голодали, думают, вместе. Рвач Гришка! Вместо совести — длинный рубль». А костер все горит. Ты пойми меня. Я долго ждал, а он все горит. Понимаешь?..

— Так ты же соображай не как рыба...

Я тихо ретируюсь в палатку.

— Уже пора? — вскидывается в мешке Виктор.

— Темно еще, — говорю я. — Гришка вернулся.

— Тем лучше, — сухо говорит Виктор. — Я, пожалуй, встану. Не буди ребят. Я пойду в маршрут в одиночку...

Тундра все больше и больше приобретает цвет спелого лимона. Значит, приходит осень. Исчезли линные гуси. Большоголовая утиная молодежь перелетает по озерам. Вечерами в стороне залива Креста пылают страшной красноты закаты. Такое небо я видал только на иллюстрациях к космической фантастике.

Сегодня все в сборе. Виктор и Мишка о чем-то тихо спорят над картой. На западе отчаянная марсианская иллюминация. Журавли за озером заводят ленивую ссору. Какой-то одинокий гусь бросает в земное пространство редкие крики. Мерзлотные холмы синеют, как могилы неведомых завоевателей.

— Я читал где-то, — говорит Лешка, — что световое давление можно использовать для паруса. Представляете: межпланетные бригантины с парусами, надутыми светом.

— Все в мире крутится по спирали, — не отрываясь от карты, говорит Виктор. — Здесь паруса, и там паруса... Присматривай себе трубку, Лешка, будешь капитаном. Космический корсар! Чернев — Гроза Созвездий.

— Эй, помолчите, — просит Мишка. — Слушайте землю.
— А вот я капитаном не буду, — говорит Валька. — В шалабане у меня больше пяти классов не уместилось.
— Раньше надо было думать, — рассеянно бросает Виктор.
— Гора разума в океане глупости! — фыркает иронически Мишка.
— Ну, а разве не так? Тебя в институт за уши, что ли, тянули?
— Нет. Я же Человек Символ. Я с шести лет копил деньги на высшее образование. И ты тоже и он. — Мишка кивает на меня.

Мы вышли от озера Асонг-Кюэль к подножью Пельвуenea. Судя по всему, именно из этого района были взяты исторические миридолитовые образцы. Пару раз нам удалось поймать членов миридолитовой шайки: дертил и розовый кармалин. Виктор теперь сам инструктирует ребят, которые моют шлихи. Шлихи сейчас надо мыть «с блеском», до особого серого тона, при котором еще не смываются с лотка легкие минералы.

Нам нужно промыть целую кучу проб у подножья Пельвуenea. Моет Лешка. Валька, как робот, ходит по склону, подтаскивает их к реке. Мы лежим в палатке, отчаянно дымим махрой, сбиваем свои маршруты. По долине гуляет пронзительный ветерок. Глухо шумит под снежником вода. Чертыается у ручья Лешка. Пробы готовы часа через два. «Так быстро?» — удивился Виктор и начал их проверять. Через минуту он выругался. Громко, грубо, отчетливо. Мокрые мешочки со шлихами лежат перед

ним, как цепь прокурорских обвинений. Привычно сереют утренние шлихи и, как взятая на ходу горсть песка, в наглом беле-сом отсвете лежат последние. Лешка отчаянно и явно халтурит!

Он стоит перед нами, опустив голову. Синяя шея и красные сосиски пальцы, распухшие от воды... Эх, парень!.. Видно, мама не гоняла тебя в свое время к проруби помогать полоскать бельишко. И мы напрасно жалели, спешили кончить с делами, чтобы помочь. И Валька зря потел все утро на склоне.

Валька с глухим стуком сбрасывает рюкзак. Он только что спустился со склона. Короткие потные волосы прилипли ко лбу. Он медленно подходит к Лешке. Немая сцена.

— Стоп! — длинная фигура Отрепьева вырастает перед ним. — Не дело при всех, — говорит Отрепьев. — Разберемся потом.

— Завтра маршрута не будет, — говорит Виктор. — Будем перемывать шлихи.

Мы уходим в палатку.

— Тихо, — шепчет Мишка. — На берегу конфликт.

— Ты несчастный подонок, — говорит Валька.

— Да, нехорошо... — добавляет Отрепьев.

Молчание.

— Я бы заставил тебя сожрать твой аттестат зрелости, — презрительно говорит Валька. — Мамкин ты запазушник!

— Соображение у тебя, Леха, как у селедки, — добавляет Отрепьев.

Молчание.

Ай-хо!

С рассвета до заката пропадем в маршрутах. Наступил критический этап гонки за миридолитом. Дальше наш маршрут уже уходит от Пельвунея в тундру. Грязной щетиной позаросли скулы ребят. По-усталому горбятся спины. Лешка ни с кем не разговаривает. Мы мрачно ищем зарытое кем-то сокровище.

Почти все время хочется спать. Объективная реальность куда-то исчезла. Остались только карандашные дороги на карте. Дороги, дороги, дороги... Нехоженные тропы на карте и на земле.

Вечерами мы безнадежно просматриваем собранные за день коллекции. Григорий и Леха в такое время уже спят. Валька надоедливо дышит в затылок.

— Нету? — спрашивает он. — Нету?..

— Уйди к чертям, Валька! — говорим мы. — Не раздражай. Иди спать.

— Значит, нету...

Снег застал нас на Курумкуваам. В начале августа такое бывает.

Белые хлопья летят откуда-то из свинцовой мглы. Плещет о берег черная вода на озере. Исчезли птицы. Мы отлеживаемся в палатке. Первые сутки спим, как первокурсники после экзамена. Вторые сутки тоже спим. Ветер наметаает сквозь дырки синие полоски снега. Их не хочется убирать, не хочется рас-

шнуровывать палаточный вход. Только Гришка изредка вылезает из мешка, чтобы подогреть консервы.

На третьей сутки начинается болтовня. Мы лениво рассуждаем о Лолите Торрес, прямоточных реактивных двигателях и о мозоли, что вторую неделю сидит на ноге у Гришки. Мы нарочно не говорим о миридолите. Мозоль нас доконала. Чтобы поднять настроение, Виктор начинает рассказывать о героическом рейде по Чегутини осенью пятьдесят второго. Он был там еще студентом. Почти на полмесяца раньше выпал снег, и лодки встали среди ледяной шуги. Пяткой пробивали тогда ребята лед и совали в эту дырку руки с лотком. Сильно поморозил руки Вася Жаров, с жестоким радикулитом слег Иван Веселин.

— А Мария-Антуанетта,—комментирует Мишка,—считала, что ад—это там, где жесткие простыни. Незакаленная была бабенка.

Среди ночи вдруг чужим каким-то голосом заговорил Лешка. Рассказывал про онкилонов. Было, по преданиям, такое племя на севере Чукотки, исчезло неизвестно когда и куда. Ученые дяди просиживают сейчас штаны над их загадкой. Постепенно Лешка расходитя. Врет он умело. Парень Сэт-Паразан, умевший вплотную подползти к дикому оленю, Отец племени с орлиным профилем, мрачные пришельцы с юга, битвы, обнаженные девушки на каяках...

«...Со скалы Сэт-Паразан увидел костры племени черноволосях. Они светились, как волчьи глаза, и закрывали весь горизонт. Это был конец племени онкилонов. Сэт-Паразан спустился вниз, где в отдельных ярангах стонали раненые, и девушки прикладывали к их ранам сухую траву. Старики во главе с Отцом племени безнадежно пили одурманивающий настой мухомора. Они хотели увидеть духов, которые подскажут им выход.

— Я видел костры на севере, — сказал Сэт-Паразан. — Там — люди. Мы должны плыть туда. Ведь черноволосые не умеют водить каяки.

— Ты врешь, — ответил Отец племени. — На севере только море и лед. Там не может быть костров и земли.

— Я видел костры на севере, — сказал снова Сэт-Паразан.

— Идем же, покажи, — сказали старики.

Закутанные в медвежьи шкуры, недовольно ворча, они карабкались по мокрым камням наверх. Отчаянно шумело Чукотское море.

Они дошли до середины. Дальше утес был неприступен. Костры черноволосях пылали на юге волчьей подковой.

— Где твои люди, лгун? — спросил Отец племени. — Мы видим только лед и море на севере. Мы видим нашу смерть на юге.

— Надо залезть еще выше, — сказал Сэт-Паразан. — Но никто из вас не может сделать этого. Разве вы не слышали о существовании земли Храхай?

— Пльвем на север! — кричали онкилоны. — Пльвем к далеким кострам!

Они уплывали на север. Каяки шли стремительной стаей. Ведь онкилоны были Морские Люди. Голые по пояс юноши и девушки стоя работали веслами. Водяная радуга взлетала над лопастями,

— Ай-хо! — гремел боевой клич онкилонов. Этот крик заглушал шум волн. Свободная кучка людей уплывала от смерти и рабства...»

В общем все онкилоны уплыли на север. Больше их никто не видал. По необузданному Лешкиному замыслу, племя потом двинулось к востоку и вдоль калифорнийского побережья попало на остров Пасхи.

Снег шуршал по палатке. Наверное, он завалил уже всю тундру. Слегка мерзли в мешках ноги. Мы грели друг друга сквозь шерсть и брезент.

— Ты неплохо сочинишь, — сказал Мишка. — Откуда это?

— Читал. — Лешке, видимо, льстило наше внимание. — Этот год уже потерял, — мечтательно сказал он. — На будущий поступлю в институт. Буду историком.

— Древние греки, — сказал Мишка. — Катулл, Лукулл, Венерины мифы. Актуальная для нашего времени специальность!

— Старики будут довольны.

— А ты, Валька, кем будешь? — спросил я.

— А кем я буду, — ответил Валька. — Как есть — рабочей. Мои старики уже давно насовсем довольны.

— Все дело в самом себе, — сказал Виктор. — Уж на возможность у нас жаловаться не приходится.

— Подзатыльник надо! — вздохнул Гришка. — Человек без подзатыльника не может.

— Снег-то перестал, — сказал Мишка.

Тот самый день

Этот день пришел обычно, как приходит домой с работы старший брат. Я издали вижу, как прыгает в неловкой пробежке Виктор. Нескладная Валькина фигура поспешает рядом. У Виктора в руках полевая сумка, на Вальке — рюкзак. Мы все поняли, что это и есть тот самый день.

— Есть, — говорит Виктор. — Крохотная жила, но есть!

Он трясущимися руками берет у Вальки рюкзак и развязывает его. Розовые, фиолетовые блески, хрупкие комочки режут кварц. Вот он, миридолит! Есть!.. Легкая радость и опустошение наполняют нас.

Герой дядя Валька. Они были на двурогой вершинке, что к северо-западу. Виктор описал южный отрожек и решил, что на другом делать нечего. Валька предложил заскочить. Так, для экзотики, может, по интуиции — в общем черт знает по какой причине! Заскочили, а там...

Решено переносить лагерь. Мы должны теперь перевернуть каждый камень возле той горушки. Мы должны... Нам много что надо теперь сделать, чтобы не запоздать с основной программой.

Вечером спирт. Лежала у Мишки в рюкзаке заветная бутылка. Мишка сходил вниз по речке за гусями, принес четыре штуки. Мы пьем за технику, за миридолит, за романтика Кахидзе.

Огромным оранжевым кругом падает за горизонт солнце. Захмелевший Виктор произносит речь. Упоминает о том, что

пока мы гоняли бумажные шарики по коридорам в институте и стояли у кассы за стипендией, в общем тогда наш уважаемый Валька уже слесарил, создавал, так сказать, материальные ценности. Мишка переводит разговор на другое.

Тощий, скуластый, грязнолицый Валька держит обеими руками кружку. Что-то теплое, как кровь на щеке, шевелится у меня в душе.

Стоп, парень! Не надо сантиментов. Ты мужчина, ты много видал таких хороших ребят, много прошло их мимо. Пройдет, к сожалению, и Валька. Где сейчас владимирский Коля, по кличке Гамильтон. Где светлая душа Ляня Пуговкин? Создают где-то материальные ценности рабочие пятого разряда. А ведь спали в одном мешке... Да, мир крутится по какой-то кривой, может даже по спирали. Миридолит есть, сантименты по боку! Человек сам переводит стрелки на своих рельсах.

Мы пьем за дружбу. Дружба — это что? Необъяснимые симпатии случайно столкнувшихся индивидуумов? А можно ли ее носить с собой в бумажнике? Не лезь в циники! Дружба — это когда вместе создают материальные ценности. Об этом я читал в книгах.

Мы пьем за первооткрывательство. Первооткрыватель — это Виктор. Начальник партии. Ну, и мы с Мишкой. Интеллектуальная, так сказать, прослойка. В списке будет и наш шеф — будет инженер-лейтенант саперных войск Кахидзе!

Мы сидим возле примуса, как возле костра. Здесь нет даже березки. Один ягель, почему-то синего цвета. Ягель и осока, спрятанные ночью. Мишка поет наши песни. Валька куда-то исчез. Я нахожу его возле ручья. Он сидит, закутавшись в телогрейку, и булькает по воде камушками.

— Ты чего? — спрашиваю я.

— Так... — отвечает Валька. — Кидаю камни. Песен ваших я не знаю. Умный разговор поддержать не могу.

Подходит Мишка.

— Давай потолкуем, Валюха, — говорит он.

— О чем?

Я оставляю их вдвоем.

— А ведь завтра пятое число, — говорит Виктор. — Должен быть самолет.

Слушайте, парни..

В нарушение всех законов природы самолет действительно прилетает. Мы быстро поджигаем траву. Желтый дым ползет вертикально в небо. Черная точка стремительно вырастает в размерах. Самолет делает кольцо. Виктор выпускает красную и зеленую ракеты. «В лагере все в порядке, больных нет, работу продолжаем». С самолета падает тюк. Письма, газеты, журналы. Я быстро выхватываю конверты с круглым Ленкиным почерком. Шуршание бумаги и строчки писем заполняют вселенную...

— О, черт!.. — возвращает нас на землю Виктор.

— Что случилось?

— «По требованию родителей, — читает он вслух, — откомандируйте из партии рабочего Алексея Чернева как непра-

вильно оформленного. Отправьте с ним краткий отчет и ненужный груз. По договоренности с колхозом вельбот будет ждать вас у мыса Могила охотника седьмого и девятого числа этого месяца». Подписи.

Ошеломленное молчание придавливает нас. Что за чертовщина?

— Ну вот, — роняет Виктор. — Езжай, Чернев, домой. Папа и мама. Мы ведь обучили тебя мату, радикулиту, ревматизму и цинизму.

— Хо-хо, Леха! — говорит оживленно Гришка. — Дома теплее. Везет молокососам!..

Валька и Мишка молча переглядываются.

Мы сидим на сложенных для переноски тюках, после обеда мы кочуем к миридолиту.

— Отставить переезд, — говорит Виктор. — Отставить, значит, переезд ввиду отъезда.

Мир рушится на нас громадными глыбами молчания. Мы сидим молча. Слова еще не родились в свистящем хаосе мыслей.

— Езжай, значит, Чернев, — чужим голосом повторяет Виктор. — Будешь историком.

— Я не Мария-Антуанетта. Я могу и остаться. — Эти слова приходят к нам через сотню томительных лет.

— Да нет. Раз приказ, я должен..

Лешка медленно собирает рюкзак. Ближайший срок ухода через три дня, но он собирает его прямо вот сейчас. Прямо на наших глазах.

В хрупкой стеклянной тишине застывает мир. Кто-то странно, совсем не по-человечески всхлипывает или кашляет Мишка.

Я смотрю на Мишку. Я не могу отвести от него глаз. Что-то чуть перекосылось у него на лице, нестерпимым отчаянным светом горят Мишкины глаза. Он встает, огромный, бородатый, высеченный весь из какого-то странного дерева. Падают странные слова:

— Брось рюкзак, Лешка! Никуда ты не поедешь.

— Ошалел парнишка от счастья! — хихикает Отрепьев.

— То есть как?..

— Молчи, Виктор. Сейчас моей компетенции дело.

— Но я же сам предлагал, — бормочет Лешка. — Я же не Мария..

— Все молчите! Слушайте, вы, джентльмены с высшим.. —

Я всегда считал, что в мире есть справедливость, — говорит Мишка. — То, что здесь сидят трое джентльменов с высшим образованием, — справедливо. То, что Леха будет историком, — справедливо. В ту ночь, когда шел снег, я думал о справедливости. Почему от одного пятнышка плесени разрастается пятно? Значит, от пятнышка справедливости должно вырасти озеро. Понимаете? Где озеро каждого из нас? В будущем? Я думал три дня и решил. Пусть рюкзак собирает Валька, а не Лешка. Это будет справедливо. Можете надо мной смеяться, но я вас заставлю. Правильно, Гриша: люди не могут без подзатыльников.

Ох, что тут началось!.. Суть в том, что Валька, по решению Мишки, должен ехать учиться. Семь классов, потом техникум, геологический техникум. Он даже обдумал финансовый вопрос,

он даже обдумал вопрос о прописке. В Новых Черемушках существует у Вальки бабушка, и жил, оказывается, Валька как раз у нее.

— А наша работа? — протестует Виктор.

— Один все равно уезжает.

— Иллюзии...

День накатывается на нас, как огромный нестерпимо колючий шар. Я не знаю, о чем мы спорим. О том, что мы много лет уже вели себя как крокодилы; о том, что мы не Армия спасения; что вся экспедиция будет тыкать в нас пальцем; что Валька — железный малый; что ничего не выйдет; что мы будем пороть Вальку каждую субботу, если будет валять дурака... Валька, красный, как обмороженная пятка, уткнул лицо куда-то к коленкам; раскрыв рот и глаза, смотрит Лешка на свое ошалевшее начальство; растерянно покусывает травинку Григорий Отрепьев Бывший.

Мишка, взволнованный, чудаковатый и обаятельный Мишка, ходит между тюками и отрывисто вяжет слова. Ох, он оратор в римском сенате, он кого угодно уговорит!..

Виктор прячет глаза за скептическим отблеском стекол. Молчит. Забытой птичкой горбится сзади Лешка...

Три дня проходят тревожными и бестолковыми сгустками. В комки прессуется время. Мы перенесли лагерь. Молчаливо и яростно работает Лешка. Где-то что-то хрустнуло в нем, бышем.

Когда мы несли последнюю серию грузов, он поскользнулся у самого берега. В кровь расшиб себе лоб, вывихнул палец. Так он дошел до миридолитовой горы в мокрой одежде, вытирал размазанную кровь на лбу да сплевывал в сторонку от ветра.

— Смени одежду, — сказал Виктор. — Простынешь. Сгложут меня твои старики.

— Обойдется, — хрипло бросает Леха.

Мы работаем на вершине. Упругий ветер гуляет над Чукоткой. Зменстые пегматитовые жилы уходят под свалы. У нас голые руки. Нужны ломы и кирки, нужна взрывчатка. Стыдливо розовеют мазки миридолита на скалах.

— «Временно переносим к центру работ, на месторождение. Программу по карте выполним. Желательно удлинить срок сезона на один месяц. Просим организовать дополнительную заброску продуктов, инструментов, взрывчатки. Рабочих в партии двое. Все работоспособны», — вслух перечитывает Виктор.

Сложенная бумажка идет в Валькин карман.

Мы стоим у палатки. Закутавшись в мешок, неловко прыгает Леха. Температурит что-то парень. Видимо, простыл все же в ту ночь.

— Значит, так, — говорит Валька. — Значит, шефу — письмо, значит, на Садовой, зовут Лена. Все вроде записано.

— Пошли, — коротко бросает Мишка.

— Ну, так как же? — растерянно бормочет Валька. — Ай-хо! — вдруг говорит он.

Улыбки. «Ай-хо!» — боевой клич онкилонов, тех, что уплыли на север...

Они уходят. Картинным силуэтом темнеет согнувшаяся под рюкзаком с образцами фигура Мишки и рядом крохотная в длиннополом смешном ватнике фигурка Вальки.

— Э-ге-ге-ге-гей!.. — кричу я.

Фигурки замирают. Поднимают бинокль к глазам тонкие палочки рук. Шарахается от крика где-то в небе гагара. Желтым заревом полыхает тундра. Я смотрю на Виктора. В сторону отвернулся мой начальник, старательно изучает серую ленту реки. Опустив длинные руки, стоит Григорий.

«Смешные мы все же люди-человеки», — думаю я.

Я сижу в палатке. Виктор и Гришка только что ушли к месторождению. Я вернулся оттуда. Мы по очереди дежурируем у Лехи. Не на шутку разболелся парень.

— Нутро у него, понимаешь, протестует, — так сказал материалист Гришка.

Я привожу в порядок записные книжки. Кончается день. Сильные густые тени падают с гор. Вероятно, сегодня будет первый лед.

Первый лед, с которого жиреют и тревожными стаями мечутся гуси.

...Будут морозные ночи в палатках, будут крепкие, как дубовый шар, сентябрьские дни. Голубые ниточки тундровых рек, отмели и скалы все еще ждут нас...

Глаза Лешки лихорадочно поблескивают в сумерках палатки. Красным помидором пылает его лицо. Грипп? Воспаление легких? Тиф? Менингит?

— Переболеешь — встанешь, — сурово басил ему на прощание Мишка.

Лехе худо. Я не знаю, как быть. Он проглотил уже страшное количество калыцекса, аспирина и биомидина. Больше в аптечке ничего нет. Только йод. Йод не пьют. Эх, я знаю, что тут надо! Надо малины и бабушкино ватное одеяло. Морщинистую материнскую руку на лбу. Но где я возьму тебе маму, Лешка?

...Обмелевшие за лето ниточки рек. Озера покроются льдом. Мы будем замыкать петлю. Еще стоят нерешительной стайкой значки на карте.

— Леха, — говорю я, — ты давай в геологи. Плюнь на своих греков.

Лешка молчит. Думает что-то парень. Страшным жаром горит его лицо. Черные тени крадутся в палатку. Густым стеклом висит воздух. Белеет на западе снежник.

— Леха, — говорю я.

— Не надо... — просит он.

Ночью мне делается совсем страшно. При свете свечки Лешкины глаза блестят как-то тревожно и жутковато.

— Зуб ноет, — тихо говорит Лешка.

Я достаю вату и пузырек с соляной кислотой. Испытанный злодейский метод. Спи, Леха! Леха не спит.

Но как заменить ему мамкину руку, как согреть этого парня? — Ты хороший парень, Лешка, — говорю я. — Это ничего, что ты пижон.

— Я не пижон, — говорит Лешка, — просто иногда так...

Ночью он легонько бредит. Я боюсь зажечь свечку, чтобы не разбудить его. Слушаю.

— Рыбы, — говорит Лешка. — Куда плавают рыбы? В воде же темно, они не знают, куда плыть. Надо зажечь им костры, чтобы видели, а то как же... Зажгите костры в океане...

Он много говорит. Я не могу заснуть.

Наутро приходят Виктор и Гришка. Гришка варит очень крепкий чай и разбавляет его спиртом. Потом заставляет Лешку выпить эту взрывчатую смесь. Лешка лежит в двух мешках и обливается потом.

— Порядок! — говорит Гришка. — Дедов способ. Любую простуду вышибает.

Финиш

Я издали замечаю Мишку. Одинокая темная фигура спускается по желтому склону холма.

— Мишка идет! — говорю я ребятам. — Один.

— Мишка? — суетится Григорий. — А у меня чай не готов. Он возится за палаткой с примусом. — Миша любит чай крепкий. Миша любит чай горячий. Не подкачай, Григорий, — говорит он сам с собой.

Мишка подходит шагом до смерти уставшего человека.

— Привет, бродяги! — здоровается он.

Только голос у Мишки не под стать словам. Такой серьезный голос.

— Ну как? — спрашивает Виктор.

— Порядок! Как в аптеке.

Я смотрю на Мишку. Чуть кривоватая улыбка застыла у него на лице. Резкие морщины режут лоб и щеки. Грязная тельняшка торчит из ватника. Видимо, здорово устал парень.

— Мишка, — говорю я, — а ведь мы уже взрослые люди. Нам по тридцать. Мужики мы. А я все думаю, что ребята!

Ничего, что небо очень злое,

Пусть пурга метет вторые сутки.

Верь, что будет небо голубое, —

Голубей чукотской незабудки, —

мурлычет за палаткой Григорий. Очень ему нравится эта песня.

— Гриш, мы тебя в консерваторию определим. Ладно? — доносится из палатки.

— Если условия подойдут, то можно и в консерваторию, — миролюбиво отшучивается тот.

— А что ж! Люстры, поклонницы, аплодисменты, — рассеянно замечает Мишка. — Значит, так.

— Ай-хо, старик! — говорю я.

Мишка устало улыбается. Виктор тихо подходит к нам.

— Миш, ты извини, — говорит он.

— За что?

— Так. Вообще извини.

— Все мы люди... — вздыхает Мишка.

Глупая, между прочим, поговорка «Жизнь — это как стрела» почему-то вспоминается мне.

— А чай уже готов, — вполголоса сказал Григорий.

Г. ГОЛУБЕВ

ВЕНЕРА, ВАМ СЛОВО!

Рисунки В. Стацинского

Надо сказать, что редакция «Искателя» дала нелегкое задание корреспонденту Г. Голубеву: взять интервью у планеты Венеры оказалось очень сложно. Несмотря на использование самых различных средств связи, Венера не отвечала на вызовы. Это молчание в конце концов стало столь загадочным, что наш корреспондент испугался и принялся рассматривать ночное небо: не случилось ли чего-нибудь с Венерой? Но она, как обычно, сияла на небосводе. Тогда решено было перехитрить упрямую планету. Наш корреспондент воспользовался в качестве позывных музыкой и песенками из последней постановки Московского мюзик-холла «Москва—Венера, далее везде!» — там ведь на все лады воспевается интересующая нас планета. Расчет оказался правильным...

— Помолчите! — слышался капризный голос. — Дайте послушать спокойно такую чудесную музыку! Что вы все время кричите: «Венера! Венера!» Что вам от меня нужно?

— Но, дорогая Венера... Мы давно пытаемся побеседовать с вами...

— Словхатились! А раньше вы не могли мной заинтересоваться?

— Видите ли, по плану, составленному в редакции...

— Вы хотите сказать, что моя очередь подошла только сейчас?!

(Это, вспоминал наш корреспондент, было произнесено таким тоном, что стало ясно: беседа может немедленно оборваться. Пришлось в течение получаса говорить только комплименты и цитировать все известные ему стихи, в которых воспевалась Волшебная Утренняя Звезда, она же Звезда Любви, она же Вечерняя Звезда... Но ради экономии места мы эту лирику опускаем.)

— Не понимаю мужской логики, — уже более спокойно сказала, наконец, Венера. — Предоставляете слово сначала Луне, потом Марсу. И каждый из них наперебой хвастает своими загадками.

На лице Луны вы давно изучили каждую морщинку, каждое пятнышко и смогли даже убедиться, что с обратной стороны она не более удивительна... И что вообще в ней загадочного? А этот старый хвостун Марс? Вся физиономия в каких-то безобразных пятнах и шрамах, а вы восхищаетесь тайнами «каналов» и «морей». Вот я действительно загадка: моего лица вы никогда не видели.

— Да, ваша облачная вуаль доставляет массу хлопот астрономам. Все они втайне мечтают, чтобы вы приоткрыли ее хоть на миг.

— И не подумаю! Тогда вы моментально поставите меня на какое-нибудь сто первое место в ваших редакционных планах. А пока загадочность делает меня еще привлекательнее, не правда ли?

— Пожалуй, это верно, дорогая Венера, но не кажется ли вам, что во всем надо соблюдать меру? А то какую гипотезу ни выскажут о вас ученые, она очень быстро оказывается недостоверной.

— С удовольствием принимаю этот тонкий комплимент. Однако за последние годы, даже буквально за считанные месяцы, вы ведь ухитрились узнать обо мне кое-что новое.

— Да, кажется, удалось, наконец, достаточно точно установить ваши размеры. Прежде различные исследователи при определении вашего радиуса расходились в расчетах на двести с лишним километров, и, конечно, они сознавались, что это «совершенно нетерпимо в отношении столь близкой к нам планеты». Последние расчеты советского профессора Д. Я. Мартынова показали, что на высоте облачного слоя ваш радиус немногим превышает 6 100 километров.

— Неплохо. Но это опять-таки на высоте облачного слоя...

— Пользуясь тем, что световые волны различной длины по-разному проходят сквозь облачный слой, наши астрономы суме-

ли в какой-то степени сделать вашу вуаль прозрачной. А снимки в ультрафиолетовых лучах позволили заметить на вашей поверхности какую-то систему полос. По их движению удалось определить местонахождение ваших полюсов. Они занимают примерно такое же положение, как и у Земли: угол между осью вашего вращения и плоскостью орбиты составляет 60—70 градусов, не так ли?

— Вы забыли, что эти расчеты верны лишь в том случае, если полосы на моей поверхности параллельны экватору...

— Да, как это мы наблюдаем у Юпитера.

— Но я не Юпитер, я Венера!..

— Однако мы проверяем эту гипотезу и другими методами. Очень важные данные принесла науке радиолокация, которой вас подвергли советские ученые в прошлом году. Ведь раньше о периоде вашего обращения вокруг оси ученые давали самые противоречивые определения — от 22 часов до 225 суток! Так что по одним расчетам получалось, что Солнце обогрывает вашу поверхность примерно так же равномерно, как и земную, по другим — будто на одном из ваших полушарий царит вечный мрак.

— Обидно, когда о тебе так плохо думают...

— Да, но это было раньше. А теперь радиолокатор позволил довольно точно определить, что период вашего обращения вокруг своей оси составляет немногим меньше десяти земных суток. Из этого можно сделать весьма важные выводы о природных условиях на поверхности, которую вы так старательно прячете под облаками.

— Какие же?

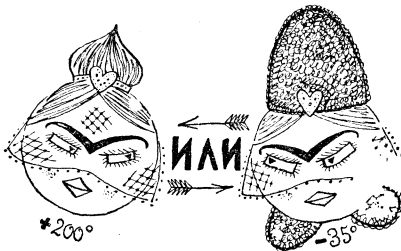
— Ну, раз вы совершаете полный оборот за десять суток, вся ваша поверхность облучается равномерно и на ней создается довольно мягкий температурный режим.

— Однако о том, насколько сильно нагревается или остывает моя поверхность, у вас продолжают научные споры?

— Да, в этом вопросе, к сожалению, еще много неясного. Для облачного покрова болометрические измерения в инфракрасной области дали 35 градусов мороза, а по данным исследований радиоизлучения получается совсем иное: 200 градусов тепла...

— Ничего себе, «мягкий температурный режим»! И к тому же опять на уровне облачной оболочки.

— Противоречие действительно резкое, но, кажется, наши ученые начинают в нем разбираться. Они предполагают, что сведения о высоких температурах приносят нам радиоволны, которые излучает ваша ионосфера, а ведь она сильно нагревается и

ультрафиолетовыми лучами и корпускулярными потоками, летящими от Солнца. Точно такое же явление наблюдается и в земной ионосфере. Температура вашей поверхности под облачным покровом, вероятно, не превышает 50—100 градусов тепла. Есть и другая гипотеза: возможно, что излучение, которое улавливают наши радиотелескопы, вовсе не теплового происхождения, а порождается частицами высоких энергий, «плененными» вашим магнитным полем. В таком случае по нему вообще нельзя судить о вашей температуре.

— Вероятно, вы ждете, что я помогу разрешить эту загадку?

— Это было бы замечательно!

— Ну зачем же я сама стану лишать себя хоть частицы загадочного обаяния? Любая женщина вам скажет, что это совершенно неразумно. Так что продолжайте ваши наблюдения и не теряйте со мной связи...

— Наоборот, мы все время пытаемся укрепить эту связь. Мы первые послали к вам автоматическую межпланетную станцию, ведем все новые радиолокационные измерения.

Помогите же и вы нам теперь хоть немного! Астрономы даже поднимают телескопы на стратостатах, надеясь избавиться от земных атмосферных помех и отыскать хотя бы небольшую и пусть ненадолго открывшуюся «прореху» в вашем облачном наряде. Ведь нам так хочется узнать, что представляет собой ваша поверхность. Американские астрономы Мензел и Уиппл предполагают, например, что она сплошь залита океанскими водами. Но последние радиолокации как будто опровергают эту гипотезу, они показывают, что ваша поверхность неоднородна. Различные участки ее по-разному отражают радиоволны — значит, там должны быть острова, может быть, даже целые материки. Но как они выглядят? И, конечно, самое главное: есть ли на них жизнь? В каких формах?

— Ну, в этом отношении я не хуже других планет.

— Да, у вас есть вода, без которой невозможна жизнь, во всяком случае в формах, известных нам на Земле, а других мы пока не знаем. Какие же неведомые существа резвятся в глубинах ваших океанов? Как выглядят ваши луга и леса? Действительно ли они багряно-красные? Это предположение Г. А. Тихова основано на том, что климат у вас влажный и теплый, как в природной оранжерее...

— Значит, в существовании жизни под моим облачным покровом вы уже не сомневаетесь?

— Пожалуй, нет. Споры сейчас идут о том, на какой стадии развития находится эта жизнь. Одни считают, что вы старше Земли, от близости Солнца жизнь в ваших морях и лесах развивалась быстрее и теперь уже клонится к закату. По другим гипотезам, наоборот, вы отстали от нас и жизнь у вас только начинает свое победное шествие. Тогда она напоминает ту, которая существовала на Земле миллионы лет назад, во времена каменноугольного периода.

— Вы хотите сказать, что все зависит от моего возраста?

— Да, дорогая Венера, сколько вам тысячелетий?

— Но кто же задает такой вопрос женщине!

— Я вас спрашиваю не как женщину, а как планету.

— Оставьте эти словесные ухищрения для простушек вроде Луны. О своем возрасте я ничего говорить не буду. Впрочем, что толку говорить о моей поверхности, а тем более о жизни на ней, когда вы даже еще не разобрались в загадках облачной оболочки? Вот уже двести лет, как ваш замечательный соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов обнаружил мою атмосферу, а много ли вы с тех пор узнали о ней?

— Мы довольно точно выяснили ее состав, разве не так? Больше всего в ней углекислого газа — так много, что при нормальном атмосферном давлении он должен образовать слой в один-три километра толщиной. Другая важная составная часть вашей атмосферы — азот. До последнего времени считалось, что она совершенно лишена кислорода. Но совсем недавно, в марте этого года, советские астрономы обнаружили и кислород в верхних слоях вашей атмосферы.

— Все это очень мило, но позвольте задать вам такой вопрос: все эти газы прозрачны, почему же вы не видите моей поверхности?

— Тут наши ученые пока не пришли к общему заключению. Одни считают, что пелену облаков образуют мельчайшие капельки воды, диаметром всего в 2—2,5 микрона. Правда, здесь есть одно «но»: углекислый газ, которого так много в вашей атмосфере, в присутствии воды непременно должен соединиться с различными веществами горных пород. Почему же количество его не убывает? Чтобы устранить это противоречие, американские астрономы и выдвинули гипотезу о том, будто всю вашу поверхность сплошь покрывает вода, ведь тогда горные породы не соприкасаются с атмосферным углекислым газом. Однако последние данные радиолокации, как я уже говорил, эту гипотезу, кажется, похоронили.

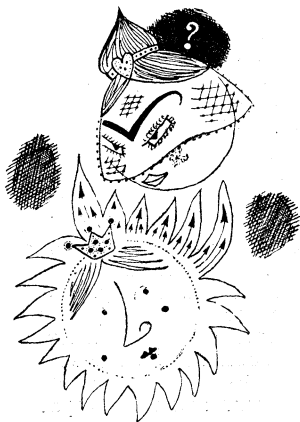
Есть и другое объяснение происхождения вашей «вуали». Может быть, она состоит из недоокиси углерода C_3O_2 , которая образуется при освещении углекислого газа ультрафиолетовыми лучами? К сожалению, это соединение весьма неустойчиво, и в земных условиях его очень трудно исследовать. Как видите, я ничего не скрываю от вас...

— В надежде, что я отвечу взаимностью? А что вы скажете, если никакого облачного покрова у меня вообще нет?

— То есть как? Почему же мы тогда не видим вашей поверхности?

— Вы ее видите. Только она сплошь покрыта ледниками, их-то вы и принимаете за облака.

— Подождите, это же старая гипотеза английского аст-

ронома Баркета. Он исходил из того, что период вашего обращения очень велик, и поэтому одна половина планеты — как раз та, какую мы наблюдаем,—всегда скрыта от солнечных лучей. Но гипотеза Баркета полностью опровергнута данными радиолокации. Зачем вы меня путаете?

— Опять-таки чтобы вы не слишком зазнавались. А то вы все упрекаете меня, что я слишком ревниво храню свои тайны, не хочу помочь вам их разгадать. А не напрасны ли ваши упреки? Подумайте-ка! Разве я уже не стала вашей помощницей?

— Каким образом?

— Ах, вы уже забыли... Какая неблагодарность! Но разве могли бы вы без меня уточнить вашу астрономическую единицу?

— О нет, что вы, дорогая Венера, ваша помощь в этом была неоценима. Действительно, астрономическая единица, за которую принято среднее расстояние от Земли до Солнца, нам необходима во всех расчетах небесной механики. До поры, до времени мы могли мириться с тем, что эта космическая мера длины известна нам с точностью до сорока тысяч километров. Но для точных расчетов траекторий космических кораблей она не годится. Поэтому в прошлом году советские ученые попытались уточнить астрономическую единицу при локации вашей поверхности. Она оказалась равной 149 457 тысячам километрам с возможным отклонением всего лишь в пять тысяч километров. Это уже значительно лучше, и мы весьма вам признательны за участие в таком важном космическом эксперименте.

— Но почему вы благодарите меня довольно кислым тоном?

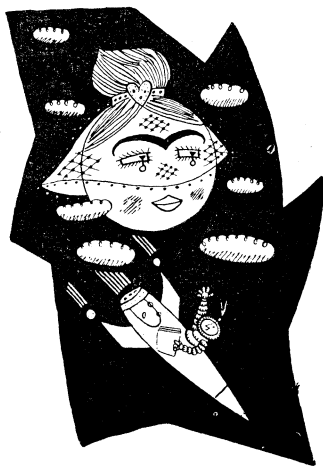
— Как вам сказать...

— Опять вы видите какое-то коварство с моей стороны? Говорите смело, я не обижусь.

— Тут опять... возникло одно противоречие. Совсем недавно была сделана попытка уточнить величину астрономической единицы другим, математическим методом. Эти расчеты — тоже весьма точные — почему-то расходятся с данными радиолокации на семьдесят с лишним тысяч километров.

— Вас смущает это противоречие? Но ведь за каждой загадкой обычно следует и какое-нибудь открытие. Так что посылайте ко мне новые ракеты.

— Мы так и сделаем. До скорой встречи, прекрасная Венера! Большое спасибо за интервью! Привет вашим обитателям, если они существуют! Пусть ждут нас!

ТАЙНА АМАТИТЛАНА

Прозрачны бездонные воды Аматитлана. На несколько километров протянулось озеро среди извилистых берегов, покрытых лесами. Южнее его бьют из-под земли неистощимые фонтаны гейзеров. Цепь потухших вулканов, словно стража, висится вокруг безмятежно спокойной озерной глади.

Этот живописный уголок, расположенный недалеко от столицы Гватемалы, — любимое место отдыха туристов. Несколько лет назад озеро Аматитлан заново «открыли» аквалангисты.

Однажды один из подводных охотников вынырнул на поверхность без обычного охотничьего трофея. В руках он держал каменный сосуд в форме статуэтки. После этой находки подводная охота была забыта. Теперь аквалангисты разыскивали на дне озера затонувшие археологические сокровища. Со временем азартное «кладоискательство» сменилось более планомерными поисками. Группа археологов-любителей занялась систематическим исследованием дна Аматитлана.

Когда спустя два года к месту удивительных находок прибыли ученые, коллекция аквалангистов уже насчитывала 400 экспонатов. В основном это были чаши и сосуды с различными барельефными изображениями. Одни каменные изваяния злоеще улыбались, лица других искажал беспредельный ужас. Немало было изображений идолов. Барельефы украшали даже крышки и ручки сосудов.

Ученые продолжили исследования озера, глубина которого в некоторых местах достигала 40 метров. Аматитлан оказался настоящей кладовой сокровищ для археологов.

Происхождение находок не представляло загадки для ученых. Подобные сосуды и статуэтки были знакомы им по раскопкам поселений древних майя — народа высокой культуры, погибшей после вторжения в Америку в XVI веке испанских колонизаторов. По стилям гончарных изделий и скульптур из камня археологи установили возраст находок. Большинство из них относилось к 300—600 годам нашей эры, к «классической эпохе» государства майя.

Но как попали ценные сосуды, чаши и тому подобное в место, отдаленное от культурных центров той эпохи? Каким образом оказались они на дне озера? И как объяснить, что некоторые сосуды, найденные под водой недалеко от берега, аккуратно поставлены один подле другого?

Разгадать тайну Аматитлана помог археологам «священный колодец» в древней столице майя Чичен-Ице в Юкатане. По всей вероятности, Аматитлан был некогда «священным озером», куда, как позднее к «священному колодцу» в Чичен-Ице, съезжались паломники для поклонения божествам. Об этом говорит и своеобразие найденных сосудов. Это курильницы, предназначенные для сжигания благовоний, светильники, чаши больших размеров, в которые, вероятно, клали дары. О том же свидетельствуют и многочисленные изображения головы ягуара, олицетворявшего для майя бога воды и дождя. Косвенным доказательством такого предположения является и весенний праздник на Аматитлане. До сих пор в определенный день со всех концов Гватемалы съезжаются на озеро паломники. Они сопровождают статую «святого» на лодках к центру озера, где в его честь бросают в воду цветы и фрукты. Не является ли этот обычай отголоском древнего языческого обряда майя?

Видимо, и майя одаривали своих богов, бросая приношения прямо в озеро. А сосуды в нишах? Вероятно, это была особая форма поклонения богам. Наверное, майя клали сосуды, наполненные дарами, и курильницы с благовониями также и на берегу. Но уровень воды в Аматитлане со временем значительно поднялся, и они оказались затопленными.

Но почему именно это озеро стало местом паломничества? Скорее всего, воображение майя поражало сочетание в этом месте тихих вод Аматитлана и извергающихся вулканов, горячих серных источников, бьющих в небо гейзеров. Им могло казаться, что именно в этом озере живет божество, повелевающее грозными силами природы.

Исследование многочисленных находок Аматитлана поможет историкам изучать жизнь и культуру древних майя, сведения о которых до сих пор очень отрывочны и неполны.

События, которые происходят в этой повести, вымышлены. И в то же время они реальные.

Вымышлены, потому что ни в Ленинградском, ни в каком-либо ином управлении милиции дела о фамильном рубле никогда не было.

Реальны, потому что нам, авторам, пришлось — по реду службы — расследовать не одно уголовное преступление, и многое из того, что довелось узнать и пережить во время расследований, положено в основу этой повести.

ФАМИЛЬНЫЙ

ГЛАВА I

Рано утром 18 октября 1961 года из подъезда трехэтажного дома с белыми колоннами, что стоит в Москве на углу улиц Огарева и Герцена, вышел высокий молодой человек в форме офицера милиции. Это был следователь Ленинградского управления внутренних дел Иван Сергеевич Громов.

Здесь, на улице Огарева, еще доживало лето. Доживало в веселых солнечных зайчиках, скачущих вокруг Громова, в прозрачной звенящей синеве неба, по которому ползла невидимая точка — самолет. Самолет оставлял белый пушистый след, и, прищурившись, Громов прочел: «Мир».

Да, здесь был мир. Он чувствовался и в шумном гомоне спешивших по улице студентов, и в деловитом урчании машин, и в спокойных движениях рабочих, что расклеивали на стендах утренние газеты.

Да, здесь был мир... А Громов собирался на фронт. И пусть этот фронт не протянулся сотнями километров проволочных заграждений, но и на нем иногда возникала перестрелка. И тогда шли в атаку люди в синих шинелях...

Громов достал телеграмму.

Она пришла перед началом совещания, и заместитель министра, наклонившись к микрофону, сказал:

— Капитан Громов, самолет на Ленинград уходит через час. Подробности в телеграмме. Теперь прошу подойти сюда.

Когда Громов подошел, заместитель министра протянул ему открытую коробочку. На бархате лежал значок. В рубиновой ленточке-ободке, обрамлявшей значок, сверкали золотой серп и молот, а под ним — матово-серебристый меч.

— Мне хочется, — сказал заместитель министра, — чтобы вы всегда помнили: меч, изображенный на этом знаке, вручил нам товарищ Дзержинский.

В телеграмме говорилось: «Немедленно вылетайте тчк вам поручено расследование дела по сто второй тчк...»

РУБЛЬ

Рисунок В. Вагина

Убийство...

Через два часа машина с сиреной уже мчала Громова к месту происшествия...

Когда стопка книг тяжело опустилась на письменный стол, Громову показалось, что вот сейчас, сию минуту он узнает все... Открыл наугад верхнюю — толстый фолиант с золотым тиснением — и увидел портрет Николая I, застывшего в картинной позе у мраморной колонны.

Книги издавали странный незнакомый запах. словно кто-то чужой, далекий вдруг неслышно вошел в комнату, обдал тяжелым дыханием прошлого и въедливой, щекочущей ноздри пылью.

«Наверное, ты любил дышать таким воздухом, — подумал Громов. — Воздухом присутствий и казематов. Ну что, ваше величество, поговорим?»

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Николай — презрительно и надменно, следователь Громов — спокойно и чуть насмешливо.

«А ведь ты, наверно, знал, как это началось...»

За стеной, у соседей, кто-то настойчиво долбил пальцем по клавишам рояля: «Едем мы, дру-зья, в даль-ни-е кра-я, ста-нем но-во-се-ла-ми ты и я!» Сначала неуверенно, потом быстрее и быстрее. Но вот все исчезло. Был только шелест страниц да непривычные «еры» и «яти», современники мрачного, жестокого времени, в котором Громов блуждал сейчас. Блуждал, стараясь отыскать следы того, кто прошел сегодня, всего несколько часов назад, оставив после себя горе и кровь.

...До этих страниц Громов добрался не сразу. Уже затих шум города за окном, уже властно стучало в голову: «спа-ать», «спа-ать», когда почти бессознательно, прислонившись подбородком к руке, Громов медленно, по слогам прочел: «Ма-дон-на»...

Распрявил широкие плечи, потянулся, машинально пригладил черную буйную шевелюру. Не глядя, вытащил папиросу, удовлетворенно подумал:

— Кажется, то самое. А ну-ка...

Теперь все происходило наоборот. От строчки к строчке уходил сон...

Это действительно было «то самое»...

*

20 января 1819 года член Горного Совета и Действительный статский советник русской службы семидесятилетний Людвиг Келлер почувствовал приближение конца.

Две недели назад, осматривая по просьбе императора Александра строительство Исаакиевского собора, Келлер простудился и слег, и вот теперь, проклиная неумелых лекарей, готовился к переходу в лучший мир.

Был вечер. За толстым стеклом венецианских окон изредка вздымались блики пламени — строители собора жгли костры.

Келлер судорожно зевнул, с трудом ворочая языком, спросил камердинера:

— Что.. Франц?

— Их превосходительство ожидают в приемной, — поклонился лакей, — прикажете просить?

— Проси, — кивнул Людвиг, — не было бы поздно...

— Ну что вы, сударь, — весело крикнул с порога невысокий моложавый генерал с крючковатым носом и брезгливо оттопыренной нижней губой, — у вас же насморк, и все! — подошел к отцу, небрежно чмокнул его в лоб.

— Не нужно напрасных слов, сын мой, я пригласил вас для последнего разговора. Садитесь, Франц. Я хочу дать вам один совет...

Кисло поморщившись, генерал сел около старика, печально покачал головой:

— Слушаю, ваше превосходительство...

— Помни: иногда мелочь, умело преподнесенная, дает человеку богатство и власть.

— Я запомню, отец...

— Это не все. Наш род будет славен и велик. Даже уйдя в мир иной, каждый из нас должен оставаться незабытым. Франц, на Смоленском кладбище ты велишь сделать склеп... — и, заметив, что сын порывается возразить, остановил его властным жестом.

— Ты хочешь сказать — кладбище сие более простолюдинам пристало, нежели лицу чиновному? Все мы вышли от Адама, генерал, и потому чураться простолюдинов не к лицу доброму христианину... — Он покачал головой и, повернувшись к лакею, сказал: — Пусть принесут Мадонну, Карл.

Когда лакей вышел, Франц сказал:

— Ласкаю себя надеждой, сударь, что вы измените свое решение. Посудите, узнают в свете, что Келлеры вместо Лавры на болото Смоленское позарились, подвергнут остракизму! Остерегитесь, сударь!

Старик молчал. Франц шепотом чертыхнулся — знал, не переубедить упряма. Подумал: лицемерит фатер. Не оттого Смоленское кладбище хочет, что хамов любит, а оттого, что среди чухонских землянок и изба дворцом кажется... Склеп в Лавре — целое состояние, а на Смоленском и плохонький — диво дивное.

Лакеи внесли высокий прямоугольный ящик, осторожно поставили посреди кабинета. Людвиг открыл глаза, пожевав губами, сказал:

— Вот... Не угодно ли... Красота! — И, заметив, что ящик не распакован, прикрикнул: — Опроставьте ящик-то, дураки!

Под досками, укутанная соломой, стояла невысокая мраморная женщина с печальным, величественно-красивым лицом. Точеные, почти прозрачные руки бережно обнимали спящего младенца... Франц ахнул:

— До чего же прелестна!..

Обошел вокруг, деланно-равнодушно спросил:

— Куда же ее?

— В день твоего рождения, в Ганау еще, подарил мне ее плут ростовщик... А скульптор, по всему видать, изрядный, — слабо улыбнулся Людвиг. — Ты прочти — там на постаменте надпись есть.

Франц взял с письменного стола свечу, напрягая глаза, прочел:

— Микеланджело, скульптор... 1496 год.

— Вот, вот тот самый, — прохрипел старик. — Ты, Франц, запомни: моя, последняя воля, чтобы эта богиня над алтарем в часовне нашего фамильного склепа была. Так я и в завещании велел записать. Хочу предварить: воля покойника священна... Нарушишь из корысти — с того света приду...

Едва подавив вспыхнувшую злобу, — совсем спятил фатер: такую красоту — на кладбище! — Франц заискивающе улыбнулся:

— Все исполню...

*

Громов отодвинул книгу. «Так... Значит Мадонна принадлежала Келлерам. Это можно считать доказанным. И можно считать вероятным, что автор Мадонны — Микельанджело Буонарроти, и, значит, статуя — громадная художественная ценность...»

Теперь — фамильный рубль с надписью императора Николая Первого... Монета была в руке убитого. Интересно, подтвердится ли историческая связь этой монеты с именем графа Келлера?

Разбросав стопку, вытащил маленькую книжечку в старинном переплете «мраморной» бумаги. «Из истории монетного дела». Посмотрим...

*

Франц Келлер не забыл советов отца. Уже через несколько лет после его смерти он получил должность товарища министра финансов. В свете изумлялись успехам проныры немца, а престарелый граф Амурьев, предшественник Келлера, вышедший в отставку, горько заметил:

— Тем и хорош, окаянец, что не Иван, а Франц... Да и где уж нам, нерасторопным боярам, поспеть... В Лайбахе при государе терся? Терся. В Вене воровал? Воровал. Вот за то и пожалован...

А «пожалованный» не терял времени даром: строчил «всеподданнейшие доклады», хватал регалии. Казалось, было теперь все — богатство, власть, почет, но...

Это маленькое «но» отравляло все. Бывать во дворце только по делу! Только когда призовет государь для доклада! И это с его, Франца, умением быть нужным, незаменимым! И это когда всякие Юсуповы и Загряжские лезут во дворец в любое время. И только потому, что у них придворные чины, дворянские титулы...

«Мелочь, умело преподнесенная, дает человеку богатство и власть», — часто повторял Келлер слова отца. И однажды осенью «мелочь» была найдена...

Утром 18 сентября 183... года из Мюнхена в особняк Келлера на Мойке прибыл курьер от российского посланника князя Гагарина. В обмен на русские серебряные монеты князь прислал несколько талеров с изображением семьи баварского короля.

Келлер долго рассматривал монеты, задумчиво пересыпая их из ладони в ладонь, потом торопливо поднялся в кабинет.

«Николай Павлович тщеславен и изрядно глуп, чего уж лицемерить, — думал он, обрезая перо, — если придется по нраву — будет все — и титул и земли...»

Рука дрожала, и перья все время брызгали, наконец, кое-как успокоившись, Келлер вывел:

«Управляющему Департаментом Горных и Соляных дел Генерал-Лейтенанту корпуса горных инженеров Карнееву. Ваше превосходительство, Милостивый Государь Егор Васильевич! Согласно приложенному талеру прошу весьма секретно изготовить штемпель полуторарублевой монеты с изображением Государя и Августейшей семьи...»

*

Прошло несколько месяцев — и вот морозным зимним утром в день тезоименитства Николая Павловича у Зимнего дворца со стороны Дворцовой площади остановился возок.

Подобрав полы длинной светло-серой шинели, из возка вышел

Франц Келлер и, перекрестившись, зашагал к скромному подъезду, охраняемому двумя дворцовыми гренадерами в высоких мохнатых шапках.

...То ли от холода, то ли от страха, но Келлера все время была мелкая дрожь. Сегодня он впервые осмелился нарушить этикет: решил войти во дворец не через Крещенский подъезд, со стороны Невы, предназначенный для всех, а через этот, малый — подъезд «ее величества», открытый только для особ титулованных и приближенных...

— По именному повелению! — выкрикнул он загородившим было дорогу гренадерам и, раздвинув скрещенные штыки, вошел в зал.

Небрежно швырнул шинель раззолоченному камер-лакею, оправил мундир и, достав из-за пазухи полированную коробку черного дерева, заботливо вытер крышку рукавом.

— Ну, с богом, — шепнул он своему отражению в крышке коробки и, поскрипывая новенькими ботфортами, затрусил по широкой мраморной лестнице.

Николай Павлович сидел в своем кабинете.

Настроение было испорчено с утра бог весть как попавшей на глаза бумагой из Петропавловской крепости. Какой-то проходимец исчертил стены каземата похабными словами и проклятьями ему, Николаю, и притом еще имел наглость повеситься!

Царь швырнул рапорт коменданта на пол и, наступив на него ногами, топтал, стараясь порвать. Это было трудно, и Николай Павлович пришел в ярость. Подскочил к стойке с саблями и, схватив одну, замахнулся...

— Его превосходительство генерал-лейтенант Келлер, — испуганно доложил вошедший флигель-адъютант.

— Ково? — выкатил глаза император. — Ково докладываешь? Келлера? Впрочем... Нужен. Пусть войдет, — швырнул саблю на кровать и, сев в кресло, закинул ногу на ногу.

— Входи, Франц Людвигович, входи, — жалостливо протянул он, увидев Келлера. — Праздник у меня нынче, а одни заботы да горести... Чем порадуешь?

— Ваше величество, — согнулся в поклоне Келлер, — в день столь торжественный и радостный для всех истинно русских...

— Твоя правда, братец, — вздохнув, перебил Николай, — у нас в России любой немец более русский, нежели самый коренной русак. Хотя бы и ты тоже...

— За истинно русских почитаю каждого, кто к вящей славе государя своего готов сложить голову на алтарь отечества... К таковым скромно и себя отношу, — выгнув грудь и щелкнул каблучками Келлер.

Николай с любопытством смотрел на коробку.

— Сюрприз?

— Извольте открыть, государь... — радостно закивал Келлер.

Царапая ногтями лак, царь открыл крышку. На черном бархате тускло блеснули тридцать шесть серебряных дисков¹.

— О, моя персона! Похож... Медали новые? — вскинул брови Николай.

¹ В основе описываемых событий лежит исторический факт: 6 декабря 1835 года министр финансов Е. Ф. Канкрин преподнес 36 «фамильных» рублей императору Николаю I.

— Фамильный рубль, ваше величество. Вы и августейшая семья... — поклонился Келлер.

Николай вытянул губы трубочкой, улыбнулся...

— Интересно...

Достал монету, перевернул.

На полированной поверхности монеты — семь кружочков, а в них — изображение сыновей и дочерей в профиль. В центральном восьмом кружке — профиль жены Александры Федоровны.

Николай минуту подумал, потом сказал:

— Молодец. Печешься о благе государства. Не забуду...

Чувствуя, как от радости заходится сердце, Келлер простонал:

— Государь... Майн кениг... Повергаю к священным стопам...

— Только вот что, братец, — Николай отодвинул монету и прищурился, — жена-то похожа на покойную матушку... Ты уж исправь, сударь, да и резчика примерно накажи. А за усердие вот...

Миниатюрным кинжалом нацарапал на рубле: «Николай», протянул Келлеру.

— На память. Тебе. Возьми.

— Недостойн... — припал Келлер к руке царя, — недостойн... Внукам, детям навечно...

— Иди, братец, — милостиво улыбнулся Николай, — иди. Мы не оставим тебя...

На Миллионной возок Келлера нагнал взмокший фельдъегерь.

— От его императорского величества! — крикнул он, протягивая большой пакет.

Келлер сломал печати. Внутри пакета лежали золотые аксельбанты, чеканная цепь из двуглавых орлов с косым крестом внизу и записка — «высочайший» рескрипт: «...Поздравляю генерал-адъютантом и кавалером ордена Апостола Андрея, — прочел Келлер. — Пребываю дружески Вам расположенный Николай».

Царь любил сюрпризы...

Вот так и стал немецкий дворянчик сначала генерал-адъютантом и кавалером, а вскоре — русским графом, владельцем тридцати тысяч десятин земли, бессарабским помещиком...

«Мелочь», завещанная отцом, принесла обильные плоды.

*

Громов распахнул окно своего рабочего кабинета. Сквозь утренний туман неясно проступала громада Зимнего, а верхушку Александровской колонны поглотило мокрое, мутное небо.

Громов вдруг представил себе скользящего по корявым булыжникам дворцового плаца Келлера. Хитрая улыбка, холодные жестокие глаза... Вот он миновал ограду колонны, вот направился к подъезду дворца.

И вдруг Келлер исчез... Подъезд загородил громадный плакат: «Слава первым космонавтам!» На Громова, улыбаясь, смотрели Гагарин и Титов. Контраст был таким разительным, что Громов рассмеялся. «Ты хотел, чтобы Россия осталась плацем. Навсегда. А она стала космодромом...»

Громов отчетливо помнил события вчерашнего дня. Покосившиеся кресты и мраморные надгробья... Смоленское кладбище... Старик, кладбищенский сторож, лежал, словно устремившись в последнем, смертном порыве к входу в часовню.

Громов наклонился, с трудом разжал судорожно сжатый кулак. Всмотрелся: на заскорузлой ладони лежала крупная потемневшая монета. И пока эксперты фотографировали, а проводник служебно-розыскной собаки искал продолжение следов, обнаруженных около трупа, Громов осматривал сторожку.

Убогое жилище... У его хозяина не было ни желаний, ни цели. Наверное, он жил просто так, по инерции. Утром ел гречневую кашу из разбитой фаянсовой миски, в обед в эту же миску накладывал вот из этой трехлитровой банки соленые грибы. Потом, перед сном, раскладывал пасьянс. Он не любил электрического света — сколько тут оплывших огарков...

Все это так. Но как может помочь следователю старая разбитая койка, скрипящий залитый маслом стол, засаленные древние обои и рваная записная книжка с цифрами расходов — вещи, на которых так много следов хозяина и ни одного — преступника.

Впрочем, что-то похожее на след отыскала овчарка. Пришел проводник, протянул грязный лоскут и порванную газету.

— Тряпка висела с внутренней стороны ограды. Видимо, от какой-то одежды. Возможно — преступника, Рекс привел. А с газетой сами разбирайтесь.

Газета... Обычный номер «Известий». Репортаж с атомохода, рассказ известного писателя, короткая корреспонденция под рубрикой «В мире капитала». Ни пятен, ни адреса — ничего... Одни только иксы.

Мадонна исчезла — первый икс. Сторож Прохор убит — второй. Семейный рубль — третий. И вот четвертый...

Громов открыл страницу книги, заложенную карандашом. Портрет графа Франца Келлера... Крючковатый нос, надменно оттопыренная нижняя губа, а взгляд умный...

Тогда в сторожке, в маленькой спаленке, над койкой Прохора, он увидел точно такой же портрет в старинной золоченой рамке. На обороте мелким красивым почерком было написано: «От внука — внуку. Служи, как дед служил деду».

Четвертый икс — Франц Келлер и его потомки, — который было превратился в единицу, в какое-то известное, снова распался, и теперь уже на несколько иксов. Кто эти внуки, кто деды?

Почему убит сторож? Этот, казалось бы, безобидный, дряхлый старик. Из-за Мадонны? Вероятно. Он хотел помешать краже, и его убили. Об этом говорит все: и поза трупа, и то, что он найден около часовни, и то, что распиленные болтов на пьедестале статуи совершенно свежие. Да, но при чем здесь семейный рубль? Как объединить в одно целое убийство Прохора, Мадонну и рубль?

И почему портрет Франца Келлера, человека, придумавшего семейный рубль, владельца Мадонны, оказался над кроватью убитого? Келлеры... Может, это только совпадение...

Громов провел ладонями по вдруг вспыхнувшему лицу.

— Нужно накапливать факты.

«Общество коллекционеров» помещалось на первом этаже нового, только что отстроенного дома. Вместо вывески у входа висел громадный плакат: «Коллекционирование — это не личное чудачество. Это культура!»

Чуть ниже был нарисован Гобсек, прячущий за пазуху мешочек с монетами. И красной тушью — стихи:

Такой собиратель монет
Несет нумизматике вред!
И чтобы таким не быть,
В общество надо вступить!

Миновав группу людей, оживленно обсуждавших в коридоре качество открыток с цветами и менявшихся марками, Громов вошел в комнату, сплошь уставленную канцелярскими столами. Всюду, о чем-то переговариваясь, сидели и стояли люди.

— Простите, — сказал Громов. — Могу я видеть нумизматов?

Все замолчали, с любопытством посмотрели на него.

Крупный широколицый мужчина с бородой убрал со стула пальто, вежливо пригласил:

— Прошу сюда. Мы — нумизматы. А что у вас, редкость какая-нибудь?

— Право, не знаю, — улыбнулся Громов, — я из уголовного розыска. Есть один вопрос. Меня интересует фамильный рубль.

В глазах нумизмата мелькнуло радостное изумление.

— Благодарю вас, мой друг! Вы доставили мне большую радость. Только мы, настоящие знатоки, можем помочь вам. Но, простите, сначала я должен посоветоваться с Георгием Михайловичем.

— Отлично, — сказал Громов, — надеюсь, я тоже смогу послушать?

— Кого? Ах...

Нумизмат ожесточенно дернул бороду и захохотал.

— Да он умер давно. Это же автор популярнейшего труда по нумизматике. К стати, великий князь. Забавно?

Он подошел к шкафу с книгами и достал несколько томов.

— Мы его между собой так называем.

Открыл одну из книг и, удовлетворенно кивнув, сказал:

— Начнем с золотого фамильного рубля. Уникум. Исчез. Далее — николаевский серебряный рубль с головками великих князей и княгинь в круглых рамках и надписью: «РП Уткин». Это значит: резал Павел Уткин, медальер Петербургского монетного двора. Таких рублей у нас в городе четыре штуки.

— Вот здорово! — вырвалось у Громова.

— Это что же, простите, здорово? — нахмурился нумизмат. — Не хотите ли вы сказать, что столь мизерное количество уникальных монет приводит вас в восторженное состояние?

— Понимаете, приводит... — смутился Громов.

— В таком случае вы — эгоист, батенька, — окончательно рассердился нумизмат, — и, право, у меня отпало всякое желание рассказывать вам дальше. Нумизматика не терпит эгоистов! Это только профану может показаться, что ею одержимы одни эгоисты и стяжатели. Она коллективна в своей основе! Знаете, кто является участниками нашей секции?

— Не задумывался, — развел руками Громов.

— У нас около трехсот членов. Это врачи, инженеры, рабочие. Вот как вы думаете, кто я?

— Вы? — Громов внимательно посмотрел на бороду, на безукоризненную рубашку, скромный галстук и сказал:

— Ну, по всей вероятности, вы принадлежите к миру науки?

— Правильно, — обрадовался нумизмат, — я представитель очень необходимой и очень интересной науки. Науки о вкусной и здоровой пище. Я — шеф-повар. Да, да, да! Самый обыкновенный шеф-повар в самой обыкновенной столовой! И смею вас уверить — в русских монетах, а стало быть в русской истории, я разбираюсь не хуже, чем аспирант исторического факультета. И по русскому монетному делу я лекции читаю. Этим самым аспирантам. Так что вы, батенька, кругом не правы.

— Да вы не сердитесь, — примирительно сказал Громов, — я же со своей, следственной, что ли, колокольни.

— Ну разве что так, — проворчал нумизмат, — задавайте ваши вопросы.

— Кто владельцы эти четырех рублей? — нетерпеливо спросил Громов.

— А вот этот вопрос очень легкий, — сказал нумизмат, — давайте загибать пальцы. Итак, Селиванов из Ленинского района, строитель, Герой Социалистического Труда. Семенов, академик. Локотов, полковник в отставке, кстати ваш бывший коллега. И представьте себе, некто Редькин. Мой бывший знакомый, бывший член нашей секции. А ныне пропойца и спекулянт. Я ему тут на днях позвонил: «Продай, — говорю, — рубль». Так он, представьте себе, врать мне начал.

— Врать? — удивился Громов.

— Врать! Самым форменным образом. «Потерял, — говорит. — Сам, — говорит, — куплю». А для чего врать, я вас спрашиваю? «Неужели след?» — пронеслось в голове Громова.

Открыл папку, достал фамильный рубль.

— Такой?

Сердито засопев, бородач выхватил монету.

— Н-не верю своим глазам! Одну ми-ну-точку!..

Подбежал к шкафу, выдернул подшивку каких-то журналов.

— Вот, это здесь. Слушайте. «Нива». «На днях подписчик нашего журнала Н-ов побывал у известнейшего нумизмата Шувалова-Пименова и нашел его в значительном расстройстве. Почтенному коллекционеру, как выяснил наш подписчик, не удалось приобрести фамильный рубль с автографом императора Николая Павловича, находящийся в личной коллекции графа Келлера. Этот рубль подарен еще товарищу министра финансов Францу Людвиговичу Келлеру самим императором». Заметка датирована 1915 годом.

— Так, — сказал Громов. — Значит, в то время рубль еще был у Келлеров. Значит, все-таки Келлер.

— Что же тут такого? — пожал плечами нумизмат. — Гораздо удивительнее, как этот рубль у вас очутился.

*

Обогнув Исаакий, Громов подошел к памятнику Николаю I. Подражая великому предку, император горячил коня, словно

хотел перепрыгнуть через собор. Но, несмотря на красивую сбрую лошади и развевающийся султан на каске, казался он каким-то жидковатым против могучего Медного всадника, что скакал всего в каких-то трехстах метрах впереди...

— Ну вот, мы и тут с тобой встретились, — сказал Громов. — Молчишь? Ну молчи, молчи... Все равно узнаю. Никуда ты от меня не укачешься.

Запутавшись в конском уборе, жалобно засвистел ветер. Николай остекленелым взглядом впился в рваные облака, почти цепляющиеся за купол собора.

Кто-то подошел сзади, хрипло сказал:

— Интересуетесь? Дурак скачет — умного догнать хочет, а не может. Прикурить не найдется?

Громов оглянулся. Коренастый человек с изъеденным оспой лицом; бежевый, надвинутый на глаза берет с непомерно длинным хвостиком...

— Найдется, — протянул коробок и ушел.

Странно иной раз бывает в жизни. Шагает следователь своей нелегкой дорогой, долгими часами утомительных допросов, тяжелыми перевалами бессонных ночей измеряется его путь. Конца-краю, казалось бы, не видно дороге, которая должна привести к раскрытию преступления. И вдруг по воле случая она сокращается до сантиметров... Но следователь не знает этого. Пока не знает. И нужный человек теряется среди тысяч других...

Много позже Громов вспомнит эту встречу у памятника императору Николаю и горько усмехнется: да, дорога могла быть короче...

*

Тяжело задумавшись, Громов смотрел на раскрытое дело.

...Появился Редькин — пропойца и спекулянт. Прояснилась история фамильного рубля. У Редькина был рубль, но без автографа. А рубль с автографом? Таким рублем в городе не владел никто. А может быть, не стоит начинать с рубля?

Достал найденный в сторожке портрет Келлера. «От внука — внуку. Служи, как дед служил деду». Что может скрывать эта надпись? Какие люди стоят за ней?

Если портрет графа Франца Келлера бережно сохранялся убитым сторожем много лет, висел у него над кроватью, логично ли предположить, что этот портрет был подарен сторожу? Логично. Значит, сторож — один из внуков. И значит подаривший ему портрет — второй внук. Ведь «от внука — внуку...».

А изображенный на портрете Франц Келлер, умерший за полвека до рождения сторожа? По всей вероятности, это один из дедов, упомянутых в надписи.

Кто же второй дед? Ведь «Служи, как дед... деду». Может быть, второй — это дед Прохора и лакей Франца Келлера? Потому что кем еще мог «служить» у графа Келлера предок кладбищенского сторожа?

Значит, Прохор потомственный слуга Келлеров. Это очень важный вывод, очень важная деталь. Рано или поздно, она должна помочь разобраться в механизме событий.

Но и это не все. Оба «деда» мертвы. А внуки? Один из них убит. Второй, видимо, ровесник убитого и вполне может быть жив. Но нужно ли иметь его в виду при расследовании? Ведь

ему за семьдесят... Все равно. Нужно. Как и Редькина. Потому что это единственные известные Громову люди, каким-то образом причастные к истории с фамильным рублем и Мадонной...

Но... и снова Громов почувствовал, что находится в тупике. Ведь у убитого был рубль с автографом. А у Редькина такого рубля не было. Ведь убитый охранял сокровище Келлеров. Не мог же он защищать это сокровище от хозяев?

Каждый день Громов приходил на кладбище. Медленно шел по узкой асфальтированной дорожке, напряженно всматривался в каменную ограду склепа Келлеров. А вдруг?.. Но условного знака на ограде не было, и Громов мрачнел. Значит, и «посетителей» тоже не было.

И тогда Громов спрашивал себя:

«А почему ты уверен, что «они» придут?»

И тотчас же отвечал:

«Не знаю. У меня нет таких данных. Но я надеюсь...»

Потом он сворачивал на боковую тропинку, теряющуюся среди заросших могил, и, пройдя несколько шагов, садился на старинную чугунную скамейку. Неподалеку начинался ржавый лес восьмиконечных крестов. Они налезали друг на друга, словно хозяева их, и после смерти старались отвоювать себе лишний кусочек жилья, и Громов подумал: «Им и сейчас тесно, а вот этим... этим просторно, как и при жизни».

Да, склеп был поставлен на века — полированный шведский мрамор и тяжелая гранитная колоннада. Он тоже чувствовал себя хозяином, этот склеп...

Громов усмехнулся: «Здесь ты еще можешь властвовать. В мире мертвых».

Невдалеке послышалось шарканье, и сквозь оголенный кустарник Громов увидел тяжело ступающего человека. У него была сгорбленная спина и устало опущенные плечи. До закрытия кладбища оставалось совсем немного, а старик не спешил. Он даже остановился и несколько минут сосредоточенно набивал трубку. Потом вытащил из кармана пальто свернутую газету и, похлопывая ею себя по ноге, пошел дальше.

«Почему он не спешит? — с интересом подумал Громов. — И к какой могиле он пришел?»

А старик между тем, не взглянув на Громов, миновал скамейку и направился к склепу Келлеров. «Неужели? Да нет, так не бывает. Конечно же, он пройдет мимо».

Но старик подошел к часовне. «Ничего особенного, — снова подумал Громов, — склеп мог заинтересовать. Постоит и уйдет».

Старик не уходил. Откуда-то появился оперативный работник, переодетый маляром, стал красить ограду.

«Условный знак!» — Громов встал и, стараясь ступать как можно тише, пошел к кустам...

Старик изумленно посмотрел на самозванного маляра, спросил:

— Кто велел? Это же камень!

— Из конторы распорядились, — равнодушно буркнул «маляр».

— Как из конторы? Что тут, хозяев нет?

— Говорят, нет.

Старик поманил «маляра» пальцем.

— Послушайте, дружок, вы давно служите на этом кладбище?

— Третий год.

— Тогда не скажете ли, любезный, куда девался сторож, Прохором звать его?

Дальше события разворачивались по намеченному плану. «Маляр» повел старика к «нужному человеку» для каких-то объяснений, по дороге их остановил «невесть как» забредший на кладбище милиционер, а еще через час любопытный посетитель уже сидел в кабинете Громова.

Оба молчали. «Гость» вертел в руках потухшую трубку и рассеянно смотрел в окно.

«Кто ты? — думал Громов. — Будешь говорить правду или будешь юлить, лгать, изворачиваться?» И строго спросил:

— Что вы делали на кладбище?

— Я? — улыбнулся старик. — М-м... Гулял. Случайно зашел.

— И склепом интересовались тоже случайно? — в тон ему спросил Громов.

— Ну почему же? — слегка протестуя сказал старик. — Я этот склеп давно знаю, потому и поинтересовался.

— И про сторожа «случайно» спросили? — словно не слыша, продолжал Громов.

— Я? Про какого сторожа? — во взгляде гостя мелькнула тревога.

— Про убитого, — тихо сказал Громов.

Резко отодвинув стул, старик встал.

— А вы сядьте, — сочувственно сказал Громов. — И расскажите.

Старик опустил голову.

— Да... Да... Это было. Спросил.

— Зачем?

— Не... не знаю. Просто так.

— Вы знали, что сторож убит?

— Нет! Честное слово, нет!

Громов посмотрел ему в глаза. Они были прозрачные, голубые и, право же, очень честные. Громов помолчал, достал бланк протокола допроса, устало сказал:

— Теперь я должен перенести наш разговор на бумагу. Ваша фамилия?

Старик протянул паспорт.

— Келлеров?! — вскрикнул Громов.

— Да...

— Родственник графов?

— Каких... графов?! Нет, нет!

Наверное, Громов не сумел бы объяснить, почему в следующую секунду он открыл ящик стола и, достав найденный в сторожке портрет графа Келлера, показал его старику.

— Знакомы?

Келлеров охнул и медленно сполз со стула.

...Когда врач привел его в чувство, он схватил со стола портрет, всмотрелся и... истерично захохотал:

* — Эполеты... Звезды... Ха-ха-ха... Реникса, сударь мой, какая это все реникса!

Потом он ушел, отказавшись отвечать на вопросы, и Громов не задерживал его, потому что кто же арестовывает за подозрительное любопытство и сходство фамилий, если в этом сходстве еще не разобрался до конца и сам следователь!

И чтобы разобраться, Громов пошел в городской загс. В архиве, среди слежавшихся церковных книг, он отыскал одну, в которой было записано: «Лета от Рождества Христова 1890, июня 22 дня у дворянина Иоганна Егоровича Келлера и супруги его, урожденной Квасецкой Ядвиги Сигизмундовны, родился сын и наречен Алексеем...» Здесь же была подклеена ломкая, пожелтевшая справка, из которой явствовало, что в 1922 году Алексей Келлер стал Алексеем Келлеровым.

Вечером, вернувшись из архива, Громов стал приводить в порядок стол. Убрал дела; около письменного прибора, там, где недавно сидел Келлеров, заметил мятый номер «Известий».

«Разволновался старик и забыл», — подумал Громов и, машинально развернув газету, стал читать. Репортаж с атомохода, рассказ известного писателя, короткая корреспонденция под рубрикой «В мире капитала».

Это был тот же самый номер, что и тогда, на кладбище.

*

Во время обеденного перерыва в кабинете Громова собралось несколько следователей.

— А что, Громов, — сказал один, с погонами старшего лейтенанта, — ты с самбо совсем распрощался? Тренер тебе третий ноль ставит.

— Зачем ему самбо? — засмеялся другой. — С призраками и без самбо обойтись можно.

— Да, призраки... — протянул Громов. — А я сильно опасюсь, ребята, что когда эти призраки материализуются, одним самбо тут не обойдешься. Их знаниями бить придется.

— Да ведь сами-то они не материализуются, — продолжал первый, — а у тебя, я слышал, и в деле сплошные нули.

— Что ты этим хочешь сказать? — рассердился Громов.

— Помощь свою хочю предложить.

— Спасибо, — улыбнулся Громов, — но пока изучать-то нечего. Вот разве книжка записная. Но я ее наизусть помню.

— А ты все-таки покажи. Свежий глаз — большое дело.

Пожав плечами, Громов вытащил из ящика стола потрепанную записную книжку Прохора. Это были нехитрые записи расходов по хозяйству, изречения из евангелия, номера могил, за которыми требовался особый уход.

Офицеры склонились над книжкой. Громов сосредоточенно перелистывал страницы...

«На картошку — 12 коп.

На лук — 8 коп.

На селедку — 16 коп.

На редькина — 10 руб.»

— Ну, убедились, что чепуха? Картошка, лук, селедка, редька... Чепуха!

— А ты подожди, — старший лейтенант снова раскрыл книжку и отчеркнул ногтем последнюю строчку, — ты вдумайся.

— Редькина... десять рублей, — медленно сказал Громов, —

Редькин... Почему не редька? И потом немисливо купить одной редьки на десять рублей. Черт возьми! Это же... фамилия! Ну конечно же! Ребята, Редькин — это один из тех, у кого есть фамильный рубль...

*

Через день Громову сообщили: «Интересующий вас Редькин проживает вдвоем с матерью семидесяти лет и ведет исключительно замкнутый образ жизни. Посещающих не установлено. С соседями не общается. Выяснили, что у матери имеется какой-то знакомый по имени Сергей Сергеевич, из числа бывших товарищей сына по секции нумизматов».

Громов положил сообщение в дело. Как же попасть к Редькину? Прийти просто так? Но старуха его не знает и ничего не расскажет. Может быть, познакомиться с Редькиным? Нет. Это долго и почти безнадежно. И Громов отправился к... Сергею Сергеевичу.

... — Извините, в прошлый раз мы не познакомились, — сказал бородач-нумизмат, — Сергей Сергеевич Остроусов — это некоторым образом я. Чем могу?

— Я прошу вас помочь мне, — сказал Громов, — вы знакомы с матерью Редькина. Она вас ни в чем не станет подозревать...

— Вы хотите, чтобы я на старости лет превратился в земского ярыжку? Нет-с, молодой человек! Что касается интеллектуальной консультации — извольте. А это... Нет, нет. Не моя, так сказать, профессия.

— Поймите, — сказал Громов, — я не могу сам обратиться к матери Редькина и не могу с ней откровенно обо всем говорить. Не имею права рисковать. Дело слишком серьезное.

— Серьезное? — переспросил нумизмат. — Вы, наверное, преувеличиваете. Я догадываюсь: речь идет о краже коллекции монет. Это, конечно, серьезно, но не трагично.

— Речь идет о краже Мадонны Микеланджело. Речь идет об убийстве человека. Я думал, вы будете последовательны и поможете мне до конца. Значит, я ошибся. Что ж... Прощайте!

Повернулся и пошел к двери. Он ждал, что его остановят, вернут, но его не остановили.

...Впервые за несколько месяцев у Громова было прескверное настроение. Раздражало все — и громкие голоса в соседнем кабинете и телефонные звонки. И вдруг Громов понял: ему просто обидно за другого человека... Опять звонок. Незнакомый голос торопливо бормочет:

— Так не забудьте: завтра в пять.

— Что в пять?

— К Редькиной пойдем в пять. И не воображайте, что мне захотелось стать Шерлоком Холмсом. Меня Микеланджело убедил и вообще...

Громов положил трубку на стол и долго с наслаждением вслушивался в пронзительные гудки...

Дом, в котором жил Редькин, был из числа тех, что до революции назывались доходными. У него были грязные обшарпанные стены и несметное множество парадных.

— Вот здесь их квартира, — сказал Сергей Сергеевич. — Что вы хотите узнать у старухи?

— Только одно: с кем общается Редькин?

— Значит, мы договорились, молодой человек, я представлю вас нумизматом. Не сорвитесь — старуха эрудит величайший. У нас с ней на этой почве дружба. Однажды она убираала комнату сына и потеряла какую-то пустяковую монету. И если бы не я... думаю, ей бы плохо пришлось. Идемте.

Минут пять они стучали в обитую листовым железом дверь, но никто не отозвался. Потом внизу послышался чей-то надсадный крик:

— Семен Семеныч! Где ты там? Устал, батюшка мой, притомился...

— Старуха! — шепотом сказал Сергей Сергеевич. — Приготовьтесь! Помните: хитра и в монетах дока!

Через минуту на площадке появился серый пушистый кот, а за ним и мать Редькина.

— Сережа Сергеевич? — удивленно сказала она. — Откуда? Каким добрым ветром?

— Да вот мы тут... С коллегой, — кивнул в сторону Громова нумизмат, — решили на минутку к Эрсту Тимофеевичу забежать. Посоветоваться. Дома ли?

Они знали, что Редькина нет дома. И все же у Громова беспокойно заныло сердце: а вдруг? Ведь тогда все сорвется.

— Где там... — сказала старуха. — С утра глаза залил — и был таков! Да вы проходите, проходите. А что, Сережа, приятель у тебя симпатичный... И лицо не подозрительное, приятное. И нос курносый, свойский. Глянь-ка, даже глаза смеются! А мне Эрка всегда говорит: «Чужих не пускай! Придет такой — смотришь, из милиции. Пропал я тогда...»

Она взяла кота на руки и, звеня ключами, стала искать замочную скважину.

— Сейчас я тебя, Сеня, покормлю, молочка дам... Ах ты, кыса моя!

Старуха щелкнула выключателем, и грязная лампочка осветила захламленный коридор.

— Я — Анастасия Петровна, — добродушно сказала она и посмотрела на Сергея Сергеевича. — А как приятеля зовут?

— Приятеля Иваном зовут, — улыбнулся Громов.

В комнате Редькина было холодно. Громов с опаской сел на краешек продавленного плетеного стула, осмотрелся.

— Что же у вас тут уныло так, Анастасия Петровна? — спросил он и знаком попросил Остроусова поддержать разговор.

— Да, — заметив жест Громова, сказал Сергей Сергеевич, — именно. Неужели же ничего не изменилось?

Старуха всхлинула.

— И не говорите! Сын Эрка, не добром будь помянут, вот так доживать заставил. Удивляетесь? А я нет. Он всегда такой — сквалыжный да безразличный к матери-то... У других дети как дети. Работают, матерей уважают. Квартиры заслуживают. А мой... И ведь не сказать, чтоб балбесом рос. Семь классов кончил. И техникум кончил. Хорошим специалистом до войны был. По газу. А в последние годы левые работы начал брать и спился. Теперь вот в «Утильсырье» тряпки стережет. А все для того, чтоб из города не поперли. За тунеядство. Ну, и чтоб «Волгой» баловаться. Напрокат. Вот такие наши дела.

О чем советовать-то хотели? Монеты небось принесли? Эрка андреевскими двухрублевиками все интересовался. В каком году они биты? Дай бог памяти...

— Да что вы, право, Анастасия Петровна, — развел руками нумизмат, — неужто забыли?

— А ты помолчи. Мне вот Ваня напомнит...

И она, прищурившись, посмотрела на Громова маленькими острыми глазками. Громов молча улыбался. Весь вид его говорил: это же детский вопрос! Он так и сказал:

— Это же детский вопрос.

А про себя подумал: «На какой же странице промелькнули эти проклятые двухрублевика?»

Страниц в книге Винклера было сто семьдесят девять. Громов читал эту книгу в течение двух часов. А сейчас в его распоряжении было две секунды. Хватило одной. Громов сказал:

— Это те, что со смешной надписью: «Все росиски»? В 1722 году. Нет, мы к Эрасту Тимофеевичу за другим пришли. Насчет фамильного рубля поговорить хотели. РПУткин, 1835 год. Говорят, тут Эраст Тимофеевич большой спец!

И снова старуха бросила на Громова изучающий взгляд.

— Про рубль ты у него сам спрашивай. Эрка про него чего-то и слышать не может спокойно. А вообще... — она махнула рукой, шаркая туфлями, прошла по комнате. — Спился твой спец. Испоганился. Лучше не связывайся. Он, мил человек, так от пьянки одурел, что, кажись, в спиритизм вдарился.

— В спиритизм?

— А может, и белая горячка у него началась. Только я думаю — спиритизм. Сама в молодости грешила...

Она закрыла глаза, протянула над столом худые пожелтевшие руки и, шевеля пальцами, забормотала:

— Вызываем дух императора... императора...

— Интересно, — улыбнулся Громов.

Старуха нахмурилась.

— Чего уж интересного, горе одно. Налижутся и, видать, блюдец по столу гоняют. Только и слышишь, как на разные голоса выкрикивают: «Император, великий князь, наследник...» Я, правда, не видела сама, но иначе к чему такие клички?

— У Эраста Тимофеевича, очевидно, много друзей?

— Вот таскаются к нему два сопьяка! И все черным ходом норовят, чтоб меня миновать.

— А такой высокий, в годах, не бывал?

— Как же, есть. Сторож кладбищенский Прохор, почитай, лет пятнадцать в друзьях ходит. Этот смирный.

Когда Громов и Сергей Сергеевич собрались уходить, старуха сказала:

— Как хочешь, Ваня, а я тебя подозреваю. Из-за твоих настырных вопросов. Верить, нет, все мне кажется, что ты из тех, про кого Эрка говорил. Разуверь меня, Ваня.

Громов подумал и сказал:

— Нет, не стану разуверять. И хочу совет дать: о нашем визите сыну не говорите. На этот раз Сергей Сергеевич может и не подоспеть... А за сведения — спасибо!

— Жулик ты! — плаксиво сказала хозяйка комнаты. — И Сережа тоже жулик. Оба вы жулики. И не жалко вам старухи?

— Жалко, — серьезно сказал Громов. — Потому и говорю: молчите. И не огорчайтесь. Мы ведь у вас для святого дела побывали, Анастасия Петровна.

Внизу Сергей Сергеевич спросил:

— Зачем же вы ей открылись?

— А затем открылся, — сказал Громов, — что иначе она бы все Эрсту рассказала. А так, может, будет молчать. Вам — большое спасибо. И до свидания.

Они раскланялись и разошлись.

*

...Едва успев войти в кабинет, Громов достал фамильный рубль. «Головки... Большая — императрицы, на обороте — императора. Император...» Поспешно перевернул монету. «На этой стороне — великие князья, и один из них... наследник! Так... спокойно. Предположим, что «император», «великий князь» и «наследник» — это... клички. Предположим, что принадлежат они самому Редькину и его сообщникам. Если руководствоваться возрастом, «император» — это скорее всего Редькин. А «князь» и «наследник»? Может быть, это «сопляки», о которых говорила мать Редькина? Очень может быть... Итак, три человека... Следов около трупа тоже было три пары...

Громов открыл шкаф, достал несколько гипсовых слепков.

Да, каждая профессия по-своему замечательна... А вот профессия следователя порой объединяет многие специальности. Несколько дней назад, расследуя дело об отравлении, он был врачом и фармацевтом. Сегодня, идя по следам убийц сторожа, стал историком немного и чуть-чуть коллекционером.

Странная коллекция. Пожалуй, трудно отыскать вторую такую. Слепки со следов — молчаливые слепки, которые должны заговорить. Но пока они молчали.

*

Утреннее совещание было бурным. Волнение началось с того самого момента, когда начальник отдела предложил обсудить первые итоги по делу об убийстве сторожа.

— А итогов-то нет, — заметил кто-то с задних рядов. — Историей Громов занимается.

Поднялся шум.

— Прав Громов, — возразил старший лейтенант из контрольного отделения.

— Да бросьте! — повторил тот же голос. — Я тоже люблю историю. Но преступника надо в городе искать, а не на кладбищах или в архивах.

— И тем не менее, — сказал начальник, — итоги есть. Громов знает обстановку. Громов хорошо осведомлен о среде, которая вырастила участников этого дела. И, стало быть, — и я в это верю — этих участников найдет. Теперь о реплике насчет кладбища. Скороспелый вывод. А если шутка, то плохая. Поиск преступника начинается с места происшествия. В данном случае — с кладбища. А теперь попросим Громова доложить о самых последних фактах.

— Я получил письмо, — сказал Громов, — разрешите прочесть?

И стал читать.

«Многоуважаемый товарищ Громов!

По поручению секции прошу Вас посетить наше заседание, посвященное редким русским монетам. Не откажите в любезности подготовить краткое сообщение о Вашем открытии. Напоминаю: в нумизматике был известен один фамильный рубль, подписанный императором Николаем Павловичем. Подпись сделана среди портретов императрицы и детей. А на Вашем рубле она расположена около профиля императора. После Вашего доклада собираемся послать сообщение заграничным коллегам. Поздравляю!»

— Так что, — весело сказал Громов, — шел к нумизматам за помощью, а выходит, сам им помог.

— Выходит так... — загадочно протянул начальник. — Только не кажется ли тебе, Иван Сергеевич, что по логике вещей подпись императора могла быть только одна? Я, конечно, могу и ошибаться, но ты все-таки над этим подумай...

...Придя в кабинет после совещания, Громов положил монету на стол, включил лампу. Вот она, эта подпись...

Смотрел, изредка покачивая рубль на ладони. Под лучами света он то вспыхивал слепящим солнечным диском, то вдруг превращался в маленький тусклый кружок.

Казалось, все было на месте. И застывшие профили царского семейства, и инициалы медальера, и едва заметные цифры достоинства, но все же...

Подпись... Почему она так резко выделяется на потемневшем фоне «орла»? А эти серебристые ниточки-завитки, которым уже больше ста лет? Почему они так сверкают?

...Это была самая обыкновенная графическая экспертиза и в то же время довольно редкая. Ведь раздобыть образцы почерка августейшего императора, да еще «в бозе почивающего» уже более ста лет, было не так уж просто.

Но вот на стол эксперта легли пыльные архивные папки с подписями и резолюциями Николая.

...Вытянулись во фронт и замерли буквы. Идеальный наклон, идеальное равнение. Словно это и не буквы вовсе, а солдаты лейб-гвардии на разводе караула, вымуштрованные, битые палками служаки.

Современников этот буквенный парад не удивлял. В век графологии считали, что почерк и характер — понятия зависимые. А Николай Павлович по ночам вскакивал, чтобы хоть минуту постоять на часах, и ружейные приемы делал лучше любого фельдфебеля...

Возвращая монету Громову, эксперт без тени улыбки спросил:

— А что, Николай Первый умер?

— Как?! — опешил Громов.

— Очень просто, — улыбнулся эксперт, — эта подпись нацарапана им восемь-десять дней назад...

*

Значит, у Прохора найдена фальшивка! А как она попала к нему? От кого? От Редькина?

Что ж, возможно. Ведь он нумизмат и приятель Прохора. У него был фамильный рубль, который, по его словам, пропал, и именно после событий на кладбище.

А Келлеров?

До 1922 года он носил фамилию Келлера! Он дальний родственник графов Келлеров и тоже мог иметь фамильный рубль.

А если не Редькин, и не Келлеров? Если кто-то третий?

Постепенно Громов стал выбираться из лабиринта мыслей.

Случайно ли монета оказалась в руке у Прохора? Конечно же, нет! Нелепо предполагать, что Прохор, разгуливая ночью по кладбищу, без всякой нужды держал в руке уникальный рубль. Значит, у него была цель. Какая?

Возможно, он готовился кому-то передать монету или только что получил ее.

Но для того чтобы просто передать монету, незачем идти на кладбище, да еще в полночь. А может быть, монета служила... условным знаком? Паролем? Но каким? Для чего? И кому должен был передать Прохор этот пароль? И что должно было произойти потом? Да... Неясно. Очень неясно.

А если... наоборот? Если Прохор получил монету-пароль? Тогда события на кладбище получают вполне логичное объяснение. В самом деле: приняв рубль из рук неизвестного, Прохор не должен был препятствовать краже. И он принял его, а дальше... Дальше случилось что-то непредвиденное, и за это «что-то» Прохор поплатился жизнью. Может быть, он обнаружил подделку?

*

Были минуты, когда Громову казалось, что фамильный рубль — это маленький злобный фетиш. Он командует людьми, диктует им свою волю, объединяет их в какую-то странную секту... И члены этой секты словно сошли с рубля и ожили, превратившись в Редькина и его компанию.

Их нужно было брать, а Громов колебался. Ведь он пока не располагал неопровержимыми, бьющими наповал фактами. А главное, он еще не знал до конца этих людей. Ну, с Редькиным, пожалуй, все было более или менее ясно, а «великий князь» и «наследник»? Кто они? Может быть, кого-то из них еще можно спасти от тюрьмы? Или от новых преступлений хотя бы? И поэтому Громов медлил. И поэтому старался узнать о своих «подопечных» абсолютно все.

*

Было одно на первый взгляд весьма незначительное обстоятельство, которое не давало Громову покоя.

Келлеров скрыл свою прежнюю фамилию. Келлеров не сказал, что является родственником графов Келлеров. Почему?

Все чаще и чаще вспоминал Громов, как Келлеров, увидев портрет своего предка, упал в обморок, а потом, придя в себя, расхохотался и несколько раз повторил: «Эполеты, звезды... какая чепуха!» Почему?

Эти два «почему» и были той основой, на которой Громов решил построить допрос Келлерова.

«В самом деле, — рассуждал Громов, — если родственнику графов Келлеров задают вопрос: родственник ли он графов Келлеров? — в порядке вещей ответить: «Да», — но это при условии, что с ними тебя не связывает нечто предосудительное, может быть даже преступное. Келлеров ответил: «Нет»...

А с портретом графа Франца Келлера? Видимо, он принял Франца за кого-то другого и испугался, что этот «другой» стал известен следователю!.. А когда заметил давно канувшую в Лету форму, понял, кто изображен на портрете. Поэтому-то и успокоился, перестал отвечать на вопросы, догадавшись, что у следователя нет средств для его разоблачения.

Значит, сокрытие родственных связей и ошибка Келлерова между собой связаны. Каким образом?

Исключено, чтобы Келлеров скрывал связи... XIX века. Разве только этот XIX век очень тесно переплетен с сегодняшним днем. Об этом говорит и ошибка с портретом. Значит...

Значит, человек, которого Келлеров знал сегодня, похож на Франца Келлера!

Значит, с этим человеком Келлеров встречался! Видимо, они родственники, но и, помимо этого, их что-то связывает...

Что же? И Громову показалось, что он понял. Их объединяло Смоленское кладбище.

Но оставались еще газеты. Две одинаковые газеты.

Для чего взял с собой на кладбище Келлеров этот старый июньский номер «Известий»? И как оказался точно такой же номер около трупа Прохора?

Видимо, что-то в газете касалось... Прохора? Что же? Громов развернул номер, найденный на кладбище, и стал читать. Он читал все подряд, оценивая каждую строчку, каждую фразу! Прочел передовую, прочел сообщения с заводов и фабрик, прочел рассказ... Вот короткая корреспонденция под рубрикой «В мире капитала». «...Несколько месяцев тому назад с двадцать восьмого этажа гостиницы «Флора» выбросился мойщик окон. Полиция установила, что этот человек долгое время безуспешно искал работу. Наконец ему удалось устроиться в гостиницу «Флора». Но то была работа всего лишь на неделю. В последний день «счастливой» недели неизвестный покончил с собой. Личность погибшего осталась невыясненной. Этот характерный для сегодняшнего Запада случай не привлек бы ничего внимания, если бы современные пинкертонеры не обнаружили на левой руке самоубийцы странную надпись, сделанную русскими буквами: «Этишкет». Это дало повод для съемок целого фильма о «русском агенте»... Комментарии, как говорится, излишни».

Прочитана вся газета — ничего...

Взял другую, забытую Келлеровым. Снова стал читать. Теперь с конца. И опять каждую строчку, не пропуская ни одного слова, ни одной запятой. Все было так же, только слово «Этишкет» было аккуратно подчеркнуто ногтем. Едва заметно...

Может быть, этот «Этишкет» имел отношение к Прохору?

...Келлеров доброжелательно улыбался.

— Чем обязан этому вызову?

Громов уже знал, что Келлеров не выносит неожиданностей. Может быть, это было немного жестоко, но сейчас шла война за справедливость, а война не бывает приторно-гуманной. И Громов спокойно сказал:

— Позвольте мне напомнить один эпизод из вашей жизни.

Келлеров поудобнее уселся в кресле.

— Нуте-с, очень любопытно... Может быть, вам удалось открыть страшную тайну из моего прошлого? Что я, бывший бухгалтер, а ныне пенсионер, и развожу в аквариуме рыбок?

— Однажды случилось так, — спокойно начал Громов, — что вы повстречали некоего человека. Этот человек, как и вы до 1922 года, носил фамилию Келлера.

— Ну и что? — холодно спросил Келлеров.

— Этот Келлеров, — бесстрастно продолжал Громов, — как две капли воды похож на вашего предка — товарища министра финансов Франца Келлера — первоначального владельца Мадонны. А ваша беседа имела отношение к Смоленскому кладбищу... Вам плохо?

— Да, — прохрипел Келлеров, — но воды не нужно... Дайте мне собраться с мыслями.

— Я что-нибудь неточно изложил? — спросил Громов.

— Ах, оставьте! К чему играть в наивность... Когда Николая выходил из подъезда, я в окно смотрел. У остановки стоял человек в зеленом пальто. Это были вы. Что, квиты?

— Квиты, — сказал Громов и подумал: «Пусть считает, что я следил... Не объяснять же, что это элементарная логика и что неделю назад я и не подозревал о существовании «Николая».

...Громов едва успевал записывать. Торопясь высказаться, Келлеров говорил возбужденно и быстро.

— Он пришел ко мне и сказал: «Не удивляйтесь, я ваш родственник». — «Родственник?!» — спросил я его. — «Вы шутите!» — «Нет, Алексей Иванович, — ответил он, — нет. Я ваш племянник. Позвольте представиться — Николай Келлер». Он сказал, что приехал по разным делам. Но это еще не все. Есть одно загадочное обстоятельство. Николая попросил достать для него гипс. Меня удивило количество — два мешка.

— Вы достали?

— Да, как мы и договорились, — привез домой и положил в ванную. Николая сказал, что он немного скульптор и на досуге будет заходить ко мне — хочет сделать несколько отливок.

Три дня я был в отъезде. Жены моей тоже в городе не было. И слава богу — иначе был бы грандиозный скандал. Жена, скажу вам по секрету, терпеть не может моих заграничных родственников. Говорит, место им на Смоленском кладбище. Ну вот, а Николая больше не появлялся. И что еще более странно — скульптуры я дома не нашел, а гипс исчез!

— Откуда приехал Николай Келлер?

— Я знаю только одно: в 1917 году он эмигрировал вместе с отцом. Побывал в разных странах. Был за океаном. Больше я его не видел. Где он теперь — не знаю.

— И еще один вопрос, — сказал Громов. — Меня интересует — зачем вы принесли с собой газету? На кладбище.

— А... почему вас это заинтересовало?

— Объясню, — сказал Громов. — На второй странице есть сообщение о гибели «Этишкета». Кроме того, такая же газета, как у вас, была найдена у трупа Прохора. Вывод: «Этишкет» имеет отношение к Прохору.

— Да, имеет, — сказал Келлеров. — Это его сын.

{Окончание следует}

Луган к Луцку
С ОПАСНОСТЬЮ

СПАСИБО, САПЕРЫ!

Зазвонил телефон. Дежурный по части снял трубку. Раздался встревоженный голос:

— Товарищи военные! Может случиться беда... Выручайте! У нас в поселке Тихминево на угольной шахте близ карьера обнаружены боеприпасы... Да, да, бомбы!

...Через некоторое время группа солдат во главе с офицером Ражевым прибыла на место.

В разрыхленной бульдозером земле «нежилось» несколько взрывателей от авиационных бомб.

— Вряд ли японцы оставили только это. Надо искать склад, — сказал Ражев.

Саперы действовали миноискателями. Острыми металлическими наконечниками на палках — щупами — они исследовали каждый квадратный метр земли.

Первым границы предполагаемого склада с боеприпасами определил ефрейтор — комсомолец Ионас Кулионис. Он доложил об этом офицеру.

Вскоре саперы под слоем земли обнаружили металлическую банку. Внутри нее была сетка, а в сетке торпорщились взрыватели!

Рискуя жизнью, воины осторожно выкапывали их и очищали.

Но вот у кого-то из саперов деревянный нож задел провод.

— Отставить ножи! Разгрести землю руками! — приказал офицер.

Вскоре Кулионис нащупал пальцами еще один провод, а под ним что-то твердое и округлое.

— Авиабомба! — доложил ефрейтор лейтенанту.

— Осторожно!

— Вторая, товарищ лейтенант!

Ражев приказал подорвать бомбы в специальном котловане. Вот уже все подготовлено к подрыву бомб.

— Надеть противогазы! — приказал Ражев.

Предосторожность офицера была кстати. Среди напалмовых бомб одна оказалась начиненной отравляющими химическими веществами.

Когда опасная работа была закончена, жители поселка обратились к военным с просьбой: проверить еще водоем, в котором летом купаются дети.

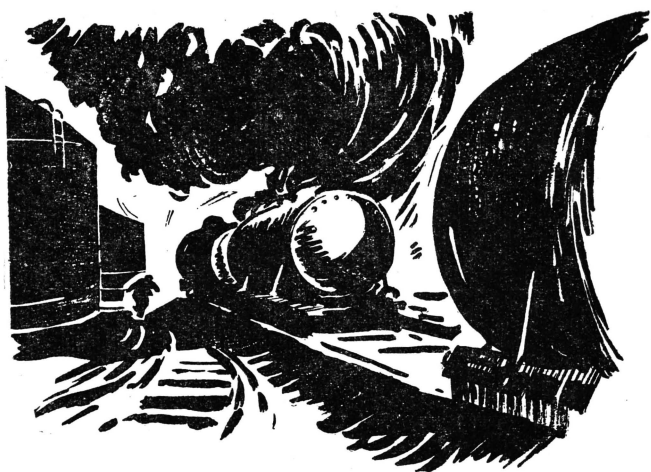
Несмотря на усталость, рядовые Таймурзин и Кокорин опустились в ледяную воду и тщательно обследовали грунт. В водоеме они тоже нашли взрыватели от бомб.

Вернувшись в часть, саперы доложили командиру:

— Поселок может спать спокойно!

В это время опять зазвонил телефон. Дежурный взял трубку и услышал уже радостный голос:

— Передайте, пожалуйста, командиру части, что сахалинские горняки восхищаются самоотверженным подвигом воинов-саперов и от души благодарят их!

ОГНЕННЫЙ ПОЕЗД

Рабочие только вышли из проходной. И вдруг — сирена! Над тупиком, где стоял эшелон с цистернами нефти, вихрился черный смерч. В клубах дыма металась огненные языки.

Пожар!

На какое-то мгновение рабочие замерли. Пожар на нефтеперерабатывающем заводе, где на каждом шагу цистерны с бензином, грозил большим несчастьем.

— Стоим-то чего? — крикнул Филипп Гришаев и бросился к тупику. За ним — Иван Заброда, Михаил Ивин, Александр Погребняк. На путях под парами — паровоз.

Гришаев действовал молниеносно.

— Я подведу паровоз к составу, а вы прицепите.

Товарищи поняли замысел Гришаева.

Но не так-то просто было подойти к полыхавшему эшелону. Горящую нефть разбрызгивало, по земле растекались огненные ручейки. Дышать было нечем. Но комсомольцы кинулись в огонь. Обжигая руки, сбивая пламя с одежды, они прицепили состав к паровозу — и вот состав тронулся.

Через несколько минут горящий эшелон с цистернами нефти был далеко от завода.

Когда говорят о подвиге, то чаще всего имеют в виду сильный мгновенный порыв. Но есть подвиги, длящиеся неделями. И каждый день требует от людей высокого мужества, упорства, презрения к опасности.

...Вершины деревьев утопают в больших белых шапках. По горной трассе, по головокружительным склонам, и за снежным перевалом идут автомашины. Они везут срочные грузы в далекий рудник Таежный, раскинувшийся в центральной части Сихотэ-Алиня. Три недели пути.

В горах разразилась снежная буря. Не видать ни зги. И как на грех сломалась рация. Рассчитывать на помощь не приходилось.

Усталые, измученные бессонными ночами шоферы прокладывали коридоры в снегу, распиливали валежины и шаг за шагом пробивались вперед, к далекому руднику.

— Самое главное, — предупреждал водителем механик Анатолий Бондарь, — не допустить поломок машин. Тогда мы прорвемся к Таежному.

За руль «газика-63» сел начальник колонны инженер Борис Сергеевич Новиков.

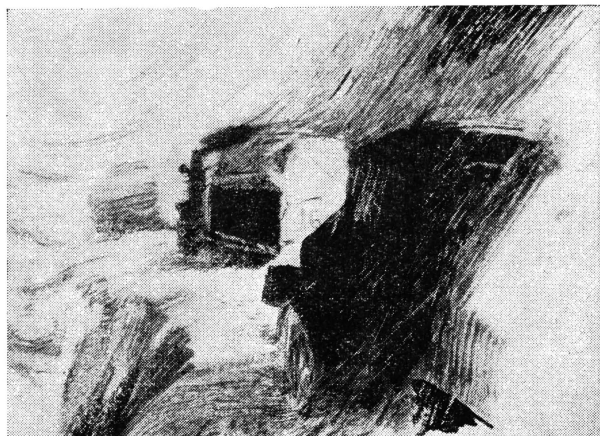
— Я буду взбираться на кручи, а потом лебедкой подтягивать машину за машиной, — сказал он шоферам.

Водители Георгий Соловчук, Владимир Комаров, Федор Шичко, Николай Кияненко, Константин Ковалев и другие поддержали начальника колонны.

...Кончились продукты. Спали в кабинах по двое, по трое.

Семь дней бушевал буря, семь дней отважные автомобилисты штурмовали кручи Сихотэ-Алиня.

И победили.

Р О Б Е Р Т Ш Е К Л И

Рисунки А. Гусева,

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а дальше узкий проход между домами — там стояли выдавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась рука в черном, в ней что-то блеснуло. Рэдер бросился навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно. Проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шумам за дверью. Его лицо с красными от усталости глазами и двухдневной щетиной на щеках то застывало, то вдруг подергивалось от страха, но в нем теперь был характер. — ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Нет, конечно, Рэдер мог еще двигаться, дышать, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер сильно закусил губу. Хочется жить! И должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная важная без окна...

Он выполз в ванную и встал. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если б удалось сделать ее пошире и пролезть в ту квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, побрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, неосмысленными лицами войдут, отряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он и не стал настраивать его. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к размеренному, профессиональному голосу Майка Терри.

«...Ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, положение Джима Рэдера просто ужасно. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона»...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

«Джиму Рэдери еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму

конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался, как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает двери! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, даст сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья! Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?»

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной и душной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

«Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри. — Держись, Джим Рэдер! Держись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты нас слушаешь, Джим Рэдер?»

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

«Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?»

«Ээ... Феликс Бартолемов».

«Спокойнее, мистер Бартолемов. Говорите сразу...»

«Хорошо, так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд авеню. В той самой квартире, где вас заперли, как раз в ней. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть».

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул на бетон двора.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он вылез на подоконник и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

В этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятьем обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как из кармана, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

«А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь. Скорей, пока убийцы еще слепы от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб!»

Уже спокойнее Терри продолжал:

«Вы спасли сегодня жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли вы нашим слушателям, как...»

Больше Рэдер не слышал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу.

Потом, съжившись, чтоб казаться меньше ростом, он шел, спотыкаясь, по 63-й улице. Кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет сурово смотрела на него со ступенек дома.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — средним парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную ее дома. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела, как он ест, словно в зоопарке возле клетки с обезьяной, грызущей земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали смотреть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальни и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением Майка Терри на экране и прислушивался к его сильному голосу.

«Он здесь, друзья, — говорил Терри, — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично закусил за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев так близко к сердцу принимают судьбу Джима Рэдера!»

— Вы лучше поторопитесь, — сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня в квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они, правда, собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

«Да, Джим, — причитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобные, озверевшие, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!»

Рэдер только сейчас заметил, что он разордал руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

«Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!»

— А теперь убирайтесь, — сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — сказал Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Вы дурак, что связались со всем этим.

— Да, мэм.

Рэдер вышел. Он зашагал к Бродвею, сел в поезд под-земки в сторону 59-й, потом в пригородный поезд, направ-лявшийся к 89-й. Там он купил газету и пересел на ман-хассетский экспресс.

Рэдер взглянул на часы. Оставалось еще шесть с поло-виной часов.

В вагоне Рэдер дремал, надвинув на глаза шляпу и спря-тав под газетой забинтованную руку. Интересно, опознали его или еще нет? Избавился ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

Он сонно думал, удастся ли ему избежать смерти. Или он просто одушевленный, думающий труп? (О, какой же, право, медлительной стала эта смерть!)

Он вдруг открыл глаза. Что-то приснилось... что-то не совсем приятное... Снова закрыл глаза и с изумлением припомнил времена, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый ра-ботал у шофера грузовика подручным. Никакими тала-нтами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

Делал это за него маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытаться счастья в телепереда-че, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать таких приятных парней, ничем осо-бенно не выдающихся, для состязаний. Такие всем нравят-ся. Почему б тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизион-ного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, дублике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и про-фессиональной храбростью. Кто будет переживать за та-ких парней? Кто может видеть в них ровно себе? Конеч-но, всем хочется зрелища, но не такого, чтоб это регуляр-но устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок, а возбуждающие телепрограммы зашли в тупик.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— А шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наго-ворили сорок бочек всякого насчет свободной воли, само-определения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот за-кон? Он означает, что и любители, а не только профессио-налы, могут рискнуть жизнью за большую кучу денег. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел,

чтоб тебе законным образом вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставляется такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-Би-Си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они проверили также его происхождение и его связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная полчасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысячу долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-Би-Си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов. «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробыться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться этого, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может всего добиться.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-Би-Си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится жизни, частей тела или рассудка. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда он включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных скатов. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всямку на крутых виражах. Он выкарабкался на третье место, когда шедший впереди «ягуар» врезался в «альфу-ромео», и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофей его исчислялись тысячами долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару керамических горшков. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания каким-то наркотиком. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Рэдери, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, их представителем.

Рэдери удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но вопреки ожиданиям не взорвался и не вспыхнул.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом принять участие в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать, — это заколоть шпайгой черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Квадрилья Рэдери попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пинадоры понастоящему орудовали пиками, желая поубавить пылу

у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не поломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицелься шпагой и коли поверх рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колот, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык швырнул Рэдера рогами через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и стал снова, с закрытыми глазами колоть поверх рогов. И бог, который хранит детей и дураков, видно, песя о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк, рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а поломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-сити, которым он пренебрег. Кроме этого, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично соизнавал, что чуть не заплатил жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если стоило постараться, то ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красоты». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенные решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязания постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими моллюсками, муринами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурина добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это хорошо было видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бес-

ценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал изо рта у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красоты».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили расщепленную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел, взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же чем-то ему не понравился голос шофера.

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья здесь были слишком низкорослые и редкие для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Он продолжал идти, низко надвинув на лоб шляпу. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегитесь!»

Он бросился навзничь в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежежом затормозил. Шофер кричал:

— Вон он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

«Это случилось снова! — заговорил Майк Терри высо-

ким от возбуждения голосом. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен был делать этого, Джим! Ведь твоя жизнь поставлена на карту! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!»

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну, быстро на грузовик! Теперь он попался.

«Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошечку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...»

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула девушка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоявшего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

«Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. — Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Джэнис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и спросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться!»

— О'кей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Джэнис Морроу. — Я вовсе не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-Би-Си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то кое-кто из нас окажется на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Самоубийством пытаетесь покончить? Неужели вы ничему не научились?

— Я делаю все, что могу.

— Да люди Томпсона могли бы вас уже десять раз прихлопнуть. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно, что стрелять в глиняную птичку шестифутовой высоты. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не хотели сказать этого, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда гроши будут ваши. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд нас снова включат в эфир. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него.

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться лесом, вправо. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Где мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена. — она остановила машину. — О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите, — она наклонилась и поцеловала его. — И желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие законы граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он еле-еле уйдет от смерти, когда будет совсем на волосок от нее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него камеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и молитвенно сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Он просто с ума сошел, совершенно не в своем уме был, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он обернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло. — Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или в профсоюзах. Везде подкуп есть.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа...

— Ухлопаем, — сказал Томпсон.

— Из народа, — повторил Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и незащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе. Клод Томпсон! Средние люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам это выбрал и один нес за все ответственность.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, — прошептал Рэдер, — пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — Проклятый дурак, наверно, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да смотрите же, беззваны, вы не видите его, что ли?

Вандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с детьми, игравшими в шашке.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз внутрь церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил: «Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!»

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь запахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше, к заднему ходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов и звездочек, среди мраморных и гранитных надгробных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в каменное надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер уже распрощался с надеждой.

«Стоп, Томпсон!» — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

«Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!»

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

«Он победил, друзья, он победил! — надрылся Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Доброй самаритянка Джэнис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..»

Последовала короткая пауза.

«Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...»

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

«Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов».

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

Перевод с английского **М. ДАНИЛОВА, Б. НОСИКА**

Известный певец Энрико Карузо, купив себе дом, пригласил рабочих ремонтировать его, а сам занял одну комнату, чтобы репетировать арии. Через несколько дней к нему пришел старший каменщик.

— Синьор, вы хотите, чтобы ремонт поскорее окончился?

— Конечно.

— Тогда перестаньте петь. Как только вы начинаете, все бросают работу и слушают вас. И взяться за дело их уже не заставишь...

Позже Карузо говорил, что это был самый приятный и волнующий эпизод в его жизни.

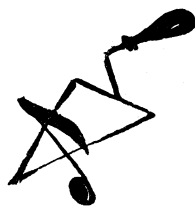

Ганс Христиан Андерсен мало заботился о своей внешности. Однажды на улице какой-то человек ядовито спросил его:

— И эту чепуху у себя на голове вы называете шляпой?

Андерсен хладнокровно ответил:

— А эту чепуху у себя под шляпой вы называете головой?

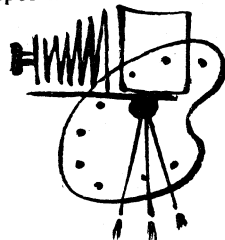

Артуро Тосканини и Пьетро Масканы (автора «Сельской чести») пригласили дирижировать на большом музыкальном фестивале в Милане. Масканы до смешного завидовал славе своего коллеги и поставил условие, чтобы ему выплатили гонорар больше, чем Тосканини. «Хоть на одну лиру, да больше!» — потребовал он.

Условие было принято. И когда дело дошло до выплаты гонораров, Масканы получил... только одну лиру: Тосканини дирижировал бесплатно.

Однажды Илья Ефимович Репин приехал в Париж. В то время все восхищались фотографией. Репин тоже попытался сфотографировать кого-то из знакомых, но не выдержал и выскочил из-под черного сукна, которым прикрывался, навоя аппарат.

— Так и задохнуться недолго! — вскричал великий художник. — И зачем только выдумали этот аппарат, когда и без него можно прекрасно рисовать портреты?

Читатель, конечно, помнит книгу Леонида Борисова «Волшебник из Гель-Гью», книгу о большом писателе Александре Грине. Леонид Борисов написал продолжение ее — новую повесть «Спящая красавица», в которой рисует Грина в обстановке революционного Петрограда.

В основе этой повести лежат реальные события. Правда, нередко автор домысливает их, дает простор своей фантазии, стараясь в то же время быть верным жизненной правде.

Александр Грин — неистовый мечтатель. Мечты его — об алых парусах сбывшихся надежд, о счастье, о людях чистых помыслов — это не стремление спрятаться от жизни в непробиваемую скорлупу иллюзий, а жажда увидеть окружающий писателя мир возвышеннее и совершеннее, освобожденным от «свинцовых мерзостей».

И, верно, именно поэтому в октябрьские дни 1917 года Александр Грин так радостно и взволнованно прислушивался к тяжелому шагу матросов на набережной Невы...

Главы из «Спящей красавицы» печатаются ниже.

ЛЕОНИД БОРИСОВ

БУДНИ ВОЛШЕБНИКА

Рисунки В. Чернецова

Не удивляйтесь же, читатель, что иные главы этой истории будут очень коротки, а другие очень длинные, что иные обнимут собою день, а другие — целые годы, словом, что история моя будет то останавливаться, то лететь... Я заверяю читателей, что мною обращено внимание на их выгоду и удовольствие — я сотворен для них, а не они для меня. Вот почему я нисколько не сомневаюсь, что, сделав их интересы главной пружиной моих творений, я найду в них единодушную поддержку моему достоинству и получу от них в дань все почести, каких только желаю или заслуживаю.

Фильдинг

Шестое декабря — «Никола зимний», царский день, последний царский день в России. Именины верховного главнокомандующего, повелителя всех фронтов, день ангела хозяина всея России Николая Александровича Романова, не знавшего и не понимавшего ни военного дела, ни России.

Его портрет — во весь рост — стоял в круглом зале Народного дома его же имени. Александр Степанович Грин, заплатив гривенник за вход, подошел к портрету царя и, намереваясь обозреть его мельком, на ходу, неожиданно остановился перед ним.

Судьбы царей мало интересовали Грина. Правда, он любил Петра, с любопытством читал о Павле, его забавляли анекдоты о царе-трубаче Александре Третьем, но ни к кому из них он не чувствовал такой ненависти, как вот к этому полковнику с глазами рогоносца и выправкой домовладельца.

Рассматривая портрет русского царя, и чувствуя, и зная, что это портрет последнего царя, Грин сжимал кулаки: слишком долго тянется это царствование, а с ним и все

остальное, зависимое от него. И оно же, это царствование, вкупе со всеми прилагаемыми к нему силами неведомо как и откуда обездоливает и унижает личную судьбу его, Александра Грина, человека и писателя.

— Ужо тебе! — едва ли не вслух произнес он, взгляды ваясь в невыразительные, тусклые черты царя. — А ну, посмотри на своего верноподданного! — уже громко, не смущаясь тем, что его слова могли слышать, сказал Грин. — Я живу в твоё царствование, а что ты знаешь обо мне?

Несколько правее, по другую сторону широкой лестницы, был воздвигнут огромный портрет жены Николая Второго. Грин подошел к нему. Брезгливая улыбка высококордной дамы взбесила Грина.

— Злая мамзель! — Он показал царице язык и погрозил ей кулаком. Хотел было уже уйти, но кто-то, наблюдавший, видимо, за ним, взял его под руку. Грин почувал недоброе.

— Пусти! — сказал он. — Не трогай, слышишь, пусти! Ты кто?

Человек, задержавший его, был молод, привлекателен и, судя по глазам, насмешливо голубым, умен и догадлив. На голове его сидела черная суконная кепка, под стареньким осенним пальто был надет пиджак и под ним синяя русская рубашка с блестящими перламутровыми пуговицами.

— Хочу поговорить с тобою. Пойдем-ка в столовую. Чай любишь? Чаем да сосисками Народный дом на всю Россию славится.

«Может быть, попался, а может, что-нибудь интересное начнется», — подумал Грин.

— Денег у меня на трамвай да на пачку папирос, — заявил Александр Степанович. — Утром было много, да, сам знаешь, маньчжурский спирт кусается.

— Зато храбрости прибавляется, — со смехом сказал незнакомец и попросил называть его Николаем Петровичем.

Грин опустил на железный стул, руки положил на квадратный железный стол.

— Вы кто такой, Николай Петрович?

— Наборщик. И мне тоже скучно, как и тебе. Идти некуда. Завернул сюда. Вижу, стоит человек и разговаривает с Романовыми. Думаю, не миновать ему кутузки. По всем законам военного времени. Человек, вижу, интеллигентный. Что делаешь в жизни, друг?

Грин хотел сказать: писатель, но промолчал, а потом соврал, выдал себя за капитана в отставке. Ежедневно бьют деньжонки, с утра им протираются глазки. Вечером подступает к сердцу тоска. Куда идти? К кому?

— Рассказывай, друг. Пей чай. Ешь пирожки, — предложил Николай Петрович. — У меня трешка в запасе. Хватит на весь вечер.

Грин ощутил великое доверие к новому знакомому. Он налил себе чаю и начал рассказывать:

— Вот живу, пишу иногда...

— Пищешь? — изумился Николай Петрович. — В газете?

— В газете не пишу, — весьма энергично возразил Грин. — Имею в виду письма. Старым друзьям по плаванию. Они мне отвечают. Знакомых много, друга подле меня нет. Один. Один, как лев в зоологическом саду. Нравится? Это у меня выходит. Бывает. Только странно, какая тебе от незнакомого человека польза? Поймал, усадил, слушаешь... Ну, как хочешь. Была у меня сестрица милосердия. Оленька. Нет, ты не перебивай, ты мне наследий на чистом месте. Полюбил я Оленьку, у Оленьки жених. Хорош и молод. Она к нему. А мне без нее, что молитвеннику без закладки. Она пишет, только что ж... Она на фронте. А ее милый ранен, ему ногу отняли. Через месяц собираются сюда приехать. Она, друг мой, из тех русских девушек, которые могут уйти от здорового, но калеку не оставят. Похвально и достойно романа, но мне не легче. Ты мне вопросов не задавай. Я — моряк. Меня в Зурбагане каждая собака знает.

Грин улынулся длительно и трудно.

— Там у меня хранятся драгоценности с острова графа Монте-Кристо, — продолжал Грин свое бестолковое повествование. — Три ведра одних брильянтов, по сорок каратов каждый. Якорная цепь из золота. Шесть сажен длины. Она лежит на дне моря. Я знаю место. Я найду. Я возьму тебя с собою, Николай Петрович... Нет, я не писатель. Ха-ха! Ежели будет революция, она моих богатств от меня не отнимет, шалишь! Она приумножит мои богатства, это она обязана сделать. Ты мне не тычь, что ты рабочий! И я не заводчик, я капитан в отставке. На моем корабле алые паруса, вся команда моя играет на скрипке и арфе. Давай еще чаю. Я двадцать пять лет на исповеди не был, ты мой первый поп, как говорится — первый по возобновлении. Ну что с того, что я мрачен с виду? Кто с виду мрачен, у того сердце доброе. Бойся, Николай Петрович, нежных и сентиментальных, — скорее подлецы и предатели! Вот ты собираешься весь мир перекраивать, это интересно, но с чего ты начнешь, с чего?

— А ты, друг, не кипятись, не кричи, — прервал Грина его собеседник, точнее — слушатель. — Ты же у меня на исповеди. А раз на исповеди, значит надо говорить шепотом.

— Я тебя шепотом и спрашиваю: с чего ты начнешь? — повторил Грин. — Начинай с того, чтобы человек перестал быть одиноким... Да, приду я к тебе, Николай Петрович, спасибо.

Он о чем-то долго думал, глядел, не мигая, в пространство, затем продолжил свой не скучный и не веселый монолог:

— Мне холодно, я весь в снегу, вдали блестит одинокий огонек, там где-то ждет меня женщина в синем звездном платье. Свеча на исходе, ветер сбивает с ног. Не перебивай, так всегда начинается, утром можно зачеркнуть и поправить. А пока пусть будет так, как получилось. Люди ворочаются в постелях, им всем снится, что над белой снежной равниной плывет женщина в синем платье. Она глухо-

немая. Пирожки? Нет, не хочу я пирожков. Ты меня сбил. Я уже ничего не вижу, все спутал, все забыл... Никто не верит, что человек с моей наружностью может сочинять сказки. Я пробовал сделаться красивым. Не выходит. Ненавижу красавчиков, от них пахнет тройным одеколоном и ванилью. Друг мой, Николай Петрович, знакома ли тебе магическая власть и сила запахов? Ага, ты меня понимаешь! Почему я так люблю крепкий чай? В нем запах детства, в нем примечтавшееся мне довольство в будущем. Ты, если суждено тебе стать хозяином больших и важных человеческих дел, прежде всего позаботься о поэтах, сказочниках, о тех, кто делает игрушки, нарядные переплеты для книг. Ты облегчи им долю, дай им все, что им нужно, — это ведь, в сущности, такая малость!.. Ох, ну и чай! Нет, не надо варенья, крепкий чай должен быть без примеси. А теперь говори о себе. Я умею слушать, есть во мне этот дар. Приду, честное слово, приду. В следующее воскресенье после пяти. Есть, капитан! Жди. Каждому хочется свое рассказать. У каждого своя боль, своя мечта. Я тебя провожу до выхода. Сегодня царский день. Особенно богатая программа. На царя взгляни! Ты на эту морду взгляни! Ну какой это царь? Как это не в нем дело? А в ком же? Он есть капитан, у него команда, он плывет... Ладно, молчу. Спасибо за угощение. Меня зовут Александром Степановичем. Моя фамилия Грин. Прощай.

*И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...*

Лермонтов

Уже были написаны и изданы пять книг рассказов, но в них, в этих книгах, отсутствовали те рассказы, которые печатал Грин в приложениях к «Ниве» и в «Синем журнале». Кто бы мог подумать, что он браковал себя нещадно: печатал все им написанное, в книги включал только половину того, что прошло в журналах.

31 декабря шестнадцатого года Грин получил письмо от Оленьки, обрадовался ему необычайно и решил на радостях написать свой пятидесятый рассказ...

«Напишу, — подумал он, — и баста с рассказами, примусь за роман, повесть; может быть, удастся сочинить пьесу. Александр Иванович Куприн давно советует:

— Напишите, мамочка, для театра! У вас должно получиться. Вы пишете ярко, зрелищно, вкусно, у вас богатая выдумка, блестящий диалог. Садитесь — и немедленно принимайтесь!»

...Грин осветил стол маленькой керосиновой лампой: в гостиничном номере не было электричества. И бумаги не было у Александра Степановича, а в кошельке уныло посверкивал двугривенный. Грин раздобыл бухгалтерскую книгу — грессбук, откинулся на спинку стула, позвонил в колокольчик. Явилась горничная. Грин попросил чаю.

Горничная ушла. Грин уселся за стол. Сосчитал папиросы — шестнадцать штук. До утра хватит. Чай, сахар, ситный и еще что-нибудь мамзель Даша принесет через полчаса. Керосину в лампе хватит до пяти утра. За окном мороз, в номере пятнадцать градусов тепла.

Одиночество.

Никого.

Тоска.

Оленька собирается приехать в начале января. «Я не знаю точно когда, — пишет она, — когда отпустят. Со мною приедет Федя — совсем, навсегда...»

На этом письмо кончалось. Без подписи и даты. Александр Степанович прочел его несколько раз. Подивился тому, как ла-

конично человеческое горе. Строга гордость. Болтлива радость. Разностильна подлость. Самовлюбленна хитрость. Так. Приступим к сочинению. Очень трудно найти первую фразу. Далеко не безразлично, как начать. Первая фраза — камертон, она везет за своим ДО и РЕ весь хор предложений. Ага! Следует начать так:

«В маленьком квадратном номере плохонькой гостиницы «Люкс» хозяйничала старая крыса. Она забралась на стол и принохивалась к сыру — последнему, что осталось из съедобного у Тарса...»

Вот две фразы. Их необходимо соединить в одну. Что-то лишнее есть в конце второй фразы. Крысу не нужно называть старой: крыса — это и есть то, что пожило, опытно, мудро. Между прочим, почему с первых же строк влезла в рассказ крыса? Это уже третий раз, не впервые... В предыдущем рассказе, сорок девятым по счету, трижды упомянут человек, умеющий летать. В том же рассказе приходит корабль с алыми парусами. Ведь и человек, умеющий летать без помощи аэроплана, и алые паруса — это части каких-то будущих романов, о них еще ничего не известно, но они, эти детали, уже просят стать целым.

Как-то так случилось, что в конце шестнадцатого года Грин видел свои будущие книги — все до одной. Он не знал, о чем будут эти книги, но он знал, кто будет в них. И зачем.

Крысы... О них недурно написал Осип Дымов. Но это еще не все. Это лишь часть той увлекательнейшей фантастики, которую можно извлечь из жизни презираемых грызунов. Сильно бытовое, всем весьма известное можно и нужно подать как нечто открытое только сегодня. Все открытия на первых порах таинственны. Крысы, их жизнь, их подполье — это...

Кто их знает, что и кто они? Сегодня ничего нельзя сказать о них. Нужно ли? Все нужно, что способствует тренировке фантазии. Без фантазии и таблицы умножения не смогли бы придумать.

Часы пробили одиннадцать раз. Три удара в дверь. В комнату вошла горничная. Она остановилась около стола. Громко тикали часы.

— Спасибо, мамзель Даша. Возьмите себе эту безделку, дорогая моя. Чистое золото. И вы и эта безделка.

Грин надел ей на палец колечко с зеленым камешком. Несколько дней назад он нашел его на улице, показал ювелиру. «Золотое», — сказал ювелир. Александр Степанович забыл о нем. Вспомнил только сейчас.

Горничная вспыхнула. Грин решил кое-что прибавить к подарку. Он сказал:

— Это колечко носила знаменитая артистка цирка Вера Ген. Это талисман, мамзель Даша. До тех пор, пока это кольцо на вашем пальце, никто не в состоянии обмануть вас. Вы почувствуете ложь. Вы мне верите, мамзель Даша?

— Кто вас знает! — сказала горничная. — Я сама не своя. До свидания, господин!..

Вышла из номера, снова вернулась, чтобы сказать:

— Я приду поздравить вас с Новым годом, господин. И обязательно принесу для вас грушу или апельсин!

— Талисман действует! — крикнул ей вслед Грин и закрыл дверь. Довольно болтовни, театра иллюзий, пора приступить к работе.

Размашистым крупным почерком он начал с красной строки:

«Тарс заболел от одиночества. Встречать Новый год наедине с собою было не под силу даже и ему, человеку сильному, терпеливому, закаленному бедами и суетой. Он заварил чай, нарезал хлеб. Он прочел себе маленькую лекцию о том, что деление вечности на год или двенадцать месяцев — понятие весьма условное, искусственное. Он убедил себя только наполовину. Без десяти двенадцать кто-то постучал в дверь. Тарс...»

Кто-то постучал в дверь на самом деле. Грин оторвался от работы.

Женский голос, знакомый, милый, произнес за дверью: — Александр Степанович!..

Грин вскочил. Приложил руку к сердцу. У него вдруг стало сухо во рту.

— Кто вы? — спросил он громко.

Чужой мужской голос в ответ:

— Оленька и Федя, это мы, Федя и Оленька!

У Грина заныло в висках. Он не понимал, что такое головокружение. Сейчас у него закружилась голова.

Часы пробили половину двенадцатого. Дверь толкнули из коридора, она распахнулась, на шее Грина повисла Оленька. Грин отступил в глубь комнаты, унося на себе не тяжелую, холодную, душистую — мороз и ветер — ношу. Не дыша, коснулся ее губ. Ему было больно, ей весело. Она оторвалась от Грина и вместо «здравствуйте» проговорила:

— Никого в городе, только вы! Отец в Карташевской, у себя в лесничестве. Господи, Александр Степанович, милый!

Присела на краешек стула, всплакнула.

— Разрешите представиться, — сказал человек на костылях, стоявший около двери, — Федя. Тот самый, вы знаете.

Он поднял руки, обнял Грина. Костыли упали не сразу. Оленька подхватила их и поставила к стенке.

— Подпоручик! Ваше благородие! Дай-ка я разгляжу тебя, каков ты с виду! Стой! Эх, не можешь... Садись тогда, Федюшенька...

Грин засуетился. Выбежал в коридор, сунулся на кухню, чтобы взять стаканы, но в святая святых гостиницы, как говорится, дым шел коромыслом, на Грина и внимания не обратили.

Он прибежал к себе и застал такую картину. Оленька и Федя сидят на полу, достают из чемодана вкусные вещи: вино, сыр, банки со шпротами и кильками, табак в жестяной коробке. Грин опустил на пол, обнял Федю и Оленьку.

— Да здравствует счастье! Друзья!

В полночь подняли стаканы, в первом часу все трое были чуточку пьяны.

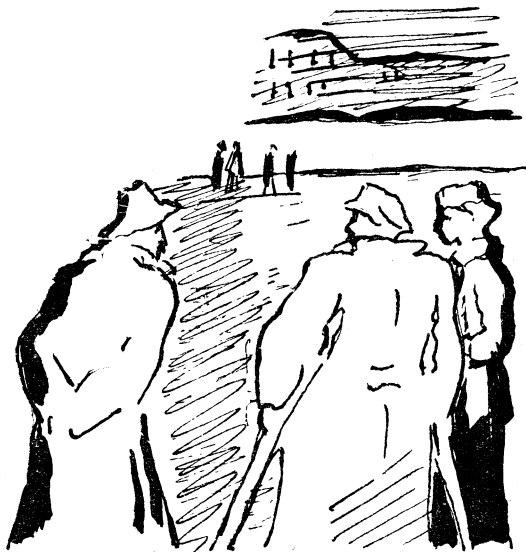
В час в дверь постучали. Три раза. Грин шумно вздохнул. Мамзель Даша внесла поднос, на нем два бокала, полные до краев, апельсин, груша и горка пряников. О, мамзель Даша умела держать слово, умела держать себя! Она поставила поднос на край стола, поклонилась незнакомым ей людям и предложила Грину чокнуться с ней.

— С Новым годом, господин! — сухо, отрывисто сказала она и залпом выпила свое вино. Грин хотел было сказать ей: «Останьтесь хотя бы на минутку», — но мамзель Даша только щелкнула каблучками и исчезла.

К четырем часам друзья утомились от разговора, воспоминаний, планов на будущее. Грин спросил Федю, скоро ли, по его мнению, кончится война.

— Война? Ее нужно окончить как можно скорее, потому что, видите ли... — ответил Федя и взглянул на то место, где четыре месяца назад у него было правое колено.

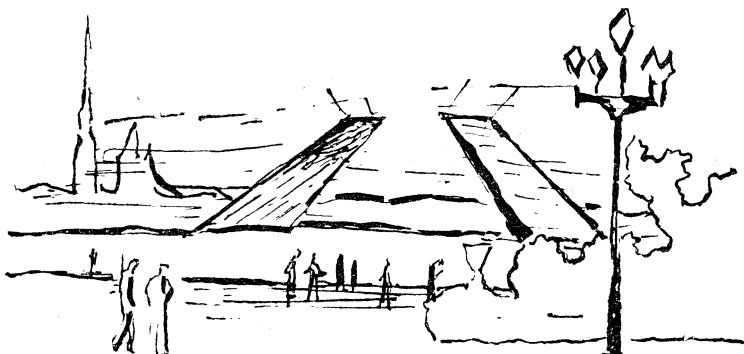
Оленька дремала. Она изменилась за то время, что Грин не видел ее. Оленьке приготовили постель в соседнем свободном номере. Федя решил остаться с Грином. Он по-

стелил на полу шинель, накрылся Оленькиным тулупом. Как лег, так сразу и уснул.

Мигнула и погасла лампа.

Днем все трое поехали в Карташевскую. Оленька и Федя отправились в домик лесничего. Грин вдруг захандрил. Тоска навалилась на него, подобно медведю. Он распрощался с друзьями своими, виновато улыбнувшись. В девять вечера возвратился в свой номер, сел за стол, приступил к рассказу. В два часа ночи рассказ вчерне был закончен — тот рассказ, в конце которого были совершенно посторонние вещи: «...Тарс опять остался один. Но теперь, после того как он повидался с Оленькой и Федей, его одиночество стало нестерпимей, мучительней, страшнее. Похоже было на то, что Тарсу показали одну из тропинок рая и тотчас же спровадили в запыленный, чухлый городской сквер с визгливыми ребятишками и сплетничающими бабами. Тарсу хотелось есть. Он вспомнил о сыре. Он подошел к шкафу и открыл его. Огромная седая крыса спокойно посмотрела на Тарса и повела хвостом...»

Какое счастье, какая радость быть художником! Техника техникой, а все же ты свеча, и ты сгораешь.

Из текста этой книги

Была весна — теплая, ранняя весна семнадцатого года. Были митинги, угловые сборища, споры и декламации меньшевиков, эсеров и кадетов.

Грину нравились большевики. Они говорили прямо, просто и немногословно, памятуя, очевидно, Сократа: кому есть что сказать, тот говорит коротко. Грину нравились эти зажженные гневом глаза, скупые и однообразные жесты,

тяжелые неуклюжие слова. Они оказывались самыми верными и поэтичными даже.

Грину сильно по душе пришлось выступление человека, говорившего перед народом с балкона особняка на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы. Имя его знал давно. Видел его Грин впервые. Было в нем что-то столь страстное, беспокоящее и найденное раз и навсегда — для себя и для других, — что Грин подумал невольно: вот на такой интонации построена вся внутренняя страсть хороших русских книг, тех, что начнешь читать — и не оторваться. Грин сквозь толпу протолкался ближе к тротуару, поднял голову и стал слушать.

Человек кончил говорить, он протянул вперед правую руку, возвещая этим жестом, что все им сказанное сбудется рано или поздно, скорее всего тогда, когда будет нужно, ни раньше, ни позже. Слушатели в один голос крикнули «ура!», одновременно улыбнувшись и не обратив внимания на то обстоятельство, что вместе с ними улыбался и человек на балконе, взявший на себя суровую ответственность за судьбу не только тех, кто слушал его сегодня, но и за судьбу каждого, кто спустя много лет позавидует видевшим и слышавшим этого человека.

Балкон опустел, толпа разошлась. Грин возвратился к памятнику «Стережущему», где его ожидали Оленька и Федя. Они предложили ему пойти в цирк «Модерн» на митинг домашних хозяек Петроградской стороны.

— Это должно быть очень интересно, — сказала Оленька. — Вы поймите — митинг домашних хозяек! Женщин, благодаря которым чист и сыт мужчина, умыт и одет ребенок, — да вы не имеете права улыбаться! Не имеете права! Я-то знаю, что такое домашняя хозяйка! Фактическая глава семьи, ее свет, счастье... Ну чего смеетесь?

— Беллетристика, Оленька! Я только что слушал Ленина... — И чтоб не смущать Оленьку, обратился к Феде. — А как вы смотрите на митинг домашних хозяек?

— Я — что! — пробормотал Федя. — Как Оленька, так и я. По-моему, сейчас все интересно. Боюсь только, что на митинг может приехать Керенский. Он страшно любит трепать себя по митингам. Дешевит себя, да, кажется, и вправду недорого стоит. Пятачковый колокольчик.

— Вы, следовательно, за большевиков? — спросил Грин.

— Очевидно, буду за них, — ответил Федя. — Они ясны и прямы, за них логика, правда. Они борются за нее. А я, побывший на фронте и... — он указал на свои костыли, — я имею основание сочувствовать большевикам.

Оленьке пришло в голову спросить Грина, не за Керенского ли он.

— Спаси и помилуй! — в испуге воскликнул Александр Степанович. — Как можно быть с этой дамой! Нет, мои милые, я за то, чтобы все было иначе, понимаете? Кто это делает, тот будет молодец, тому скажу спасибо. А вы знаете, как выглядит это спасибо у художника? Не знаете?

Он остается на родине, он продолжает писать, работать, поддерживать. Его спасибо — прежде всего поддержка. На днях одному журналу я так и ответил на просьбу изложить мое мнение по поводу всей сегодняшней политики.

Грин рассмеялся.

— Мне интересно знать, будут ли печатать мое мнение. Редактор говорит: «С удовольствием напечатали бы ваше оригинальное мнение, да куда-то утерjali вашу рукопись». Куда-то утерjali! Один язык чего стоит! Я говорю: «Так позвольте мне вторично изложить мои мысли, это займет двадцать минут». — «Гм...» Редактор заявляет, что уже поздно, весь материал в наборе. Поперхнулся собственным враньем и давай сморкаться. Я его пожалел, вышел. Ушел. У него в банке тысяч семьдесят пять, а то и больше. У него тоже свое мнение.

— У нас все же такое мнение, что нужно идти в цирк «Модерн», — сказала Оленька.

Цирк «Модерн»...

О цирк «Модерн»!

У Грина стеснилось сердце, когда он подошел к деревянному зданию цирка. Вот здесь стоял когда-то плакат, а на нем большими буквами: «ВЕРА СУХОДОЛЬСКАЯ». Грин не видел ее на манеже цирка, последняя встреча с нею случилась вот на этом месте, — здесь стояла она под хлопьями снега, — так недолго стояла она, каких-нибудь две-три минуты, но и этого было достаточно для того, чтобы Грин понял и сквозь жизнь и книги свои пронес одну самую главную мысль — и для себя и (так он думал) для всех занимающихся искусством: какое счастье, какая радость быть художником! Техника техникой, а все же ты свеча, и ты сгораешь...

— Вы идете с нами? — спросила Оленька.

Грин очнулся от воспоминаний и отрицательно качнул головой.

— Всего доброго, Оленька! Берегите Федю! Его могут толкнуть! Позовите меня в гости. Когда?

Оленька сверху, с деревянной площадки, крикнула:

— Всегда! Каждый день после семи, кроме вторников и пятниц! В эти дни я дежурная.

Оленька и Федя скрылись в проходах галерки. Кто-то произнес почти в самое ухо Грину:

— Надуешь, как и меня! Мастер ты на обещания, капитан в отставке!

В том же пальто, в той же кепке, и прищуривается все так же, и пожатие как тиски.

— Рад видеть, Николай Петрович, — сказал Грин, вовсе не испытывая радости. — Ждал меня? А я заработался, забегался, совсем не до того. И адрес твой забыл...

— Люблю людей искренних, — сказал Николай Петрович. — Проводи меня, друг. Сюда, за мечеть, в особняк Кшесинской. Помнишь, портрету царя и царицы грозил в Народном доме? Ну, как себя чувствуешь сегодня? Доволен? Вот и нет ни царя, ни царицы.

— Ожидал большего, — ответил Грин. — А ты, Николай Петрович?

— А я работаю во имя этого большего, — сказал случайный знакомый Грина. — Ленина видел, слушал его? — спросил он.

Грин широко и вкусно улыбнулся.

— Этот человек мне по душе, — сказал он. — Этот человек нашел...

— Давно нашел, — негромко произнес Николай Петрович. — Ты вот царю грозил, а я сказал тебе, — помнишь? — что не в нем одно дело. Так вот, дело не в нем. Ну, я сюда. Буду рад, если ты ко мне заглянешь. Обидно будет, ежели твой кулак так в воздухе и повиснет...

— Ишь, какой! — обидчиво отозвался Грин. — Говорить умеешь!

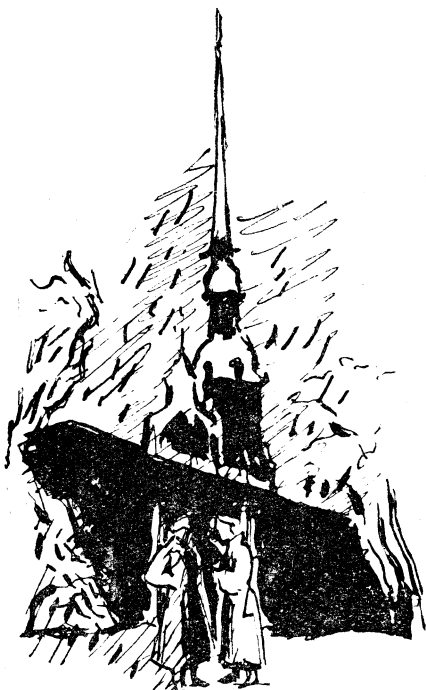
— Запомни мой адрес, друг, — сказал Николай Петрович. — Записывать не буду, а ты не забудь. Эх, капитан в отставке, капитан в отставке! Ведь соврал, что ты капитан в отставке!

— Соврал, Николай Петрович! Охотно признаюсь.

— И правильно сделал. Для чего незнакомому человеку все сразу говорить? Хорошо! Но кто же ты?

Грин подумал: говорить или не говорить? Он понимал, что сказать **НУЖНО**. Николай Петрович не просто любо-

пытствующий человек. Может быть, именно с этим человеком и нужно подружиться, и Федю с ним познакомить, и Оленьку... Вот он идет в тот дом, где сейчас, возможно, находился Ленин... Николай Петрович держит в руках своих большое дело.

— А если я писатель? — спросил Грин.

— Ну, ежели писатель, так уж обязательно придешь ко мне. Дело такое, что и тебя касается. Мне некогда. Будь здоров и помни: Пушкинская, восемь, квартира девять. Смотри, какой легкий адрес!

И вошел во двор особняка.

Группа солдат с винтовками стояла во дворе. Грин дошел до угла, обернулся, оглядел особняк сверху донизу. Вспомнил Ленина и вслух произнес:

— Пусть у него получится!

И по каким-то тайным ассоциациям представил Федю, Оленьку, себя среди них, Николая Петровича где-то в отдалении. Детство свое вспомнил, Вятку, Севастополь, моряков с кораблей, плавающих в Черном море, вспомнил тюрьму, жизнь в ссылке, первый свой рассказ и второй рассказ, стихи о ландышах и голубых глазах. Написал бы все это сейчас? Да, но лучше, крепче, — мастерство приобрел, руку набил, техникой овладел. Да только одной техники, конечно, мало.

Какие рассказы следует писать сегодня? Сейчас, кстати, не пишется. Что-то подступает, просит выхода, но все это не то, не то...

Опять мост разводят, между Троицким и Дворцовым стоит ледокол.

— Рад видеть вас, Александр Степанович!

— Господи!..

Только это и произнес. До чего же изменился! Исхудал, ссутулился...

— Счастлив видеть вас, Александр Александрович! Волшебный день! День встреч!

Для того чтобы яснее разглядеть лицо старой России, Александр Блок взял на себя трудное и увлекательное дело — редактирование показаний царских министров. Блок делал это хорошо. Он ничего не умел делать плохо. Но каждый визит его в Таврический дворец или Петропавловскую крепость был для него подобен экскурсии школьника в больницу, где безнадежно корчится, умирая, нелюбимый всей школой учитель: он и несправедлив был, и развратен, и пьяным на урок приходил, и больно бил линейкой по голове. И вот он умирает, сгнивает, школьник глядит на него, а на душе радость и ясность.

Блок так и сказал Грину, вот этими словами. Александра Степановича заинтересовало другое: в допросе узников он видел сюжеты, добротный материал для повестей своих, где описание зла получило бы конкретность и остроту. Изменить только фамилии, действие перенести в Ланфиер или, скажем, в город Синего Камня.

Блок улыбнулся. Он сел на скамью неподалеку от мостика, ведущего в крепость, пригласил Грина посидеть с ним минут десять-пятнадцать.

— Для ваших рассказов сюжеты эти непригодны, — сказал он, оглядывая Грина внимательно и устало. — Тут, думается мне, одному лишь Щеголеву есть что смастерить. Этот материал не давит, на бумагу не просится. И я, как нанятый служащий, должен лишь как можно лучше и добросовестнее изобразить последние дни царского режима.

— Долго держался, — заметил Грин. — Триста лет, черт возьми! Какая махина была! Власть! Царская власть! Как звучит-то, а? Царская власть! Кандальный звон в этих словах, слышите, Александр Александрович?

И опять улыбнулся Блок.

— Звучит недурно для ходкого, дешевого романа, — сказал он. — Мы думали — махина, а на деле оказалась бутафорская установка, дурно сделанная. Она упала в тот момент, когда ее разглядели, взвесили и сказали, что дело только в сроках. Мне трудно выразить то, что я хочу сказать. Я так устал, так устал, друг мой!..

Он вздохнул, закрыл глаза, и лицо его стало страшным и чужим для всех, кто знал Блока с глазами открытыми, кто думал, что в тридцать семь лет люди еще молоды. Но Александр Степанович, взглянув на него, испугался. Он подумал почти вслух:

«Умрет! Скоро умрет! Такие долго не живут...»

И если бы спросили его, от чего именно умрет этот человек, Грин без затруднения ответил бы:

«Оттого, что долго нес непосильную тяжесть. Надо-рвался».

— Александр Александрович! — позвал Грин.

Блок открыл глаза и опять улыбнулся.

— Не сплю, Александр Степанович. Не бойтесь, я не опоздаю. Я всегда имею в запасе тридцать минут. На всякий случай. Трамвай, встреча со знакомыми. Что поделываете, мой друг? Что написали?

Грин сконфуженно развел руками.

— Ничего особенного, ничего исключительного. Так, рассказы. Кое-что задумал, но еще не принимался...

— И не торопитесь, не надо, — осторожно, не желая сказать что-то бестактное, уронил Блок. Он выпрямился, повернулся лицом к крепости. Ангел на высоком тонком шпиле блестел на солнце. Весенний ветер был отрывист и припахивал свежим огурцом.

— Ленина видел, — сказал Грин, ожидая какой-то особенной реплики в ответ на свое заявление. Блок произнес нечто неожиданное, другое, как будто и не связанное с тем, что сказал Грин:

— Не знаю, была ли революция. Революция предполагает волю. Да, Ленин — это воля. Большая сильная русская воля. Вы не большевик, Александр Степанович?

— А вы, Александр Александрович?

Блок резко прогнал с лица своего улыбку. Он снял перчатку с левой руки — узкой, с длинными тонкими пальцами, поднял ее и, указав на деревья, снег и небо, проговорил доверительно:

— Я страстно люблю все это... И только у нас, в России. За границей я люблюсь, но я равнодушен к судьбе многого из того, что мне там нравится. Но здесь... здесь я могу заплакать от любви. Может быть, это тоже большевизм, а? Вы думали когда-нибудь о том, что любовь к своему родному месту, гнезду, улице, городу — это большевизм?

Из жилетного кармана достал часы, взглянул, весело улыбнулся.

— Мне пора. Моя Бастилия ждет меня. Крысы соскучились. Они привыкли, что...

— Крысы! — перебил Грин. Вскочил, расстегнул пальто и, не спрашивая разрешения, пошел с Блоком рядом.

— И вы о крысах! Но у вас, наверное, это символ! Вы не о тех крысах, которые реально живут в подполье?

— И об этих, — кивнул головой Блок. — Когда арестованных выводят из камер на допрос, крысы пользуются этим моментом, а момент длительный — не менее часа, и выходят из нор. Они набрасываются на матрацы, подушки, жуют что попало, что найдут. Протопопов, например, жалуются на крыс и просят допрашивать его в камере. Вас интересуют крысы, Александр Степанович?

— В последнее время очень, — ответил Грин. — Что вы знаете о них?

— Немного, но это не для Зурбагана, мой друг! Мне известна одна достойная внимания книга о крысах. Написал ее Эрт Эртрус. Кажется, так. Удивительная книга! В вашем вкусе.

— Эрт Эртрус, — повторил Грин. — Эрт Эртрус... Запомню.

— Хороший вы человек, Александр Степанович. Жаль расставаться с вами, но — приходится. Дальше вас не пустят, нужен пропуск...

Блок показал часовому какую-то маленькую карточку. Снял шляпу и так, с обнаженной головой, пожал руку Грину, глядя ему прямо в глаза, и вошел под арку крепостных ворот.

Может быть, не совсем так, как вам нравится, но мы соблюдали интересы истины. Спросите кого угодно. До следующего свидания!

Мкаррон

24 октября в шесть часов вечера на двух извозчиках подъехал к собору князя Владимира, что на Петербургской стороне, свадебный поезд: Александр Степанович и Оленька, ее отец и Владимир Алексеевич Пяст — поэт, друг Блока. Леонид Иванович Андрусон — поэт и переводчик Бернса, ожидал в соборе. Он был в панике: квартира жениха оказалась на замке, соседи сказали Андрусону, что Федор Петрович Самойлов ушел куда-то рано утром и с тех пор не возвращался.

Грин отвел Оленьку в самый дальний угол, посоветовал не снимать пальто до приезда Феде, откуда-то принес стул и табурет, посадил невесту и сам сел подле нее. Он не знал, что вообще следует делать, следует ли сообщить батюшке,

что вот, мол, мы прибыли, а жениха еще нет; есть как будто все требующееся по форме для венчания, за исключением неведомо куда девшегося жениха...

Группа любопытствующих кумушек собралась в кучку и издали разглядывала Оленьку. Кумушки-обывательницы только и знали развлечения, что чужие похороны да свадьбы. У всех тетушек были длинные, острые носы, тонкие, в ниточку, губы, подслеповатые глаза, беспокойные руки. Рассмотрев Оленьку, они перемигнулись, подошли ближе и принялись покачивать головами, чмокать губами, вздыхать и ахать. Тетушка в сером шерстяном платке улыбнулась Оленьке, переступила с ноги на ногу, поиграла пальцами обеих рук, самостоятельно и сепаратно вышла из ряда и в упор уставилась на Грина. Он стоял, опустив руки и голову, ему мучительно хотелось взять тетушку за загривок и выбросить из собора к черту на рога. У него чесались руки, он сжимал кулаки, и все в нем кипело, как на горячей плите.

— Не ладно все, Александр Степанович, — дрожащим голосом проговорила Оленька. — Где, по-вашему, Федя?

— О Феде не беспокойтесь, подумайте о себе, — угрюмо проворчал Грин. — Пойдемте-ка к нашим, что они там делают...

Пяст снял пальто и расхаживал, заложив руки в карманы, по обширному пространству притвора. Пяст был во фраке, торжественный, сияющий. Он что-то бубнил, не

то стихи, не то молитву. Андрусон сидел на полу и клевал носом. Оленькин отец разглядывал лики святых угодников, апостолов. Грин и здесь усадил Оленьку на стул, сам встал рядом.

Оленька готова была расплакаться. Вот она, невеста, ее привезли в церковь, чтобы венчать, а жениха-то и нет. Пропал жених... Господи, где же, в самом деле, Федя? Оленька знала, что ему невозможно венчаться в церкви, его едва, с трудом уговорили, — он сказал, что так сильно любит ее, что ничем не хочет огорчить...

Оленька улыбнулась, и эту улыбку заметил Грин. Ну, значит, нет ничего страшного. Федя придет, а если и не придет, так, возможно, это и к лучшему: жених на костылях, вокруг длинноносые, тонкогубые тетушки, они уже вызвали из алтаря батюшку и сообщили ему, что свадьба приехала, а жениха нет. Отец Павел прошел в притвор, весьма деликатно, но строго попросил показать ему жениха.

— Жениха нет, батюшка. Ждем. Сами ждем, батюшка.

— Прискорбно, прискорбно, — сказал батюшка. — Жених должен явиться первым. Ах, нехорошо! Нехорошо как, ах, нехорошо! Что же будем делать, а?

— Будем ждать, батюшка, — заявил Пяст и так напугал старика своим декламаторским, рыдающим тоном, что батюшка попятился и, бормоча: «Прискорбно, прискорбно», — скрылся в алтаре.

Пришла подруга Оленьки и с нею мамзель Даша. Они заявили, что в городе очень много юнкеров, так много, что плюнуть некуда, а на Невском и на набережной еще больше матросов, и все они веселые, шумные, возбужденные. На Дворцовой площади мамзель Дашу задержали, велели идти обходным путем. Господа в котелках и барыни в шляпках болтают бог знает что, пророчат Варфоломеевскую ночь и пришествие антихриста. Про Ленина говорят такое, что стыдно повторить: так в морду и плюнула бы, кирпичом все эти поганые рожи прикрыла бы...

Тетушки окружили мамзель Дашу, не дыша слушали ее, а выслушав, разошлись по углам, зашептались, заприседали, закрестились.

Грин поманил пальцем Пяста.

— Идемте курить — измучился...

В соборном сквере каркали вороны, шумно раскачивались березы и клены.

— А что, если свадьба не состоится? — робко осведомился Пяст.

Сам себе ответил:

— Ну как можно! Почему бы ей не состояться! Конечно, состоится!

— Свадьба не состоится, — сказал Грин. — Хорошая выпивка откладывается на неопределенное время...

— Вы это серьезно? — прорыдал Пяст. — Почему вы так думаете?

— У меня есть основания так думать, многоуважаемый Владимир Алексеевич. Смотрите, бежит мальчик, он глядит на нас...

Мальчик лет десяти вбежал в сквер, снял кепку и вперевалку зашагал к паперти.

— Ко мне? — спросил мальчика Грин.

— А вы кто будете? — тяжело дыша от быстрой ходьбы, произнес мальчик. В его кепке лежала записка. Грин пальцем указал на нее, назвал свою фамилию. Мальчик опустился на ступеньки паперти.

— Черт, устал, — сказал он. — Говорите, как вас зовут. Ну, значит, вам. Верно. Товарищ Самойлов велел передать. От самой Пятой линии без остановки бегом бегу, здорово? А вы кто, шафер? — обратился он к Пясту.

— Это доктор Ватсон, он же Эккерман, он же Пяст, он же и шафер и Фома неверный. Читайте, дорогой друг, а я пока что расплачусь с курьером, прибывшим на перекладных с Пятой линии Васильевского острова.

— Денег мне дали, денег мне не надо, — заявил мальчик. — У меня покурить нету, это да.

Грин одарил его сигарами, папиросами, деньгами. Мальчик пожелал взглянуть на невесту.

— Входи, — сказал Грин, — только не пугай, помалкивай. Мы сами все скажем. Ну, Владимир Алексеевич, что в записке?

Пяст молча протянул Грину кусочек исписанной с обеих сторон бумаги.

«Дорогой Александр Степанович, я не могу сегодня венчаться, есть дела поважнее моей свадьбы. Увидимся — расскажу. Я принадлежу не только себе и Оленьке. Я член партии. Оленька все поймет, вы объясните ей, вы это умеете. Сделайте это тактично и безболезненно. Пусть она не волнуется, если меня не будет дома завтра. Ваш Оленькин жених Федя. 24 октября 1917 года».

— Угадал! — воскликнул Грин, свободно, легко вздыхая. — Все благополучно, Федя жив и здоров!

Спустя две-три минуты записку от Феди читала Оленька.

— Ничего не понимаю, — сказала она Грину. — Что-то политическое, да?

— Оно самое, и оно самое задерживает вашего жениха.

Грин вызвал священника.

— Жених опасно заболел, отец Павел! Только что уведомил письмом. Как быть, дорогой отец Павел?

— Прискорбно, прискорбно, — затараторил батюшка, топчась на одном месте. — Ничего не поделаешь, ах, ничего! От всего сердца жалею невесту. Вы ее успокойте, бедную. Боюсь, как бы не заболела невеста...

И скрылся в алтаре.

Грин вышел из собора.

На паперти стояла, поеживаясь от холода, Оленька.

И больше никого не было.

— Где же все наши? — спросил Грин.

— Я их всех спровадила, всех, — ответила Оленька. — Ну что же, милый Александр Степанович, праздник отменяется?

Грин опустил голову, взял Оленьку под руку, прижал к себе.

— Отменяется, моя родная Лесная Находка! Но это ничего не значит. Праздник будет. Пойдемте пешком, погуляем.

— У меня на сердце неспокойно, — пожаловалась Оленька. — Мне холодно. Я зябну. Не оставляйте меня одну, ради бога! С вами легче. Конечно, с Федей ничего не случилось — и все-таки что-то случилось. Как вы думаете, для чего понадобился Федя?

— Вы не волнуйтесь, Федя будет с вами. Ногу он уже отдал своему отечеству — ничего другого с него уже не спросят больше. Но работу спросят, работу потребуют!

Тучков мост охраняли юнкера. Они по трое и в две шеренги по двое ходили, с винтовками на плечах, учебным печатающим шагом. Дойдут до разводной части, браво повернутся и снова печатают.

— Эти могут стихи писать, — сказал Грин, указывая на охранителей умирающего порядка. — Они и Достоевского, наверное, понимают. А самого главного понять не могут.

На тротуаре у входа в больницу Марии Магдалины стоял Александр Блок. Дождался ли он кого-нибудь, или просто смотрел на свой город, на свое небо, на окно в четвертом этаже, — девушка там сидела на подоконнике и плакала... — неизвестно, ради чего или кого остановился Александр Блок. Поднят воротник пальто, опущены плечи, руки в карманах, — должно быть, холодно, а уйти нельзя, надо стоять и ждать, смотреть, и сердце чует, и слова ушли за грань ведомого. Куда он смотрит, что видит его взор? В доме напротив магазин музыкальных инструментов, и на вывеске фамилия владельца: Колчин. А чуть подалее булочная, золоченый крендель над входом. Но это видят все, все это могут прочесть, и Оленька, спускаясь с моста, издали видит: Колчин. А за стеклом витрины — балалайки, гитары, бубны, скрипки, золотой рожок...

— Оленька, смотрите — Блок! — тихо сказал Александр Степанович.

— Тот самый? — спросила Оленька.

Подшли, остановились подле, Грин приподнял шляпу, поздоровался. Блок вздрогнул, взглянул на Оленьку и только ей одной коротко и печально улыбнулся.

— Откуда? — спросил он Грина.

— Из церкви, — ответил Грин.

Блок смотрел куда-то в сторону.

— Оленька должна была венчаться, вы помните, наверное, Оленьку, Александр Александрович?

— Припоминаю, — заметно оживляясь, проговорил Блок. — Я помню лицо, но не помню, где видел. Да, вспомнил! Сестра милосердия?

— Забавный случай, Александр Александрович, жених не явился на свадьбу. О нет, нет! Ничего страшного!

Блок выпрямился, одним рывком плеч и головой, откинутой назад, отогнул воротник пальто, осторожно взял Оленьку за руку.

— Простите, но — почему же жених не пришел на свадьбу?

— Не надо, — попросила Оленька. — Мой жених не мог прийти, но в следующий раз он придет непременно!..

Блок отпустил руку Оленьки и спросил:

— А он любит вас?

— О да! — ответила Оленька.

— И вы его любите?

— О да! — любуясь тем, кто ее спрашивает, ответила Оленька.

— И все хорошо?

— И все хорошо, спасибо! — беспокойно проговорила Оленька.

— Очень рад, — сказал Блок. — Попросите Александра Степановича рассказать какую-нибудь замысловатую историю. Он на это великий мастер.

Блок взял руку Оленьки, поцеловал ее — так смешно — в кончики пальцев.

— Не обижайте Оленьку, Александр Степанович, — совершенно серьезно обратился он к Грину. — И — до свидания!

Оленька и Грин сделали десять-пятнадцать шагов, оглянулись: Блок стоит, ждет кого-то. Оленьке стало жаль его, и она сказала об этом Грину.

— Вам жаль его, Блока? Может быть, все может быть, Оленька. Вам жаль, а я ему завидую..

Рисунки Э. Погосьяна

ЗАВТРАК В НЕВЕСОМОЙ КУХНЕ

«Завтрак в невесомой кухне» — недостающая глава романа Жюль Верна «Из пушки на Луну». Эта глава не

переводилась ни на один из иностранных языков. Более того, она, возможно, неизвестна и французам.

— **Д**рузья, мы ведь еще не завтракали, — сказал Мишель Ардан своим товарищам по межпланетному путешествию. — Из того, что мы потеряли свой вес в этом пушечном ядре, вовсе не следует, что мы потеряли и аппетит. Я берусь устроить вам, господа, невесомый завтрак, который, без сомне-

ния, будет состоять из самых «легких» блюд, когда-либо существовавших на свете!

И, не дожидаясь ответа товарищей, он принялся застряпню. Завтрак решено было начать с бульона из распущенных в теплой воде таблеток Либиха.

— Наша бутылка с водой притворяется пустой, — ворчал про себя Ардан, возясь с раскупоркой большой бутылки. — Но меня не проведешь: я ведь знаю, отчего

ты такая легкая... Так, пробка вынута. Извольте же, госпожа бутылка, излить в кастрюлю ваше невесомое содержимое!

Но сколько ни наклонял он бутылки, оттуда не выливалось ни капли.

— Не трудись, милый Ардан, — явился ему на выручку Никколь. — Пойми, что в мире без тяжести вода не может литься. Ты должен вытолкнуть ее из бутылки, словно бы это был густой, тягучий сироп.

Ардан ударил ладонью по дну опрокинутой бутылки. Тотчас же у горлышка раздулся совершенно круглый водяной шар, величиной с кулак.

— Что это стало с нашей водой? — изумился Ардан. — Объясните, ученые друзья мои, откуда взялась эта водяная пилюля?

— Это капля, милый Ардан, простая водяная капля. В мире без тяжести капли могут быть какой угодно величины. Ведь только под влиянием тяжести жидкость принимает форму сосудов, льется в виде струи и так далее. Здесь же тяжести нет, жидкость, предоставленная своим внутренним молекулярным силам, понятно, должна принять форму шара, как масло в опыте Плато.

— Черт побери этого Плато! Я должен вскипятить воду для бульона, и, клянусь, никакие молекулярные силы не остановят меня! — запальчиво воскликнул Ардан.

Он яростно стал «выколачивать» воду в висящую в воздухе кастрюлю, но, по-видимому, все было в заговоре против него. Большие водяные шары, достигнув дна кастрюли, быстро ползали по металлу. Этим дело не кончалось: вода поднима-

лась по внутренним стенкам, переходила на наружные, растекалась по ним — и вскоре вся кастрюля оказалась обложенной водяным слоем. Кипятить воду в таком виде не имело никакого смысла.

— Вот любопытный опыт, доказывающий, как велика сила сцепления, — объяснял взбешенному Ардану невозмутимый Никколь. — Ты не волнуйся: тут обыкновенное явление смачивания жидкостями твердых тел; только в данном случае тяжесть не мешает этому явлению развиваться с полной силой.

— И очень жаль, что не мешает! — возразил Ардан. — Впрочем, смачивание здесь или что-либо другое, но мне необходимо, чтобы вода была внутри кастрюли, а не вокруг нее. Ни один повар в мире не согласится варить бульон при подобных условиях!..

— Ты легко можешь воспрепятствовать смачиванию, если оно мешает тебе, — успокоительно вставил мистер Барбикен. — Вспомни, что вода не смачивает тел, покрытых хотя бы самым тонким слоем жира. Обмажь свою кастрюлю снаружи жиром, и ты удержишь воду внутри нее.

— Bravo! Вот это я называю истинною ученостью! — обрадовался Ардан.

Он принял к сведению все указания своих ученых друзей и стал нагревать воду на газовом пламени.

Однако все складывалось наперекор желаниям Ардана. Газовая горелка и та закапризничала: погорев полминуты тусклым пламенем, она потухла по необъяснимой причине. Ардан терпеливо нянчился с пламенем, но хлопоты не приводили ни к чему: пламя положительно отказывалось гореть.

— Барбикен! Никколь! Да неужели нет средств заставить это проклятое пламя гореть, как ему полагается по законам физики и по уставам газовых компаний? — взывал к друзьям обескураженный француз.

— Но, право, здесь нет ничего необычайного и неожиданного, — объяснил Никколь. — Это пламя подчиняется тем самым физическим законам, к которым ты зываешь. А газовые компании... я думаю, все они скоро разорились бы в мире без тяжести. При горении, как ты знаешь, образуются углекислота, водяной пар — словом, негорючие газы; но обыкновенно эти, продукты не остаются возле самого пламени, а как более теплые и, следовательно, более легкие, поднимаются выше; на их место притекает чистый воздух. Но у нас нет тяжести, и продукты горения остаются на месте своего возникновения, окружают пламя слоем негорючих газов и преграждают доступ свежему воздуху. Оттого-то пламя здесь так тускло горит и так

быстро гаснет. На этом принципе основано действие огнетушителей. Пламя окружается негорючим газом и...

— Значит, по-твоему, Барбикен, если бы на земле не было тяжести, то не надо было бы и пожарных команд: всякий лю-жар потухал бы сам собой, так сказать, задыхался бы в собственном дыму?

— Совершенно верно. А пока, чтобы помочь горю, зажги еще раз горелку, и давай обдувать пламя; нам удастся, я надеюсь, отогнать облегающие его газы и заставить горелку гореть «по-земному».

Так и сделали. Ардан снова зажег горелку, а Никколь с Барбикеном принялись поочередно обдувать и обмахивать пламя, чтобы непрерывно удалять от него продукты горения.

— Вы, господа, в некотором роде исполняете обязанности фабричной трубы, поддерживая тягу. Мне очень жаль вас, друзья мои, но если мы хотим иметь горячий завтрак, придется подчиниться законам физики, — философствовал Ардан.

Однако прошло четверть часа, полчаса, час, а вода в кастрюле и не думала кипеть.

— Неужели пламя вместе с весом потеряло и весь свой жар? — удивлялся Ардан. — Я, кажется, никогда не дождусь, чтобы вода закипела.

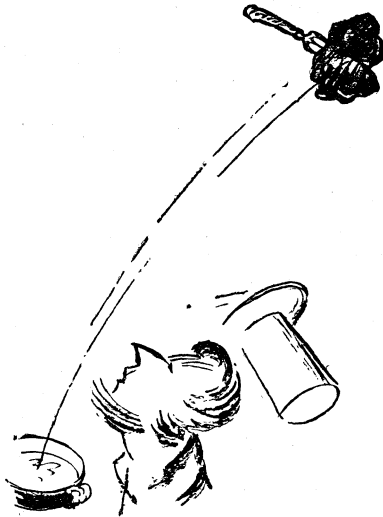
— Дождешься, милый Ардан, мы с Никколем ручаемся за это. Но тебе придется вооружиться терпением. Видишь ли, обыкновенная, весомая вода нагревается быстро только потому, что в ней происходит перемешивание слоев: нагретые нижние слои, как более легкие, поднимаются вверх, вместо них опускаются холодные верхние — и в результате вся жидкость быстро принимает высокую температуру. Случалось ли тебе когда-нибудь нагревать воду не снизу, а сверху? Тогда перемешивания слоев не происходит потому, что верхние, нагретые слои остаются на месте. Теплопроводность же воды ничтожна: верхние слои можно даже довести до кипения, между тем как в нижних будут лежать куски нерастаявшего льда. В нашем мире без тяжести безразлично, откуда нагревать воду: круговорота в кастрюле возникнуть не может, и вода нагревается очень медленно.

Нелегко было стряпать при таких условиях. Ардан был прав, когда утверждал, что здесь спасовал бы самый искусный повар. При жарении бифштекса пришлось тоже немало повозиться. Надо было все время придерживать мясо вилкой: стоило только зазеваться, и упругие пары масла, образующиеся под бифштексом, выталкивали его из кастрюли; недожаренный бифштекс стремительно летел «вверх», если только можно употребить это

выражение в мире, где не было ни «верха», ни «низа».

Странную картину представлял и самый обед. Друзья висели в воздухе в весьма разнообразных позах, поминутно стукаясь головами. Пользоваться сиденьями было невозможно. Такие вещи, как стулья, диваны, скамьи, совершенно излишни в мире, лишенном тяжести. В сущности, и стол был здесь не нужен, если бы не настойчивое желание Ардана завтракать «за столом».

Трудно было сварить бульон, но еще труднее оказалось съесть его. В самом деле, разлить невесомый бульон по чашкам никак не удавалось. Ардан чуть не заплатил за такую попытку потерей трудов целого утра: забыв, что бульон невесом, он ударил по дну перевернутой кастрюли, чтобы изгнать его. В результате из кастрюли вылетела огромная шарообразная капля. Ардану понадобилось все искусство жонглера, чтобы вновь поймать и «налить» бульон в кастрюлю.

Попытка пользоваться ложками осталась безрезультатной: бульон смачивал ложки до самых пальцев, висел на них сплошной пеленой. Обмазали ложки жиром, чтобы предупредить смачивание, но от этого дело не стало лучше: бульон превращался в шарик, и не было никакой возможности донести эту невесомую пилюлю до рта.

В конце концов догадались сделать трубки из бумаги и с помощью их принялись пить бульон, всасывая его в рот. Таким же образом наши друзья пили воду, вино и вообще всякие жидкости в этом своеобразном мире, лишенном тяжести.

«Завтрак в невесомой кухне» — такой главы в действительности в романе Жюль Верна никогда не было. За великого французского фантаста эту главу дописал известный популяризатор физики, астрономии и космонавтики Яков Исидорович Перельман. Его книга «Межпланетные путешествия», которая впервые вышла в 1915 году, выдержала 10 изданий! Он первый рассказал широким кругам читателей об идеях Циолковского, писал о проблемах межпланетных сообщений почти за полвека до того, как в небе появился искусственный спутник Земли.

Перельман был не только популяризатором, но и научным фантастом. В книге «Ракетой на Луну» он рассказал, как может произойти лунный перелет. А много раньше, в 1914 году, написал его рассказ «Завтрак в невесомой кухне», несколько расширивший рамки романа «Из пушки на Луну».

Достижения науки и техники тех лет, когда Жюль Верн писал свои книги, не давали еще возможности предвидеть все особенности реального полета в космос. Жюль Верн не мог знать о перегрузках, об обязательном чувстве невесомости свободного полета. Вот как пишет об этом полете Жюль Верн:

«— Никколь, движемся ли мы?»

Никколь и Ардан переглянулись: они не чувствовали колебаний снаряда.

— Действительно! Движемся ли мы? — повторил Ардан.

— Или спокойно лежим на почве Флориды? — спросил Никколь.

— Или на дне Мексиканского залива? — прибавил Мишель».

Конечно, попытка Перельмана описать события, которые могли бы произойти в космическом снаряде, представляет несомненный интерес. Ардан, Барбикен и Никколь не были подготовлены к «шуткам» невесомости, и Перельман попытался показать те неожиданности, которые подстерегали путешественников.

А как чувствовали себя в полете пионеры космической эры Гагарин и Титов, читатель знает. Вот несколько цитат.

Из текста радиопереговоров между пунктом управления и космическим кораблем «Восток» 12 апреля 1961 года:

«Гагарин. Сброс головного обтекателя... Вижу Землю... Несколько растут перегрузки, самочувствие отличное, настроение бодрое.

...Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее».

Из ответов Германа Титова на пресс-конференции, посвященной его полету:

«Вопрос: журнал «Техника — молодежи» — расскажите, пожалуйста, подробнее о «технике обеда». Пользовались ли вы ложкой, вилкой или нет? И какой был обед?»

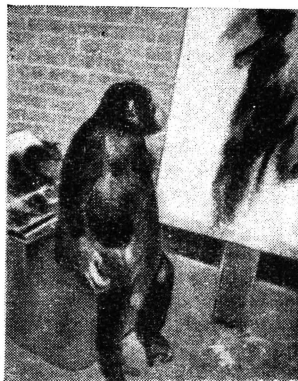
Ответ: К огорчению товарищей из «Техники — молодежи», во время обеда никакой «техникой» я не пользовался. Обед мой состоял из специально приготовленной пищи, которая была заключена в тубы. Ее надо было выдавливать и глотать. В этом вся операция по приему пищи. Очень легко».

Да, советских космонавтов потеря веса не застала врасплох. Своими полетами они на опыте доказали, что и в царстве невесомости можно спокойно жить и работать!

Борис ЛЯПУНОВ

БУНТ В САМОЛЕТЕ

Из Калькутты в Мюнхен летел самолет. На борту находилась сотня пассажиров, связанных по рукам и ногам. Некоторым из них в полете удалось освободиться. Одни блокировали экипаж самолета, другие бросились освобождать своих пленных собратьев. К счастью, радиосвязь с ближайшим аэродромом оказалась исправной, и экипажу удалось не только благополучно посадить самолет, но и благововременно вызвать из зоопарка отряд смотрителей, опытных в обращении с обезьянами, — ведь они и были пассажирами самолета. Но даже этому отряду с трудом удалось смирить обезьяний бунт.

ПРОФАНАЦИЯ ИСКУССТВА

В связи с трехлетием Бьоти, крупнейшего художника-абстракциониста, в залах одной из художественных галерей Нью-Йорка была открыта выставка его произведений.

На зернисаже присутствовал сам «художник», восторженно встреченный почитателями его таланта.

Правда, юбиляр в силу ограниченных умственных способностей не в состоянии в должной мере оценить свой успех и сопутствующие ему материальные блага. Зато успех этот давно оценили владельцы самого «художника». Картины Бьоти продаются на расхват по высокому ценам: от 45 до 95 долларов за одно полотно без рамы.

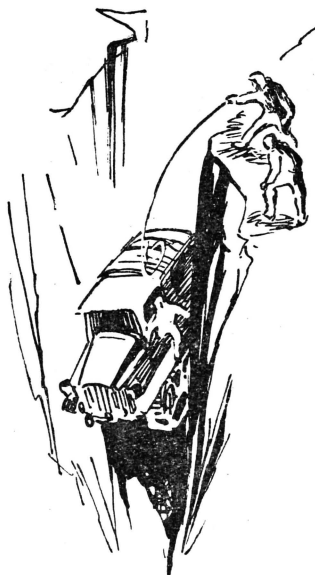
Как известно, Бьоти всегонавсего шимпанзе из зоопарка Цинциннати (США). Интересно отметить: в моменты «творчества» Бьоти с равным успехом пользуется для создания своих «картин» лапами, носом и даже языком.

ПРЫЖОК В ПРОПАСТЬ

Вряд ли кому-нибудь удалось совершить прыжок в пропасть, да еще на тракторе. А вот австралийский полярник Хендрик Гейсен...

Впрочем, обо всем по порядку.

В октябре 1960 года зимовщики антарктической станции Моусон (Австралия) двинулись в глубь ледяного материка, чтобы провести исследование в горах Принца Чарльза. Неподдалеку от цели большая трещина преградила путь тракторному поезду. Ведущий трактор сделал резкий поворот и упал на бок — одна его гусеница попала в трещину. Гейсен — он вел вторую машину — начал маневрировать, чтобы помочь товарищу. Вдруг трактор Гейсена осел, наклонился и через мгновение исчез в огромной трещине, которую полярники сначала не заметили. Ее глубина составляла около 275 метров. Пролетев больше 50 метров, трактор с человеком застрял в су-

жавшихся ледяных боках трещины. Тогда спутники Гейсена спустились туда по веревке, разбили стекло кабины и вытащили тракториста... невредимым!

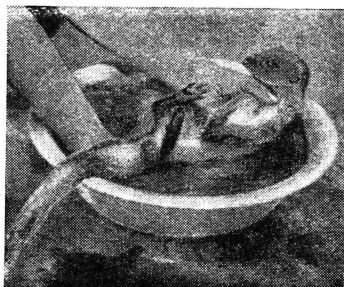
НОВАЯ МОДА

У лондонских кошек появился серьезный конкурент. Следуя моде, многие англичане, любители домашних животных, отдают теперь предпочтение экзотическому существу — мангусте. Специальные магазины в Лондоне бойко торгуют по высокой цене этим ходким товаром.

На родине, в Индии, мангусты славятся как истребители змей. Там их нередко приручают и используют для охраны жилищ от ядовитых пресмыкающихся. В Лондоне обязанности мангуст безопаснее и значительно проще. Здесь им приходится только забавлять своих хозяев. Потешные, привязчивые зверьки успешно справляются с этой задачей.

Частая ванна — одна из любимых мангустами процедур. Но уго-

дить им не так-то просто. Недостаточно нагретая вода может надолго испортить настроение капризным животным. Требуя немалых забот, мангусты заполняют жизнь богатых, скучающих хозяев.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ. Особая необходимость	2
Чудеса XX века	36
П. ПОНОМАРЕВ. Конструкторы на фермах	38
ОЛЕГ КУВАЕВ. Зажгите огни в океане	46
Г. ГОЛУБЕВ. Венера, вам слово!	80
Снимки рассказывают	86
Г. РЯБОВ, А. ХОДАНОВ. Фамильный рубль	88
Лицом к лицу с опасностью	110
РОБЕРТ ШЕКЛИ. Премия за риск	114
Веселая страничка	129
ЛЕОНИД БОРИСОВ. Будни волшебника	130
Я. ПЕРЕЛЬМАН. Завтрак в невесомой кухне	152
Всемирный калейдоскоп	158

ЧИТАЙТЕ В „ИСКАТЕЛЕ“:

...Посреди бетонной площадки стоит странное сооружение. Оно уже ничем не похоже на самолет. Нет киля, нет крыльев. Одни только двигатели, сопла которых смотрят в землю.

Это турболет — аппарат, который впервые должен подняться с земли. Вот он оторвался от взлетной площадки...

Работа летчика-испытателя, построенная на разумном риске, ведет к открытию неизведанной высоты и скорости. Он разведчик, идущий впереди. Это его труд обеспечивает безопасность тех, кто будет летать на серийных машинах...

Летчикам-испытателям посвящает свой очерк «Повесть о заоблачном друге» молодой исследователь Андрей Меркулов. Очерк будет напечатан в «Искателе».

Рисунок на 3-й обложке сделал художник Г. Храпан. На четвертой стр. обложки:

Около берегов Гренландии дежурит специальный ледовый патруль. Он «следит» за дрейфом айсбергов, которые представляют серьезную опасность для кораблей.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель В. НЕМУХИН

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцьевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38

А03922. Подп. к печ. 19/VI 1962 г. Бумага 84×108^{1/32}. Печ. л. 5 (8,2)
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 764

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцьевская, 21.

Читайте
в «ИСКАТЕЛЕ»
очерк А. Меркулова
О ЛЕТЧИКАХ-ИСПЫТАТЕЛЯХ.

ЦЕНА 20 коп.

